

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ ПРИСУЖДЕНИЕ

УЧРЕЖДЕННЫХ

П. Н. ДЕМИДОВЫМЪ

НАГРАДЪ.

20 Мая 1858 года.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1859.

**Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1859 года.**

Исправляющій должность Непременнаго Секретаря *К. Весселовскій*.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Общій отчетъ о двадцать семьомъ присужденіи Демидовскихъ наградъ, читанный въ публичномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ Академикомъ <i>К. С. Веселовскимъ</i> , 20 Мая 1858 года.....	1
Разборъ сочиненія магистра Шмидта подъ заглавіемъ: <i>Untersuchungen über die silurische Formation von Ebstland, Nord-Livland und Oesel</i> , составленный Академикомъ <i>Г. П. Гельмерсеномъ</i>	29
Разборъ сочиненія магистра Шмидта подъ заглавіемъ: <i>Untersuchungen über die silurische Formation von Ebstland, Nord-Livland und Oesel</i> , составленный Докторомъ <i>Пандеромъ</i>	35
Разборъ сочиненія Профессора П. П. Заблочкиаго подъ заглавіемъ: Руководство къ изученію и лѣченію сифилитическихъ болѣзней, составленный вице-президентомъ Императорской Медико-Хирургической Академіи профессоромъ, Докторомъ <i>Гальбовымъ</i>	41
Разборъ сочиненія А. Н. Попова, подъ заглавіемъ: Исторія возмущенія Стеньки Разина, составленный Академикомъ <i>Н. Г. Устряловымъ</i> .	103
Разборъ сочиненія экстраординарнаго профессора И. Чистовича, подъ заглавіемъ: Исторія С.-Петербургской Духовной Академіи, составленный Академикомъ <i>Н. Г. Устряловымъ</i>	109
Разборъ сочиненія А. Пыпина подъ заглавіемъ: Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, составленный Академикомъ <i>И. И. Срезневскимъ</i>	113
Разборъ сочиненія А. Майкова, подъ заглавіемъ: Исторія Сербскаго языка по памятникамъ, писаннымъ кириллицею, въ связи съ исторіею народа, составленный Академикомъ <i>И. И. Срезневскимъ</i>	121

ОБЩИЙ ОТЧЕТЪ

О

ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ

ДЕМИДОВСКИХЪ НАГРАДЪ,

ЧИТАННЫЙ

ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ,

ВСПРАВЛЯЮЩИЙ ДОЛЖНОСТЬ НЕПРЕРЫВНАГО СЕКРЕТАРЯ

АКАДЕМИКОМЪ К. С. ВЕСЕЛОВСКИМЪ,

20 Мая 1858 года.

Къ сроку закрытія XXVII конкурса, 1-го ноября 1857 г. поступило отъ авторовъ 21 сочиненіе; къ нимъ присоединено два сочиненія, отложенныхъ отъ предшествовавшаго конкурса, и два, внесенныхъ Членами Академіи. Такимъ образомъ общее число состязавшихся сочиненій было 25; въ томъ числѣ:

По Механикѣ и Строительному искусству	4.
— Естественнымъ наукамъ	2.
— Медицинѣ	2.
— Военнымъ наукамъ	1.
— Исторіи, Археологіи и Хронологіи	7.
— Статистикѣ и Политической экономіи	3.
— Филологіи	6.
	<hr/>
	25.

Изъ этихъ сочиненій, 17 рассмотрѣно Академиками, а 7 посторонними учеными, по выбору и приглашенію Академіи. Сдѣланные рецензентами разборы служили основаніемъ и исходными точками для оцѣнки истиннаго значенія и сравнительнаго достоинства каждаго изъ состязавшихся сочиненій и для присужденія вслѣдствіе того премій.

I.

Японско-Русскій Словарь, составленный I. Гошкевичемъ при пособіи Японца Тацибана но Коосай. С. Петербургъ. 1857 г. Напечатанъ, съ Высочайшаго соизволенія, Азіятскимъ Департаментомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

При современномъ состояніи еще весьма недостаточнаго познанія Японскаго языка въ Европѣ, книга г. Гошкевича была бы во всякомъ случаѣ замѣчательнымъ явленіемъ; но значеніе и важность ея увеличиваются въ особенности по отношенію къ настоящему времени, когда Японія, бывшая столько вѣковъ почти герметически закрытою для Европы, начинаетъ мало по малу, какъ бы уступая общему закону вліянія Европейской образованности на остальные части свѣта, отворять свои порты для нашей торговли.

Извѣстно, что вслѣдствіе своего географическаго положенія и хода историческихъ событій, Японія весьма поздно становится извѣстною Европейцамъ. Не упоминая о первыхъ, баснословныхъ сказаніяхъ Марко Поло о Японіи, которую онъ описалъ подъ названіемъ «Сипангу», можно сказать, что честь перваго открытія Японіи для Европейцевъ принадлежитъ отважнымъ Португальскимъ морякамъ, которые въ 1542 году были отброшены бурей къ Японскимъ берегамъ и, приставъ къ нимъ, нашли здѣсь самый радужный пріемъ. Вслѣдъ за этими смѣльчаками, которыхъ даже имена не очень достоверно извѣстны, стали проникать сюда Португальскіе торговцы, но въ особенности Португальскіе миссіонеры — іезуиты, которыхъ успѣхи были столь быстры, что вся страна едва не была обращена въ Христіанство. Примѣръ Португальцевъ скоро привлекъ сюда Испанцевъ, Англичанъ и Голландцевъ; но этотъ, можно сказать, блестящій періодъ знакомства Европы съ Японіею былъ весьма непродолжителенъ, и уже въ 1637 году эта страна на-

крѣпко запираетъ свои гавани для всякаго христіанскаго народа. Всѣ попытки, которыя съ тѣхъ поръ дѣлались разными государствами къ сближенію съ недоступною имперією, оставались безъ успѣха, такъ что Японіи удалось болѣе, чѣмъ самому даже Китаю, оградить себя отъ вліянія Европейскаго.

Поэтому неудивительно, что всѣ наши свѣдѣнія о Японіи, о ея исторіи, религіи, нравахъ, обычаяхъ и даже о физическихъ свойствахъ страны, весьма недостаточны, ограничиваясь болѣею частью извѣстіями немногихъ путешественниковъ, которымъ какой либо счастливый случай доставлялъ возможность посѣтить край. Тоже самое должно сказать о языкѣ Японскомъ, изученіе котораго въ Европѣ до сихъ поръ мало подвинулось впередъ, не смотря на то, что онъ сталъ извѣстенъ еще съ половины XVI столѣтія, трудами Португальскихъ миссіонеровъ. Отъ эпохи процвѣтанія здѣсь пропаганды, дошли до насъ двѣ грамматики Японскаго языка, которыя, не смотря на ихъ несовершенства, остаются и до сихъ поръ необходимымъ пособіемъ для того, кто захотѣлъ бы добраться до познанія этого языка. Изъ этихъ двухъ грамматикъ, одна, составленная Родригезомъ, сперва появилась въ Нангасаки въ 1604 г., а въ послѣдствіи, именно въ 1825 году, издана Парижскимъ Азіятскимъ Обществомъ, во Французскомъ переводѣ Ландреса, съ добавленіями Абель-Ремюза. Въ 1826 г. издано къ ней дополненіе, написанное Барономъ Вильгельмомъ Гумбольдтомъ. Другая грамматика, изданная въ 1632 г. въ Римѣ, сочиненія Колладо, хотя уступаетъ грамматикѣ Родригеза, но съ своей стороны содержитъ въ себѣ много дѣльных замѣчаній, могущихъ служить ей дополненіемъ и объясненіемъ *). Въ новѣйшее время къ этимъ грамматикамъ, которыхъ главный недостатокъ состоитъ въ томъ, что въ основаніе ихъ полагалась грамматика Латинская, присоединилось руководство къ изученію Японскаго

*) Есть еще и третья грамматика, происходящая отъ Португальскаго періода, составленная Альварезомъ и напечатанная въ Амакусѣ, въ 1393 году; но кажется, что эта библиографическая рѣдкость есть только Латинская грамматика, написанная для существовавшего въ Амакусѣ училища для Японцевъ.

языка, изданное въ прошломъ году въ Парижѣ Виконтомъ Леономъ де Рони. Сочиненіе Донкера Курціуса «*Proeve eener Japansche Spraakkunst*» изданное въ 1857 году въ Лейденѣ профессоромъ Гофманномъ обратило на себя вниманіе ученыхъ только по причинѣ весьма дѣльных прибавленій издателя, отъ котораго мы въ правѣ ожидать Японской грамматики, удовлетворяющей строгимъ требованіямъ лингвистики.

Что касается словарей, то и ихъ составленіи позаботились Португальскіе миссіонеры; два изъ нихъ напечатаны въ Японіи (одинъ въ Амакусѣ въ 1595 году, другой въ Нангасаки въ 1603, оба съ Португальскимъ объясненіемъ Японскихъ словъ), а третій въ Римѣ въ 1632 г., сочиненіе Колладо. Важнѣйшій недостатокъ всѣхъ этихъ словарей тотъ, что Японскія слова писаны Латинскими буквами. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе почти двухъ сотъ лѣтъ, не явилось ничего замѣчательнаго по части изученія Японскаго языка, и только въ нынѣшнемъ столѣтіи начинаются снова усилія Европейскихъ ученыхъ достигнуть познанія этого языка. Не упоминая о книжкѣ Медгорста (*An English and Japanese, and Japanese and English vocabulary. Batavia 1830*), авторъ которой, отличный синологъ, не знаетъ по Японски, и потому не могъ избѣжать самыхъ грубыхъ ошибокъ, должно сказать, что замѣчательное собраніе матеріаловъ для Японскаго словаря сдѣлано докторомъ Зибольдомъ. Въ нынѣшнее время двое ученыхъ, независимо одинъ отъ другаго, трудятся надъ составленіемъ Японскаго словаря: Августъ Фицмайеръ въ Вѣнѣ, и Виконтъ Леонъ де Рони, въ Парижѣ; но словарей того и другаго вышло понынѣ лишь по одному выпуску.

Такимъ образомъ изданіемъ своей книги г. Гошкевичъ передалъ Европейскихъ ориенталистовъ, занимающихся тѣмъ же предметомъ, и доставилъ ученому міру такой словарь, въ какомъ издавна чувствовался недостатокъ. Мы бы охотно назвали этотъ трудъ первымъ и въ хронологическомъ порядкѣ Японоско-Русскимъ Словаремъ, если бы долгъ справедливости не заставлялъ насъ упомянуть здѣсь съ признательностью объ

Одномъ Русскомъ, который болѣе чѣмъ за 50-ть лѣтъ предъ симъ, когда въ Европѣ никто изъ ученыхъ не помышлялъ о Японскомъ языкѣ, составилъ руководство къ изученію этого языка; но его трудъ остался неизданнымъ и потому мало кому извѣстнымъ. Почетный Членъ Академіи Наукъ Каммергеръ Николай Резановъ, бывшій въ 1803 году въ Японіи въ качествѣ посланника, воспользовался представившимся ему благопріятнымъ случаемъ для изученія Японскаго языка, и съ не малымъ трудомъ составилъ азбуку, первоначальныя грамматическія правила, разговоры, и словарь Японскій, расположенный по Русскому алфавиту. Эти, во всякомъ случаѣ замѣчательные, труды сохраняются въ видѣ рукописей въ Азіатскомъ Музѣ Императорской Академіи Наукъ *).

* Труды Резанова, кажется, были неизвестны г. Гошкевичу, при составленіи имъ Словаря; по крайней мѣрѣ онъ вовсе не упоминаетъ объ нихъ въ своемъ предисловіи, гдѣ исчислены другіе источники, которыми онъ пользовался. — О трудахъ Резанова упоминаетъ между прочимъ Аделунгъ, въ книгѣ *Catherinens der Groschen Verdienste um die vergleichende Sprachkunde*. S. Petersb. 1818. 4° стр. 199 и 200.

Не могу при этомъ случаѣ не упомянуть, что уже Петръ Великій прозрѣвалъ великую пользу отъ изученія Русскими Японскаго языка, и принималъ къ тому мѣры, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго указа, еще нигдѣ не напечатаннаго и выписаннаго изъ Сибирскаго Приказа изъ книги за № 9900, стр. 264, въ Архивѣ старыхъ Дѣлъ при Московскихъ Департаментахъ Сената. «Лѣта 1703-го Октября въ 16 день по Указу Великаго Государя и Великаго Князя Петра Алексѣевича всея Великія и малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца Генералу Фельдцейхмейстеру Царевичу Александру Арчиловичу да Генералъ Маіору и Губернатору Якову Вилимовичу Брюсу съ товарищами. Въ прошломъ 702 году Апрѣля въ 16-й день, по Его Великаго Государя Указу отосланъ изъ Сибирскаго Приказу въ приказъ артиллеріи, Японскаго Государства иноземецъ Денбей для ученія Русскаго языка и грамоты, а какъ онъ Денбей Русскому языку и грамоты изучится, и ему Денбею учить своему Японскому языку и грамотѣ робить человекъ четырехъ или пяти. И Великій Государь, Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ всея Великія и малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ указалъ изъ Приказу Артиллеріи въ Сибирскій Приказъ отписать: Японскаго Государства иноземецъ Денбей Русскому языку и грамотѣ въ Приказѣ Артиллеріи выучился? и своему языку и грамотѣ робить сколько человекъ выучить, и вынѣ учить ли? И по Указу Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича всея Великія и малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца Генералу Фельдцейхмейстеру Царевичу Александру Арчиловичу да Генералу Маіору Якову Вилимовичу Брюсу съ товарищи учинить по Указу Великаго Государя». Продолженія не отыскано. Принись Дьяка Ивана Чепелева.

Академія, хотя и не имѣетъ въ числѣ своихъ членовъ никого, кто бы занимался Японскимъ языкомъ, сочла однако своимъ долгомъ принять всевозможныя мѣры для того, чтобы столь важный трудъ г. Гошкевича былъ оцененъ по достоинству. — Ординарный Академикъ М. И. Броссе взялъ на себя войти въ сношеніе съ учеными, которые въ этомъ случаѣ могли быть полезны своими познаніями. Черезъ его посредство Академія получила письменныя мнѣнія съ одной стороны — знатока Японскаго языка, Члена Совѣта Парижскаго Азіатскаго Общества Виконта Леона де Рони, а съ другой — извѣстнаго нашего синолога, переводчика Китайскаго и Маньчжурскаго языковъ при Азіатскомъ Департаментѣ Коллежскаго Совѣтника Леонтьевскаго.

Отзывъ г. Леона де Рони, послужившій Академіи основаніемъ для обсужденія достоинства Словаря г. Гошкевича, былъ слѣдующій: «Что составить себѣ, конечно, лишь приблизительное понятіе объ этой книгѣ, я просилъ ученаго моего друга Александра Ходзько перевести мнѣ изустно нѣсколько мѣстъ, въ особенности объясненія Японскихъ словъ, представляющихъ трудности для перевода на Европейскій языкъ. Сколько я могу судить, трудъ г. Гошкевича исполненъ съ большимъ тщаніемъ и знаніемъ дѣла; Русскія объясненія вообще совершенно вѣрны и хорошо составлены. Тѣ, которые будутъ пользоваться этимъ Словаремъ для изученія Японскаго языка, конечно пожалѣютъ о томъ, что подлѣ начертанія Японскихъ словъ знаками азбуки Ката-кана, не присоединено произношеніе словъ буквами какого либо Европейскаго языка, что могло бы немало облегчить употребленіе Словаря. Буддійскія выраженія, которыя я искалъ въ книгѣ, въ ней не находятся. Что касается объясненія словъ изъ естественной исторіи, то должно сожалѣть, по моему мнѣнію, что авторъ въ подкрѣпленіе представляемой имъ синонимики, не привелъ достаточно авторитетовъ для доказательства точности указаній, которая кажется мнѣ часто сомнительною. Приложенная къ Словарю таблица упо-

требительнѣйшихъ Китайскихъ знаковъ увеличиваетъ пользу книги, но недостатокъ транскрипцій (т. е. выраженія выговора словъ Европейскими буквами) здѣсь еще ощутительнѣе, чѣмъ въ самомъ Словарѣ, потому что Японскія слова въ этой таблицѣ начертаны буквами азбуки Фира-кана, которая, какъ извѣстно, представляетъ для чтенія столько трудностей для непривычныхъ. Кромѣ того я думаю, что указатель, расположенный въ порядкѣ Китайской системы, былъ бы болѣе полезенъ, и въ особенности болѣе удобенъ, чѣмъ расположенный по алфавиту. Вообще же Японско-Русскій словарь г. Гошкевича есть превосходный трудъ, за который нельзя не воздать должной похвалы трудолюбію и обширнымъ познаніямъ, требовавшимся для его исполненія. Быстрое появленіе сей книги въ печати, чѣмъ г. Гошкевичъ упредилъ подобныя же изданія, начатыя прежде его, тѣмъ болѣе увеличиваетъ ея значеніе, что она въ настоящее время оказываетъ важную услугу Европѣ и въ особенности Россіи, которая, конечно, поняла, что Японія есть страна, опередившая собою другія страны Восточной Азіи и къ которой должны болѣе и болѣе устремляться взоры морскихъ державъ Запада.»

Академія Наукъ, принявъ во вниманіе важность труда г. Гошкевича и опираясь на отзывъ Виконта Леона де Рони о достоинствѣ выполненія его, присудила автору полную Демидовскую премію.

II.

Изъ сочиненій, удостоенныхъ половинныхъ премій, книга Полковника Корпуса Инженеровъ Путей Сообщенія Барона Дельвига:

Руководство къ устройству водопроводовъ,

была разсмотрѣна, по просьбѣ Академіи, корреспондентомъ оной Инженеръ Генераль-Маіоромъ Стан. Валер. Кербедзомъ, который, не смотря на множество лежавшихъ на немъ служеб-

ныхъ занятій, не отказался оказать своими обширными учеными познаниями содѣйствіе Академіи при оцѣнкѣ этого замѣчательнаго сочиненія.

Важность предмета книги Барона Дельвига не можетъ укрыться отъ вниманія всякаго, кто подумаетъ о необходимости снабженія городовъ здоровою водою, и вспомнить, что искусство устройства водопроводовъ имѣетъ литературу, еще не соотвѣтствующую обширности задачи, въ современномъ положеніи науки.

Археологъ и историкъ могутъ приходить въ восторгъ и удивленіе при видѣ монументальныхъ сооружений, уцѣлѣвшихъ отчасти и понынѣ, которыми Римляне, въ древней столицѣ міра и въ покоренныхъ ими странахъ, засвидѣтельствовали о своей заботливости къ снабженію городовъ предметовъ первой необходимости—хорошею водою; но эти великолѣпные памятники древняго искусства могутъ въ наше время срывать лишь улыбку на устахъ человѣка, непрічастнаго археологическому энтузіазму, и смотрящаго на нихъ съ точки зрѣнія современной инженерной науки. При ограниченныхъ, по нашимъ понятіямъ, свѣдѣніяхъ Римлянъ въ физикѣ и механикѣ, ихъ акведуки суть сооруженія такіа дорогіа, что послѣ Рима ни одна страна не была въ состояніи не только производить подобныя, излишне стоящія работы, но даже поддерживать старыя. Въ новѣйшее время быстрые успѣхи наукъ, вспомогательныхъ для искусства устройства водопроводовъ, дали возможность возводить этого рода сооруженія съ меньшими издержками, и если они потеряли часть своего значенія, какъ монументы, то выиграли въ отношеніи ихъ доступности для средствъ ограниченныхъ и слѣдовательно въ отношеніи общаго распространенія.

Наука объ устройствѣ водопроводовъ собственно принадлежитъ XIX вѣку; ибо всѣ многоразличные вопросы, относящіеся до этого устройства, сдѣлались предметомъ отдѣльнаго изученія не давѣе какъ лѣтъ 25-ть предъ симъ. Поэтому сочиненія по этой части еще рѣдки и въ иностранныхъ литературахъ. Лучшими изъ нихъ Баронъ Дельвигъ,

въ предисловіи къ своей книгѣ, признаетъ труды Французскихъ инженеровъ Женьеса и Дюпюи. Женьесъ первый занялся этимъ предметомъ исключительно; но теоретическая часть въ его сочиненіи недостаточно развита для разрѣшенія многочисленныхъ вопросовъ, представляющихся при устройствѣ водопроводовъ; практическіе же приемы значительно усовершенствованы въ 25 лѣтъ, протекшихъ со времени напечатанія его сочиненія. — Руководство къ устройству водопроводовъ Дюпюи полнѣе всѣхъ прочихъ; но теоретическая часть изложена не всегда съ надлежащею ясностью, практическая же не вполнѣ удовлетворительна для Русскихъ инженеровъ, которымъ необходимо бороться съ суровостью климата. Эти причины побудили Барона Дельвига составить представленное нынѣ на конкурсѣ руководство, въ теоретической части коего онъ слѣдовалъ сочиненію Дюпюи, но старался съ должною ясностью вывести всѣ формулы, необходимые при составленіи проектовъ; практическая же часть обработана имъ совершенно вновь, при чемъ онъ пользовался разными сочиненіями и собственными опытами при устройствѣ водопроводовъ въ Москвѣ и Нижнемъ-Новгородѣ.

По отзыву Генераль-Маіора Кербедза, сочиненіе Барона Дельвига заслуживаетъ особеннаго вниманія уже потому, что оно есть первый на Русскомъ языкѣ самостоятельный трактатъ объ устройствѣ водопроводовъ; независимо отъ этого оно представляетъ много несомнѣнныхъ достоинствъ, какъ систематическій сводъ всѣхъ новѣйшихъ заграничныхъ изслѣдованій по этому предмету, и какъ сводъ собственныхъ опытовъ автора, на работахъ его по снабженію водою Нижняго-Новгорода и Москвы, которымъ была посвящена большая половина его жизни и почти вся служебная дѣятельность. При настоящихъ обстоятельствахъ и при усиливающемся болѣе и болѣе убѣжденіи въ необходимости озаботиться снабженіемъ городовъ чистою водою, книга Барона Дельвига, по мнѣнію рецензента, можетъ принести огромную пользу строителямъ водопроводовъ, такъ какъ она заключаетъ въ себѣ множество

данныхъ, извлеченныхъ изъ наблюденій надъ нашими мѣстными и въ особенности надъ климатическими условіями подобнаго рода работъ. Всѣ отдѣлы этой книги обработаны съ большою отчетливостію и съ тѣмъ совершеннымъ знаніемъ дѣла, которое можно встрѣтить только у специалистовъ, долго, добросовѣстно и многосторонно изучавшихъ свой предметъ. Въ заключеніе рецензентъ прибавляетъ, что частные недостатки книги Барона Дельвига неизбежны болѣе или менѣе не только въ каждомъ первомъ опытѣ труда подобнаго рода, но и вообще во всѣхъ трактатахъ, гдѣ дѣло идетъ о предметѣ постоянно развивающемся, совершенствующемся и далеко еще не исчерпанномъ современными строителями. Тѣмъ не менѣе важность и отчетливое исполненіе этого труда ставятъ его въ разрядъ замѣчательныхъ явленій. Прибавимъ наконецъ, что потребность въ «Руководствѣ для устройства водопроводовъ» была такъ велика, что все изданіе книги разошлось менѣе чѣмъ въ годъ, не удовлетворивъ всѣхъ многочисленныхъ и продолжающихся и по сіе время требованій на нее.

III.

Сочиненіе г. Шмидта, изданное на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ:

Исслѣдованія о силурійскомъ почвѣ Эстляндіи, Сѣверной части
Лифляндіи и острова Эзеля (Fried. Schmidt, Untersuchungen über die silurische Formation von Ehstland, Nord-Livland und Oesel)

поступило на состязаніе въ видѣ рукописи, но ко времени присужденія премій уже окончено печатаніемъ. — Оно было разсмотрѣно ординарнымъ Академикомъ Г. П. Гельмерсеномъ и докторомъ Пандеромъ, которые оба признаютъ, что оно существенно подвинуло впередъ наши познанія о геологій Остзейскихъ губерній и составляетъ необходимое пособіе для каж-

даго, желающаго ближе изучить древнѣйшія осадочныя почвы Россіи.

Сочиненіе г. Шмидта раздѣляется на четыре отдѣла: 1) *историческій*, въ которомъ авторъ разбираетъ труды своихъ предшественниковъ и говоритъ о собственныхъ своихъ изслѣдованіяхъ и путешествіяхъ, совершенныхъ съ 1851 по 1856 годъ большею частью на иждивеніе Дерпскаго Общества Естествениспытателей; 2) *геогностическій*, въ которомъ описывается рядъ отдѣльныхъ слоевъ, образующихъ собою силурійскую систему; 3) *обзоръ изслѣдованныхъ каменоломенъ и обнаженій горныхъ породъ*, съ указаніемъ окаменѣlostей, найденныхъ въ каждомъ изъ нихъ, и 4) *палеонтологическій*, заключающій въ себѣ опредѣленіе родовъ и видовъ органическихъ остатковъ, и составляющій главное основаніе всего этого труда, ибо органическіе остатки представляютъ единственный способъ для опредѣленія относительной древности пластовъ силурійской системы.

Академикъ Гельмерсенъ, въ своемъ разборѣ, замѣчаетъ, что г. Шмидтъ, согласно со всѣми своими предшественниками на томъ же поприщѣ изслѣдованій, принимаетъ въ силурійской почвѣ двѣ формаціи — верхнюю и нижнюю, раздѣляя послѣднюю на два главныхъ отдѣла, а первую на три; каждый изъ этихъ главныхъ отдѣловъ состоитъ изъ нѣсколькихъ подраздѣленій, которыя сгруппированы у автора въ 8 разныхъ членовъ формаціи, съ обозначеніемъ каждой изъ нихъ особую краскою и нумеромъ на приложенной къ сочиненію геологической картѣ. Это разчлененіе основывается не столько на замѣченныхъ отношеніяхъ наслоенія, потому что послѣднія обнаруживаются лишь изрѣдка и въ видѣ исключеній, сколько на палеонтологическомъ содержаніи слоевъ. Удержится ли и въ послѣдствіи самостоятельность каждаго изъ принятыхъ авторомъ членовъ формаціи, это остается пока вопросомъ неразрѣшимымъ; во всякомъ однакоже случаѣ, по мнѣнію рецензента, точныя и тщательныя ихъ описанія поучительны и отчасти со-

вершенно новы, потому что авторъ осмотрѣлъ такія мѣстности, которыя были доселѣ неизвѣстны геологамъ. Кромѣ того, г. Шмидтъ представилъ нѣсколько хорошо подмѣченныхъ и поучительно описанныхъ данныхъ объ эрратическихъ явленіяхъ и о вынѣшнихъ образованіяхъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ также замѣтки его о вторичномъ мѣстонахожденіи силурійскихъ известняковъ и о приращеніи суши посредствомъ аллювіальныхъ наносовъ.

Г. Гельмерсенъ признаетъ особенно полезнымъ третій отдѣлъ книги, содержащій въ себѣ обзоръ изслѣдованныхъ г. Шмидтомъ каменноугольныхъ и обнаженій горныхъ породъ, вмѣстѣ съ исчисленіемъ окаменѣлостей по ихъ мѣстонахожденіямъ. Это обзоръ доставитъ послѣдующимъ изслѣдователямъ возможность проверить и прослѣдить, такъ сказать, шагъ за шагомъ, наблюденія автора. Безъ такого указанія собственно не должно бы обходиться ни одно описательное геологическое сочиненіе, а между тѣмъ авторы подобныхъ сочиненій нерѣдко упускаютъ изъ вида такое требованіе науки.

Что касается опредѣленія найденныхъ окаменѣлостей, то отдѣлъ книги, посвященный этому предмету, г. Гельмерсенъ признаетъ полнѣйшимъ изложеніемъ всего доселѣ извѣстнаго о нашей силурійской фаунѣ, а для указанія ея учennaго достоинства достаточно упомянуть, что автору при изслѣдованіи окаменѣлостей помогали докторъ Пандеръ и графъ Кейзерлингъ. Какого выгоднаго мнѣнія сей послѣдній о трудѣ г. Шмидта видно изъ того, что онъ, немедленно по выходѣ въ свѣтъ этой книги, отправилъ экземпляръ оной къ знаменитому геологу нашего времени, ординарному Академику нашей Академіи Мурчисону, который напечаталъ ее столь важнымъ въ наукѣ явленіемъ, что сдѣлалъ ее предметомъ особой статьи, помѣщенной въ февральской книжкѣ Записокъ Лондонскаго Геологическаго Общества.

Докторъ Пандеръ, въ своемъ разборѣ книги г. Шмидта, написанномъ имъ по просьбѣ г. Академика Гельмерсена, того

мнѣнія, что нѣкоторые изъ видовъ окаменѣлостей, принятые г. Шмидтомъ, требуютъ еще точнѣйшаго изслѣдованія, и что нельзя согласиться съ показанною авторомъ послѣдовательностью расположенія слоевъ отъ Клейнъ-Маріена до Оберъ-Палена; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признаетъ, что лучшую часть труда г. Шмидта составляетъ третья глава, которая, свидѣтельствуя о рачительности и настойчивости автора въ изслѣдованіяхъ, дѣлаетъ его сочиненіе навсегда полезнымъ и необходимымъ. Въ геогностическомъ отдѣлѣ, впервые точно описаны обнаженія на сѣверномъ и западномъ берегахъ Эстляндіи и Лифляндіи, отъ Нарвы до Вердера; а въ этой третьей главѣ особенно приведены въ ясность геологическія отношенія внутренностей страны. Преимущественно же указываетъ г. Пандеръ на тѣ слои, который г. Шмидтъ обозначилъ цифрами 2 и 3; открытіемъ и описаніемъ этихъ слоевъ, равно и органическихъ въ нихъ остатковъ мы обязаны по большей части одному г. Шмидту, точно также и означенныхъ подъ № 8, на островѣ Эзелѣ, гдѣ авторъ открылъ значительное число новыхъ окаменѣлостей, которыя, какъ именно остатки рыбъ верхней силурійской системы, безъ него были бы досихъ поръ неизвѣстны.

Столь положительныя указанія достоинствъ этого труда доставили Академіи пріятный случай признать ученое значеніе его для науки, присужденіемъ ему половинной преміи.

IV.

Удостоенное такой же преміи сочиненіе Академика и Ординарнаго Профессора Медикохирургической Академіи, доктора медицины, Статскаго Совѣтника Заблоцкаго приводитъ насъ въ область медицины, и именно той части терапіи и хирургіи, которая имѣетъ задачею избавленіе рода человѣческаго, на сколько это возможно, отъ одного изъ лютейшихъ враговъ его — отъ болѣзней, весьма разнообразныхъ и довольно многочислен-

ныхъ, носящихъ общее названіе сифилитическихъ. Имя автора уже не въ первый разъ встрѣчается въ отчетахъ Демидовскаго учрежденія; на конкурсѣ 1848 года онъ былъ удостоенъ половинной преміи за весьма замѣчательную медицинскую монографію; кромѣ того Академія неоднократно поручала ему разборы представлявшихся на состязаніе медицинскихъ сочиненій, и въ изъясненіе своей признательности за такого рода содѣйствіе, въ 1847 году выдала ему установленную для рецензентовъ золотую медаль. Сочиненіе, представленное имъ на нынѣшній конкурсъ, Руководство къ изученію и лѣченію сифилитическихъ болѣзней, было, по просьбѣ Академіи, рассмотрѣно Вице-Президентомъ Медикохирургической Академіи, докторомъ, Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ Ив. Тим. Глѣбовымъ, который, будучи самъ опытнымъ врачомъ, въ пространномъ, доставленномъ Академіи разборѣ, подвергъ это сочиненіе подробной, весьма тщательной оцѣнкѣ.

Выставляя въ началѣ важность предмета книги г. Заблоцкаго, рецензентъ говоритъ, что, изъ всѣхъ болѣзней, сифилитическія суть самыя страшныя и самыя опустошительныя, отъ которыхъ страдаетъ и гибнетъ человѣкъ. Нѣтъ страны въ свѣтѣ, гдѣ бы не встрѣчалось это зло: Азія, Африка и Америка были попеременно обвиняемы въ первоначальномъ происхожденіи этой язвы; но Европа, эта страна образованности, едва ли не болѣе всѣхъ и сама терпитъ отъ нея и другимъ разноситъ ее въ даръ въ настоящее время. Нѣтъ государства, большаго или малаго, сильнаго или слабаго, которое бы не платило ей равно тяжелой данн. Нѣтъ сословія въ государствѣ, которое бы не приносило и заслуженныхъ и невинныхъ жертвъ этой страшной заразы, которая пожираетъ ихъ безъ различія пола и возраста, темперамента и тѣлосложенія, званія и состоянія. Нѣтъ части тѣла человѣка, которую бы щадила она. Опустошительное дѣйствіе этихъ болѣзней таково, что нельзя не признать услугою человѣчеству усилія врачей противодѣйствовать злу, изученіемъ свойства многообразныхъ формъ, въ которыхъ эти болѣзни

проявляются, и указаніемъ, путемъ опыта, надежнѣйшихъ средствъ изцѣленія или по крайней мѣрѣ уменьшенія вредныхъ ихъ послѣдствій. Указавъ важность избраннаго г. Заблоцкимъ предмета, рецензентъ переходитъ къ обстоятельному разбору каждой изъ отдѣльныхъ главъ, изъ коихъ состоитъ сочиненіе. По самому существу дѣла, мы не можемъ послѣдовать за рецензентомъ въ тѣ частности оцѣнки, въ которыя ученый врачъ вдался съ очевиднымъ увлеченіемъ къ дѣлу, какъ специалистъ, для котораго эти болѣзни были въ теченіе его медицинской практики предметомъ постояннаго вниманія и изученія. Здѣсь достаточно будетъ сказать, что г. рецензентъ, послѣ пространнаго разбора частныхъ, приходитъ къ такому общему заключенію, «что руководство къ изученію и лѣченію сифилитическихъ болѣзней» г. Заблоцкаго есть сочиненіе полное и цѣлое; способъ изложенія предмета вполне соответствуетъ требованіямъ современной науки. Понятіе о болѣзни авторъ составляетъ не по сочетанію только симптомовъ, образующихъ форму того или другаго вида или видоизмѣненія ея; напротивъ, онъ выводитъ его изъ изученія патологическаго процесса данной формы болѣзни, изъ анатомическаго перерожденія ткани, поражаемой опредѣленною формою недуга, изъ морфологическаго, отчасти даже химическаго измѣненія самой крови въ сифилитической болѣзни. Лѣченіе болѣзни авторъ основываетъ на соотношеніи патологическаго состоянія тѣла и фیزیологическаго дѣйствія лѣкарствъ на организмъ, дознаннаго опытами другихъ врачей и собственными наблюденіями автора. Если, при леченіи данной формы болѣзни, употребляется принятый уже способъ врачеванія или хирургической операціи, то авторъ дѣлаетъ строгій разборъ какъ способа леченія, такъ и пріемовъ операціи, и послѣ точной оцѣнки назначаетъ тотъ или другой способъ леченія, ту или другую методу операціи. Для болѣе яснаго и удобопонятнаго изложенія операцій, авторъ представилъ рисунки, въ которыхъ изобразилъ наружный видъ болѣзни, лучший инструментъ для данной операціи и удобѣй-

шіе приемы для ея исполненія. При этомъ рецензентъ счелъ нужнымъ упомянуть въ особенности о томъ, что авторъ часто обращаетъ вниманіе на обстоятельства лѣченія, которыя могутъ показаться мелочными; но эти, кажущіяся неважными, обстоятельства такого рода, что они имѣютъ большое вліяніе на успѣхъ или неуспѣхъ всего лѣченія, и притомъ такихъ болѣзней, которыя часто на всю жизнь потрясаютъ здоровье чело-вѣка. Поэтому такія обстоятельства имѣютъ несомнѣнно важное значеніе въ ученіи о сифилитическихъ болѣзняхъ и въ лѣченіи ихъ. И эта черта сочиненія г. Заблоцкаго, далеко не всѣмъ сифилографіямъ принадлежащая и не замѣтная для простаго читателя, заслуживаетъ особеннаго вниманія.

При изложеніи какъ понятія о болѣзни, такъ и способовъ лѣченія, авторъ не только не набѣгаетъ спорныхъ пунктовъ, но напротивъ выдвигаетъ ихъ самымъ редѣльнымъ образомъ впередъ, въ видѣ вопросовъ, и потомъ изслѣдуетъ ихъ съ самою ясною и положительною критикою, и если рѣшаетъ ихъ, положительно или отрицательно, то основываетъ свои рѣшенія не на многолѣтней своей практической опытности, какъ это часто встрѣчается между врачами, но на началахъ науки; опытность же автора, пріобрѣтенная имъ пятнадцати-лѣтнимъ не эмпирическимъ наблюденіемъ, но рациональнымъ изученіемъ сифилитическихъ болѣзней, служитъ только подкрѣпленіемъ положеній науки.

Впрочемъ критическій способъ изложенія авторъ не ограничилъ только нѣкоторыми частными вопросами, касающимися этихъ болѣзней; напротивъ онъ все сочиненіе свое изложилъ въ томъ же духѣ рациональной критики. Поэтому онъ включилъ въ него все, что собственно относится къ сифилису; но въ то же время, исключилъ то, что существенно къ нему не принадлежитъ, хотя другими писателями и вносится въ сферу его. Такое изложеніе предмета даетъ сочиненію характеръ совершенно самостоятельнаго труда. Но одно еще болѣе принимаетъ видъ труда оригинальнаго отъ того, что авторъ, какъ бы

въ замѣнѣ исключеннаго имъ; присоединилъ много новыхъ, собственными его наблюденіями и опытами добытыхъ, весьма важныхъ и полезныхъ понятій, служащихъ какъ къ точнѣйшему опредѣленію болѣзни, такъ собственно и къ вѣрнѣйшему употребленію средствъ лѣченія, причемъ онъ ввелъ различныя улучшенія въ способахъ хирургическихъ операцій. Наконецъ особое значеніе самостоятельности имѣетъ это сочиненіе еще и потому, что въ немъ авторъ разобралъ между прочимъ осложненія и видоизмѣненія болѣзни, въ особенности свойственныя нашему холодному и сырому климату, и именно осложненія и видоизмѣненія скорбутныя и золотушныя, условливающія собою упорность или разрушительность болѣзни. Такимъ образомъ понятно, какую пользу представляетъ Руководство Профессора Заблоцкаго о сифилитическихъ болѣзняхъ, для науки, для учащихся и для практическихъ врачей.

V.

Русская исторія почти постоянно, въ большемъ или меньшемъ числѣ представителей, являлась на Демидовскія состязанія, и почти каждый годъ представлялся Академіи случай присуждать преміи болѣе или менѣе обширнымъ трудамъ этого рода. И нынѣшній конкурсъ не составилъ въ этомъ случаѣ исключенія. Изъ представленныхъ сочиненій, относящихся прямо или посредственно къ области отечественной исторіи въ обширномъ смыслѣ слова, Академія увѣнчала нынѣ преміями три сочиненія, изъ которыхъ одно относится собственно къ политической исторіи Россіи, другое къ исторіи образованности, а третье къ исторіи литературы.

Сочиненіе А. Н. Попова: Исторія возмущенія Стеньки Разина (М. 1857 г.)

было внесено на соисканіе, на основаніи предоставленнаго Академикамъ по § VI и VII Положенія права, ординарнымъ Акаде-

никомъ Н. Г. Устряловымъ, который представилъ Академіи и краткую онаго оцѣнку. Въ своемъ разборѣ, онъ, между прочимъ, упоминаетъ, что недостатокъ печатныхъ источниковъ особенно оцутителенъ въ Русской Исторіи XVII вѣка. О нѣкоторыхъ событіяхъ, иногда весьма важныхъ, историкъ, если желаетъ основать свой рассказъ на достовѣрныхъ данныхъ, не въ состояніи составить себѣ отчетливое представленіе и объяснить его значеніе. Къ числу такихъ недостаточно объясненныхъ событій принадлежало понынѣ возмущеніе Стеньки Разина. Поэтому г. Поповъ, изданіемъ исторіи этого событія, составленной имъ на основаніи новыхъ источниковъ, собранныхъ въ рукописяхъ и столбцахъ государственныхъ архивовъ и частныхъ хранилищъ, доставилъ нашей исторической литературѣ такое сочиненіе, въ которомъ ощущался недостатокъ и которое можетъ служить для разъясненія весьма любопытной эпохи.

Въ первой главѣ своего сочиненія г. Поповъ разсматриваетъ критически источники, которыми онъ пользовался, какъ отечественные (официальные и частные), такъ и иностранные. О тѣхъ и другихъ, онъ представляетъ отчетливое изслѣдованіе, которое отчасти можетъ быть всякимъ провѣрено, на основаніи документовъ, напечатанныхъ въ особомъ приложеніи къ книгѣ.

Въ слѣдующихъ за тѣмъ пяти главахъ помѣщенъ обстоятельный и вѣрный рассказъ о мятежѣ Разина, основанный исключительно на актахъ и другихъ несомнѣнныхъ документахъ.

Наконецъ въ особомъ томѣ, носящемъ заглавіе: **Матеріалы для исторіи возмущенія Стеньки Разина**, напечатаны въ первый разъ, бывшіе въ рукахъ г. Попова неизданные документы, заимствованные изъ разныхъ архивовъ и частныхъ собраній, въ особенности изъ собранія извѣстнаго любителя Русскихъ древностей г. Карабанова.

VI.

Второе историческое сочиненіе, а именно **Исторія С. Петербургской Духовной Академіи экстраординарнаго про-**

Фессора И. А. Чистовича, было равноѣрно рассмотрѣно Академикомъ Н. Г. Устряловымъ, который, въ своемъ разборѣ, изложивъ содержаніе книги г. Чистовича, замѣчаетъ, что свѣдѣнія о С. Петербургской Духовной Академіи авторъ заимствовалъ, кромѣ источниковъ печатныхъ, изъ архива Святѣйшаго Синода, изъ архива Александро-Невской Лавры, изъ библиотеки Духовной Академіи, изъ дѣлъ С. Петербургской Семинаріи, изъ архива С. Петербургской Духовной Консисторіи, изъ дѣлъ Комиссіи духовныхъ училищъ и изъ отчетовъ Оберъ-Прокурора Св. Синода. Нѣкоторые, найденные авторомъ документы, напечатаны имъ вполнѣ; другіе въ извлеченіяхъ, съ указаніемъ, гдѣ находятся подлинники. Всѣ сообщаемыя имъ извѣстія подкрѣплены ссылками на дѣла архивовъ и на печатныя книги. Въ заключеніе рецензентъ выражаетъ свое мнѣніе, что г. Чистовичъ заслуживаетъ Демидовской преміи по основательности, съ какою онъ изложилъ исторію С. Петербургской Духовной Академіи по источникамъ разныхъ архивовъ.

VII.

Сочиненіе г. Пыпина: Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ Русскихъ, было внесено на конкурсъ не самимъ авторомъ, а Академикомъ И. И. Срезневскимъ, въ уваженіе особыхъ достоинствъ и важности этого труда для исторіи Русской Словесности. Въ рецензіи, при которой г. Срезневскій представилъ его Академіи, онъ въ подробности указалъ и тѣ обстоятельства, которыя, по его мнѣнію, дають изслѣдованіямъ г. Пыпина право на вниманіе ученаго міра.

Три рода нашихъ древнихъ литературныхъ памятниковъ рассмотрѣны въ «Очеркѣ»: во 1-хъ повѣсти и сказки, переведенныя на старославянское нарѣчіе — съ греческаго; во 2-хъ повѣсти и сказки, переведенныя на славяно-русское и на русское нарѣчіе съ польскаго и съ нѣмецкаго, и въ 3-хъ повѣсти

и сказки, чисто русскія, написанныя или записанныя въ до-Петровское время. Памятники всѣхъ трехъ родовъ разсмотрѣны почти исключительно по рукописямъ, при чемъ было обращено постоянное вниманіе на различія списковъ. Разсматривая памятники двухъ первыхъ отдѣловъ, авторъ имѣетъ въ виду опредѣленіе какъ подлинника, съ котораго сдѣланъ переводъ, такъ и степени участія переводчика въ измѣненіи подлинника. Памятники третьяго отдѣла обращали на себя вниманіе со стороны достоинства изложенія и языка. Всего подробнѣе разобраны памятники перваго рода. Къ частнымъ изслѣдованіямъ прибавлены, во вступленіи и въ другихъ мѣстахъ сужденіи, общія замѣчанія, или какъ мнѣнія, которыми авторъ былъ руководимъ въ своихъ взглядахъ на частности, или какъ выводы, къ которымъ былъ приведенъ своими изслѣдованіями.

Оцѣняя достоинства труда г. Пыпина, рецензентъ замѣчаетъ, что здѣсь нѣтъ ни одной страницы нелюбопытной, а многія изъ нихъ не только любопытны, но и весьма важны, каковы напримѣръ изслѣдованія повѣстей о Царѣ Соломонѣ. Какъ мало желалъ авторъ сберечь трудъ и время, видно изъ особенности изъ тѣхъ частей «Очерка», гдѣ представлены историко-литературныя подробности объ иноземныхъ передѣлкахъ повѣстей, переведенныхъ съ греческаго. Столь же мало заботился авторъ и о томъ, чтобы выставить на видъ свой трудъ: въ обозначеніи подлинниковъ, особенно польскихъ и нѣмецкихъ, съ которыхъ переведены повѣсти въ нашихъ сборникахъ, сообщены одни результаты. Всюду указаны рукописи, въ которыхъ находятся разобранныя повѣсти и сказки, и если указанія печатныхъ пособій не такъ тщательны, то тѣмъ не менѣе почти все главное есть: труды Карамзина, Востокова, Снегирева, Полеваго, Сахарова, Буслаева и другихъ нашихъ писателей пересмотрѣны и большею частью указаны довольно опредѣлительно вездѣ, гдѣ было необходимо.

Указавъ на достоинства труда г. Пыпина, рецензентъ, не увлекаясь безусловными похвалами, показалъ также и еѳ не-

достатки, и въ числѣ ихъ выставляетъ въ особенности тогѣ, что въ «Очеркѣ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ Русскихъ» о повѣстяхъ и сказкахъ чисто русскихъ говорится всего менѣе; о нѣкоторыхъ едва упомянуто. Но, по сознанію рецензента, полная разработка старинной литературы собственно русскихъ повѣстей и сказокъ есть трудъ, за который и рано было бы браться при помощи только тѣхъ источниковъ, которые были у автора. До матеріаловъ, необходимыхъ для подобныхъ изслѣдованій, любители старины, можно сказать, едва лишь дотронулись, и г. Срезневскій не сомнѣвается, что еще не мало открытій въ этой области прибавится къ тѣмъ, которыя были сдѣланы въ послѣднія сорокъ лѣтъ.

Другой упрекъ, дѣлаемый рецензентомъ автору «Очерка», состоитъ въ томъ, что пользуясь для своего изслѣдованія тѣмъ, что было доступно, г. Пыпинъ при общихъ выводахъ не всегда удерживался въ границахъ исторической умѣренности. Такъ онъ самъ весьма справедливо говоритъ о неизвѣстности еще всѣхъ памятниковъ, относящихся къ старинной русской повѣсти: признаетъ, что въ такомъ положеніи дѣла, опредѣленіе фактовъ составляетъ первую необходимость; вѣрить, что откроется еще не одно замѣчательное произведеніе старинной поэзіи русской, и что идти къ общимъ выводамъ еще рано; а между тѣмъ, не смотря на эти оговорки, самъ же утверждаетъ, что большая часть фактовъ уже разработана, и что характеръ старинной русской повѣсти уже ясно открывается изъ разбора знакомыхъ намъ произведеній, и даже опредѣляетъ ея существенныя черты — подражаніе, недостатокъ самобытности, ограниченность литературнаго значенія. Рецензентъ соглашается, что таковы существенныя черты извѣстныхъ намъ повѣстей, между которыми слову о купцѣ Басаргѣ, сказанію о Дракулѣ, или о Савѣ Грудчинѣ и повѣсти о Фролѣ Скобѣевѣ приходится дать самыя почетныя мѣста; но вмѣстѣ съ тѣмъ г. Срезневскій думаетъ, что рано еще разрѣшать вопросъ о томъ, таковы ли окажутся характеристическія черты тѣхъ старинныхъ по-

вѣстей, которыя еще намъ неизвѣстны, но могутъ быть со-временемъ открыты.

Заявивъ наконецъ свое разномысліе съ авторомъ «Очерка» относительно общаго взгляда на ходъ постепеннаго развитія литературы каждаго народа вообще и на характеръ средневѣковой словесности въ западной Европѣ, и выразивъ сожалѣніе, что въ «Очеркѣ» не довольно ясно опредѣленъ кругъ повѣсти и сказки, рецензентъ заключаетъ свой разборъ удостовѣреніемъ, что выражая свое мнѣніе о недостаточности нѣкоторыхъ частей этой книги, онъ не думаетъ и не желаетъ умалять ни передъ собою, ни передъ другими значеніе труда г. Пыпина. Это есть драгоцѣнный вкладъ въ сокровищницу историческихъ изслѣдованій о Русской литературѣ. Книга г. Пыпина, и въ томъ видѣ, какъ она вышла въ первый разъ, есть необходимая настольная книга для всякаго, занимающагося изученіемъ Русской исторіи, а вмѣстѣ и Старо-славянской литературы.

VIII.

Наконецъ половинная премія присуждена Академіею сочиненію г. Майкова,

ИСТОРІЯ СЕРБСКАГО ЯЗЫКА, ПО ПАМЯТНИКАМЪ, ПИСАННЫМЪ КИРИЛИЦЕЮ, ВЪ СВЯЗИ СЪ ИСТОРІЕЮ НАРОДА.

Основаніемъ такого присужденія послужила оцѣнка этого труда, представленная Академикомъ И. И. Срезневскимъ, и заключающаяся въ сущности въ слѣдующемъ.

Задача, рѣшенію которой г. Майковъ посвятилъ свое обширное сочиненіе, была тропута уже лѣтъ за двадцать предъ симъ, П. И. Шафарикомъ, и на первый разъ съ весьма важной стороны — со стороны признаковъ отличія сербскаго нарѣчія отъ нарѣчія церковно-славянскаго. Шафарикъ воспользовался множествомъ памятниковъ IX—XVI вѣковъ и доказалъ, что эти два нарѣчія издавна отличались одно отъ другаго. Преслѣдо-

нать задачу далѣе можно было только однимъ путемъ, а именно при изслѣдованіи сербскихъ памятниковъ вникать въ черты временнаго видоизмѣненія сербскаго нарѣчія подъ вліяніемъ внутреннихъ законовъ и внѣшнихъ обстоятельствъ и опредѣлять значеніе тѣхъ и другихъ. Такой именно путь и избравъ г. Майковымъ, и пройденъ имъ успѣшно въ тѣхъ границахъ, которыя онъ самъ себя назначилъ. Какія это границы, указано отчасти въ самомъ заглавіи сочиненія; г. Майковъ предположилъ себя разобрать одни кириловскіе памятники, миновавъ глаголическіе и латинскіе. Изучая по нимъ элементы народнаго языка, онъ имѣлъ въ виду опредѣлить не столько судьбы его, сколько движеніе языка книжнаго, какъ смѣшенія народнаго сербскаго съ церковно-славянскимъ. «Разсматриваемый книжный языкъ — говоритъ авторъ — представляется огромнымъ многовѣковымъ поприщемъ, на которомъ сходятся двѣ стихіи, хотя родственныя и близкія одна къ другой, но тѣмъ не менѣе на столько отличныя, что въ выборѣ между тою и другою древніе писцы дѣйствовали сознательно. Но не насильственное вторженіе въ чужую область, а добровольное принятіе знаменуетъ присутствіе церковно-славянской стихіи въ древне-сербской письменности. Двѣ стихіи сталкивались, и каждая предъявляла свои права на преобладаніе, смотря по смыслу рѣчи. Книжный языкъ совмѣстилъ ихъ обѣ». Таковъ общій взглядъ автора, постоянно выражающійся въ частностяхъ изслѣдованія. Что онъ справедливъ — оспаривать невозможно. Памятники, изъ которыхъ г. Майковъ почерпалъ данныя для своихъ заключеній, суть исключительно акты (XII—XV вѣковъ); въ концѣ книги приложенъ списокъ ихъ, а во введеніи и во вступленіи ко второй части изслѣдованія помѣщено ихъ обзорѣніе, превосходно составленное. Другіе имѣющіеся памятники, важные для исторіи сербскаго языка, авторъ оставилъ въ сторонѣ. Хотя онъ могъ это сдѣлать почти безъ вреда для полноты отвѣтовъ на вопросы, которые имѣлъ въ виду и которые суть исключительно вопросы грамматиче-

скіе; однако такое ограниченіе изслѣдованія лишь одного рода памятниками заставляетъ смотрѣть на трудъ г. Майкова, какъ на неоконченный. Только тогда, когда будутъ изучены не одни кирилловскіе памятники, но вмѣстѣ глаголическіе и латинскіе, не одни акты, но и другіе памятники письменности, не одни данныя грамматическія, но и лексикальныя, только тогда получатъ свое полное значеніе и тѣ общія, вошедшія въ книгу г. Майкова, филологическія замѣтки о соотношеніи славянскаго языка съ другими индо-европейскими.

Лингвистическое изслѣдованіе занимаетъ только часть обшестной книги г. Майкова; къ нему примкнуто другое изслѣдованіе, совершенно особенное, по внутреннему содержанію еще болѣе обширное и болѣе важное — а именно историческое изслѣдованіе о судьбахъ сербскаго народа въ собственной Сербіи, Босніи и Дубровникахъ. Исторія сербскаго народа еще никѣмъ доселѣ не была представлена съ такою внимательностію къ современнымъ показаніямъ и съ такою подробностію. По мнѣнію г. Срезневскаго, уже за эту одну часть своего труда г. Майковъ былъ бы достоинъ полной признательности и уваженія; она даетъ ему право на одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ между учеными, занимавшимися исторіею славянскихъ народовъ.

Оканчивая симъ обзорѣніе сочиненій, которыя на нынѣшнемъ конкурсѣ признаны достойными премій, имѣю честь довести до вашего, Мм. Гг., свѣдѣнія, что Академія въ ознаменованіе своей признательности за труды стороннихъ рецензентовъ, содѣйствовавшихъ ей при разсмотрѣніи состязавшихся сочиненій, положила выдать установленныя на сей конецъ золотыя медали: въ 12 червонцевъ: 1) Вице Президенту Медико-Хирургической Академіи Дѣйств. Ст. Сов. Нв. Тим. Глѣбову, и 2) Корреспон-

денту Академіи исправляющему должность Ординарнаго Профессора въ Казанскомъ Университетѣ Викт. Ив. Григоровичу; таковыя же медали въ 8 червонцевъ 1) Корреспонденту Академіи Инженеръ Генералъ-Маіору Стан. Валер. Кербедзу и Члену Совѣта Парижскаго Азіятскаго Общества Виконту Леону де Рони.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ

Г. МАГИСТРА ШМИДТА

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ :

UNTERSUCHUNGEN

**ÜBER DIE SILURISCHE FORMATION VON EHSTLAND,
NORD-LIVLAND UND OESEL.**

DORPAT 1888.

СОСТАВЛЕННЫЙ

АКАДЕМИКОМЪ Г. Н. ГЕЛЬМЕРСЕНОМЪ.

Этотъ трудъ былъ присланъ осенью 1857 г. въ рукописи для состязанія на Демидовскія преміи. Въ слѣдъ за тѣмъ авторъ доставилъ его мнѣ также въ видѣ книги, снабдивъ ее особеннымъ послѣсловіемъ и присовокупивъ къ ней затѣмъ еще два чертежа, съ изображеніемъ нѣсколькихъ новыхъ видовъ окаменѣлыхъ раковинъ. Теперь вся работа кончена и, безъ сомнѣнія, представляетъ собою самое обширное и полное изображеніе нашей Балтійско-силурійской почвы, плодъ продолжительныхъ, тщательныхъ и ревностно исполненныхъ изысканій, которыя сдѣлали г-на Шмидта опытнымъ знатокомъ упомянутаго образованія.

Авторъ начинаетъ съ полнаго обзора прежнихъ работъ на томъ же самомъ поприщѣ изслѣдованій, оцѣняя каждую изъ нихъ надлежащимъ образомъ, а за тѣмъ, переходитъ къ собственнымъ своимъ изслѣдованіямъ и говоритъ о шести путешествіяхъ, предпринятыхъ имъ съ 1851 по 1856 годъ, для точнѣйшаго изученія описанной почвы и разныхъ хранящихся въ частныхъ коллекціяхъ силурійскихъ окаменѣлостей. Сдѣлавъ потомъ нѣсколько общихъ замѣтокъ объ орографическихъ отношеніяхъ всей области и о толщинѣ силурійскихъ слоевъ Эстляндіи и Лифляндіи, онъ приступаетъ къ спеціальному описанію почвы, не упуская изъ виду также продолженія ея въ С. Петербургскую губернію до Ладожскаго озера и сличенія ея съ силурійскою почвою другихъ странъ Европы.

Г. Шмидтъ, согласно со всѣми своими предшественниками

на томъ же поприщѣ, принимаетъ въ силурійской почвѣ двѣ формации, верхнюю и нижнюю. Последняя раздѣляется на два главные отдѣла, а первая на три. Каждый изъ этихъ главныхъ отдѣловъ состоитъ изъ нѣсколькихъ подраздѣлений, которыя сгруппированы у автора въ 8 разныхъ членовъ формации, съ обозначеніемъ каждой изъ нихъ особою краскою и цифрою на приложенной геологической картѣ. Это расчлененіе основывается не столько на замѣченныхъ отношеніяхъ наслоенія, потому что послѣднія обнаруживаются только изрѣдка и въ видѣ исключеній, сколько на палеонтологическомъ содержаніи слоевъ. Удержится ли и въ послѣдствіи самостоятельность каждаго изъ принятыхъ авторомъ членовъ формации, это остается пока вопросомъ неразрѣшимымъ; во всякомъ однакоже случаѣ точныя и тщательныя ихъ описанія поучительны и отчасти совершенно новы, потому что авторъ посѣтилъ такія мѣстности, которыя прежде были неизвѣстны геологамъ. Г. Шмидтъ посвятилъ нѣсколько страницъ, начиная съ 63 по 90, также эрратическимъ явленіямъ и нынѣшнимъ образованіямъ и этотъ отдѣлъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько хорошо подмѣченныхъ и поучительно описанныхъ данныхъ. Особеннаго вниманія, по моему мнѣнію, заслуживаютъ замѣтки объ эрратическихъ отторженіяхъ силурійскихъ известняковъ и о приращеніи суши (земли) посредствомъ аллювіальныхъ наносовъ. Авторъ полагаетъ, что не трудно, при нѣкоторомъ познаніи нашихъ силурійскихъ слоевъ, указать на коренное мѣсторожденіе каждаго отторженца оныхъ; онъ также убѣжденъ въ томъ, что валуны, происходящіе отъ извѣстныхъ слоевъ, расположены подобными же полосами или грядами, какъ и самые слои, простирающіеся отъ востока къ западу. Эти наносы доставили автору много окаменѣлостей и указаніе первоначальнаго ихъ мѣстонахожденія, что, какъ само собою разумѣется, весьма важно.

Особенно полезенъ третій отдѣлъ книги, содержащій въ себѣ обзоръ изслѣдованныхъ г-мъ Шмидтомъ каменоломенъ и обнаженій горныхъ породъ, вмѣстѣ съ исчисленіемъ окаме-

нѣлостей, по ихъ мѣстонахожденію. Этотъ обзоръ дастъ будущимъ испытателямъ возможность прослѣдить шагъ за шагомъ наблюденія автора и возобновить ихъ. Это такое указаніе, безъ котораго собственно не должно обойтись никакое описательное геологическое сочиненіе, но котораго недостаетъ очень часто, хотя оно, безъ сомнѣнія, гораздо важнѣе, нежели иные бесполезныя цитаты изъ сочиненій прежнихъ авторовъ по тому же предмету. Это указаніе г-на Шмидта впредь будетъ служить полезнымъ и даже необходимымъ руководствомъ путешествующимъ геологамъ.

Въ четвертомъ и послѣднемъ отдѣлѣ книги г-на Шмидта говорится объ органическихъ остаткахъ, и сообщенъ систематическій перечень найденныхъ имъ окаменѣлостей, вмѣстѣ съ краткими діагнозами новыхъ видовъ. Авторъ надѣется въ послѣдствіи, вмѣстѣ съ докторомъ Александромъ Шренкомъ, издать въ свѣтъ подробный трудъ объ этомъ предметѣ съ надлежащими изображеніями. Но и въ первомъ своемъ видѣ эта глава можетъ почестъся полнѣйшимъ изложеніемъ всего до нынѣ извѣстнаго о нашей силурійской фаунѣ, а для указанія ея ученаго достоинства достаточно упомянуть, что автору при изслѣдованіи окаменѣлостей помогали г. Пандеръ и графъ Кейзерлингъ. Первый изъ нихъ, по моей просьбѣ, сообщилъ мнѣ письменный отзывъ, при семъ прилагаемый, о трудѣ г. Шмидта; а что графъ Кейзерлингъ съ похвалою о немъ отзывался это не только извѣстно мнѣ изъ изустныхъ его сообщеній, но оказывается также и изъ того, что онъ, немедленно по выходѣ въ свѣтъ книги г. Шмидта отправилъ экземпляръ ея къ нашему извѣстному сочлену Мурчисону, который высказалъ о ней весьма выгодное мнѣніе, какъ видно изъ только-что доставленной сюда статьи, помѣщенной въ Февральской книжкѣ *Quarterly Journal of the geological Society*, подъ заглавіемъ: *The Silurian Rocks and fossils of Norway, as described by M. Theodor Kjerulf, those of the Baltic Provinces of Russia by Professor*

Schmidt, and both compared with their British Equivalents by Sir R. J. Murchison.

Изъ всего вышесказаннаго явствуеть, что книга г-на Шмидта существенно подвинули впередъ наше геологическое познаніе Остзейскихъ губерній, что она необходима для каждаго, желающаго ближе изучать древнѣйшія осадочныя почвы Россіи, и что она впередъ будетъ служить точкою исхода для спеціальнаго геологическаго изученія Остзейскаго края. И потому я считаю себя въ правѣ покорнѣйше просить Академію о присужденіи г-ну Шмидту половинной Демидовской преміи и позволяю себѣ при этомъ случаѣ еще замѣтить, что магистръ Шмидтъ, ревнуя къ своему дѣлу, намѣренъ лѣтомъ нынѣшняго года предпринять путешествіе на островъ Готландъ и въ Швецію съ тою цѣлью, чтобы сличить тамошніе силурійскіе пласты съ тѣми, которые онъ изслѣдовалъ прежде. — предпріятіе полезное, въ полной мѣрѣ заслуживающее всякаго содѣйствія.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ

Г. МАГИСТРА ШМИДТА:

UNTERSUCHUNGEN

**UBER DIE SILURISCHE FORMATION VON EHSTLAND
NORD - LIVLAND UND OESEL,**

СОСТАВЛЕННЫѢ

ДОКТОРОМЪ НАНДЕРОМЪ.

Предлежащее сочинение: «Untersuchung über die silursche Formation von Ebstland, Nord-Livland und Oesel von Friedrich Schmidt» раздѣляется на четыре отдѣла: 1) историческій, въ которомъ авторъ разбираетъ труды своихъ предшественниковъ и говоритъ о собственныхъ своихъ розысканіяхъ и путешествіяхъ, по большей части предпринятыхъ на иждивеніи общества естествоиспытателей въ Дерптѣ; 2) геогностическій, въ которомъ описывается рядъ отдѣльныхъ слоевъ, образующихъ собою силурійскую систему и расположенныхъ одинъ поверхъ другаго. 3) обзоръ изслѣдованныхъ каменоломенъ и обнаженій горныхъ породъ, съ указаніемъ окаменѣлостей въ каждой изъ нихъ порознь и 4) палеонтологическій. Послѣдній отдѣлъ, заключающій опредѣленія родовъ и видовъ органическихъ остатковъ, составляетъ главное основаніе всего этого труда, ибо органическіе остатки представляютъ единственный способъ для опредѣленія древности сихъ пластовъ и для сличенія и соглашенія ихъ съ пластами другихъ странъ. Опредѣленія эти вообще вѣрны; но если авторъ говоритъ на стр. 35: «Небольшія уклоненія въ наружномъ видѣ органическихъ остатковъ, которыми я въ другихъ случаяхъ едва придаю бы особенный вѣсъ, не рѣдко были для меня достаточными для того, чтобы убѣдиться въ разности видовъ двухъ тѣлъ; если оба были встрѣчены въ различномъ сообществѣ и въ разныхъ слояхъ, а притомъ во всемъ своемъ горизонтальномъ распространеніи неизмѣнно сохраняли относительные свои отличительные признаки

и т. д.), то по моему мнѣнію, распредѣленіе окаменѣлостей имѣло большое вліяніе на ихъ опредѣленіе и нѣкоторые изъ видовъ еще требуютъ точнѣйшаго изслѣдованія. Не осуждая этого образа дѣйствій такъ рѣзко, какъ иные естествоиспытатели, мы однако полагаемъ, что его можно извинить только тамъ, гдѣ пластованіе слоевъ приведено въ совершенную ясность, а этого, къ сожалѣнію, не вездѣ можно сказать объ Эстляндіи и Лифляндіи.

Результаты многолѣтнихъ, тщательныхъ геогностическихъ розысканій г. Шмидта собраны вмѣстѣ въ геогностической части этого труда. Изъ нихъ оказывается правильная послѣдовательность лежащихъ одинъ надъ другимъ пластовъ въ направленіи съ С. на Ю. и съ В. на З, такъ что въ направленіи отъ Карраль-Кунда или Малла на Финскомъ заливѣ до Оберъ-Палена самые древніе слои находятся на сѣверѣ, а самые верхніе на югѣ у послѣдняго изъ поименованныхъ здѣсь мѣстъ. Слѣдя за этими силурійскими слоями въ указанномъ направленіи, мы достигнемъ наибольшаго ихъ возвышенія надъ моремъ въ окрестностяхъ Боригольма и Клейнъ-Маріена, и можемъ прослѣдить наслоеніе верхнихъ пластовъ на древнѣйшихъ до высоты 400 футовъ надъ уровнемъ Балтійскаго моря. Въ этомъ согласны между собою всѣ доселѣ сдѣланныя наблюденія. Но далѣе говорится, что отъ Клейнъ-Маріена до Оберъ-Палена на протяженіи около 55 верстъ слои понижаются не только на 200 футовъ, т. е. до абсолютной высоты Оберъ-Палена, но и гораздо болѣе, — вѣроятно, на 300-400 футовъ, потому что уже верхніе, на нихъ расположенные, достигаютъ этой высоты. Если бы дѣйствительно существовало такое склоненіе, которое уже прежде принимали Шренкъ и другіе, то оно было бы, конечно, замѣчено кѣмъ-либо изъ многочисленныхъ наблюдателей въ какомъ-либо мѣстѣ на этомъ протяженіи, а этого доселѣ еще не воспослѣдовало. Г. Гукъ, о которомъ г. Шмидтъ говоритъ, что онъ въ короткихъ чертахъ столь превосходно набросалъ орографическо-геогностическую картину, что мы и

тъмѣ, по простествіи 12 лѣтъ, не можемъ составить ее лучше, принималъ паденіе слоевъ къ югу, составляющее около одного дюйма на сто футовъ; но и принимая за справедливое это, никакимъ наблюденіемъ не оправдываемое предположеніе, все таки не хватило бы еще футовъ около двухъ сотъ. А посему мы, основываясь на выше приведенныхъ причинахъ, а равно и на разныхъ палеонтологическихъ соображеніяхъ, не можемъ согласиться съ показанною г. Шмидтомъ послѣдовательностію и расположеніемъ слоевъ, начиная отъ Клейнъ-Маріена до Оберъ-Палена, и мы опасаемся, что здѣсь авторъ потому только предлагаетъ мнѣніе, не вполне основанное на наблюденіяхъ, что не могъ отдѣлаться отъ однажды имъ принятаго предубѣжденія.

Но отличнѣйшая часть этого труда есть, бесспорно, третья, представляющая обзоръ подвергнутыхъ наблюденіямъ каменоломенъ и обнаженій горныхъ породъ и исчисленіе окаменѣлостей по мѣсторожденіямъ ихъ. Эта глава, свидѣтельствуя о рачительности и настойчивости автора, который, кромѣ уже извѣстныхъ, приводитъ множество новооткрытыхъ имъ органическихъ остатковъ, дѣлаетъ его сочиненіе на всегда полезнымъ и необходимымъ. Если уже въ геогностическомъ отдѣлѣ обнаженіе на сѣверномъ и западномъ берегахъ Эстляндіи и Лифляндіи, начиная отъ Нарвы до Вердера, впервые точно были описаны, то познаніе отношеній внутри страны особенно приведено къ ясности этою третьею частью. Преимущественно же слѣдуетъ указать здѣсь на тѣ слои, которые г. Шмидтъ обозначилъ цифрами 2 и 3; открытіемъ и описаніемъ этихъ слоевъ, а равно органическихъ ихъ остатковъ, мы по большей части обязаны ему одному, такъ же какъ и означенныхъ подъ № 8, на островѣ Эзелѣ, гдѣ авторъ открылъ значительное число новыхъ окаменѣлостей, которыя, какъ именно остатки рыбъ верхней силурійской системы, безъ него навѣрное были бы до сихъ поръ неизвѣстны.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ

ПРОФЕССОРА ЗАБЛОЦКАГО,

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

РУКОВОДСТВО

къ

ИЗУЧЕНІЮ И ЛѢЧЕНІЮ

СИФИЛИТИЧЕСКИХЪ БОЛѢЗНЕЙ.

1858 ГОДА МАРТА 31 ДНЯ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

**ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТОМЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ, ПРОФЕССОРОМЪ, ДОКТОРОМЪ ГЛѢБОВЫМЪ.**

Болѣзни сифилитическія суть самыя страшныя и самыя опустошительныя болѣзни, отъ которыхъ страдаетъ и гибнетъ человѣческій родъ. Нѣтъ страны въ свѣтѣ, гдѣ бы не свирѣтовала эта язва. Азія, Африка и Америка попеременно были обвиняемы въ первоначальномъ происхожденіи столь губительнаго бича рода человѣческаго; но Европа, страна цивилизаціи, въ настоящее время едва ли не болѣе всѣхъ и сама терпитъ отъ нея и разноситъ ее въ даръ другимъ. Нѣтъ государства въ мірѣ, большаго и малаго, сильнаго и слабаго, которое не платило бы ей равно тяжкой дани. Нѣтъ сословія въ государствѣ, которое бы не приносило заслуженныхъ и невинныхъ жертвъ этому злему идолу, который пожираетъ ихъ безъ различія пола и возраста, темперамента и тѣлосложенія, званія и состоянія, и проч. Нѣтъ части въ тѣлѣ человѣка, которую бы щадила эта отвратительная болѣзнь: она поражаетъ всю кожу человѣческаго тѣла отъ ногъ до головы, то разрушая и изъязвляя ее, то испещряя многообразнѣйшими формами накожныхъ сыпей, начиная съ малѣйшихъ поверхностныхъ пятнышекъ до огромнѣйшихъ струповъ прокаженія, до безобразнѣйшихъ и разнообразнѣйшихъ наростовъ, бугровъ (tubercula) и отолстѣній, дающихъ нѣжной и тонкой кожѣ человѣка видъ кожи бегемота или слона (elephantiasis) и нерѣдко обнажая ее отъ лучшаго ея естественнаго украшенія — волосъ (alopescia). Она поражаетъ мокротныя перепонки дѣтородныхъ органовъ, мочевыхъ, пищевыхъ, дыхательныхъ, и проч. Она поражаетъ кѣлѣчатую ткань,

составляющую основу каждого органа въ частности и всего тѣла человѣческаго вообще. Она поражаетъ сухую жилу, мышцу, нервъ и самый мозгъ. Она поражаетъ надкостную плеву и оболочки мозга. Она издѣлываетъ кость, истачиваетъ ее какъ червь, особенно кости носа и нѣба, кости челюсти, глазницы и уха, кости черепа и конечностей и наконецъ всѣ безъ исключенія, и при этомъ обыкновенно терзаетъ человѣка жесточайшими болями въ глубокую полночь. — время, предназначенное ему для покоя и отдохновенія. Она отравляетъ кровь и портитъ всѣ соки тѣла человѣческаго. Она составляетъ одно изъ сильнѣйшихъ условій того искаженія и уродства красивѣйшихъ формъ человѣка, созданнаго по образу и подобію Божію, того ослабленія физическихъ способностей, того изнеможенія умственныхъ и нравственныхъ силъ, отличающихъ и возвышающихъ его предъ всѣмъ сотвореннымъ на землѣ, которыя замѣчаются у страждущихъ этими болѣзнями и которыя низводятъ его на степень низшихъ тварей и унижаютъ иногда до состоянія безмысленнаго животнаго.

Онѣ тѣмъ ненавистнѣе для человѣка, что вносятъ зародышъ гибели въ существо его обыкновенно въ тотъ моментъ, когда онъ, повинаясь закону природы, удовлетворяетъ одну изъ сильнѣйшихъ потребностей своихъ, и отравляютъ то естественное наслажденіе, которое сама натура связала съ выполненіемъ ея закона.

Онѣ становятся еще ненавистнѣе и опаснѣе, когда представимъ себѣ, что часто вкрадываются внутрь человѣка незамѣтно и непредвидѣнно для него, какъ ночной тать, — и прививаются непорочному младенцу отъ сосца больной кормилицы, честной кормилицѣ отъ устъ зараженнаго младенца, невинной акушеркѣ и акушеру отъ рождающей и страдающей этою болѣзнію женщины, и т. д.; а иногда онѣ достаются несчастнымъ въ удѣлъ по наслѣдству, и въ этомъ-то послѣднемъ случаѣ онѣ являются истиннымъ медицинскимъ протеемъ, который облекается во всевозможные роды формъ, принимаетъ на себя многообразнѣйшихъ болѣзней и метаморфо-

зируясь бесконечно, часто обманываетъ самаго опытнаго и самаго проникательнаго врача, а чрезъ то ускользаетъ отъ настоящаго и прямаго противъ него дѣйствія, правильнаго и успѣшнаго лѣченія. Прибавимъ еще, что болѣзнь эта, входя въ тѣло и проникая въ организмъ явно или тайно, утверждается въ немъ такъ крѣпко, укореняется такъ глубоко, что изгнаніе ея изъ организма, радикальное лѣченіе встрѣчаетъ чрезвычайно упорное сопротивленіе; отъ того оно бываетъ всегда продолжительно, и все-таки невѣрно. И потому рецидивы въ этой болѣзни, послѣ того, какъ изцѣленіе отъ недуга казалось уже несомнѣнно полнымъ и совершеннымъ, составляютъ явленіе обыкновенное и, къ сожалѣнію, вовсе нерѣдкое. Силамъ же природы предоставленная, эта болѣзнь совсѣмъ не излѣчивается. А между тѣмъ нѣтъ ни одной другой болѣзни, которой лѣченіе такъ сильно потрясало бы въ основахъ все существо организациіи человѣческой, такъ глубоко подкапывало бы благосостояніе здоровья его и такъ рѣзко сокращало бы долговѣчность жизни, какъ лѣченіе венерической болѣзни. Послѣ всего этого безъ преувеличенія можно сказать, что для человѣка нѣтъ другаго на свѣтѣ врага, который бы такъ губилъ родъ его, какъ болѣзнь сифилитическая. Медицинская статистика показываетъ, что число сифилитическихъ болѣзней ко всѣмъ прочимъ болѣзнямъ содержится какъ 1 : 6 $\frac{3}{4}$.

Одно это бѣглое и общее понятіе о значеніи сифилитическихъ болѣзней для человѣка достаточно показываетъ, какое благодѣяніе оказываетъ человѣку тотъ, кто дѣйствуетъ и трудится съ цѣлію противодѣйствовать этому ужасному злу. Такой трудъ, безъ сомнѣнія, составляетъ величайшую услугу человечеству и даетъ неоспоримое право на благодарность.

«Руководство къ изученію и лѣченію сифилитическихъ болѣзней», представленное г. профессоромъ Заблоцкимъ, составляетъ именно такого рода трудъ.

Но всякій ли подобный трудъ составляетъ заслугу для науки, и слѣдовательно всякій ли такой трудъ даетъ автору его

право на признательность со стороны сей последней? Конечно, не всякій. Отсюда самымъ естественнымъ образомъ вытекаетъ вопросъ: разбираемый нами теперь трудъ профессора Заблоцкаго составляетъ ли заслугу для науки, и слѣдовательно заслуживаетъ ли со стороны ея признательность, а со стороны Академіи Наукъ вознагражденіе? Разсмотримъ.

Трудъ профессора Заблоцкаго составляетъ полную монографію сифилитическихъ болѣзней. Онъ слагается изъ короткаго предисловія и обширнаго трактата о болѣзняхъ, состоящаго изъ 4 отдѣленій, подраздѣленныхъ на главы.

Въ предисловіи обозначается гибельность этихъ болѣзней для человѣчества вообще и указываются главнѣйшія мѣры противодѣйствія этому злу: именно «наука и самоотверженная дѣятельность врачей»; но въ то же время напоминаетъ, какъ бѣдна литература наша сочиненіями о сифилитическихъ болѣзняхъ. Все это и заставило профессора предпринять настоящій его трудъ, имѣющій цѣлію «служить съ одной стороны указаніемъ научнаго лѣченія этого рода болѣзней и ихъ предотвращенія; а съ другой руководствомъ для учащихся медиковъ» (стр. III); изъ этого ясно, что авторъ, трудясь, имѣлъ въ виду удовлетворить и нуждѣ человѣчества и требованіямъ науки (стр. IV). Но пройдемъ все его сочиненіе по отдѣленіямъ и главамъ и посмотримъ, на сколько онъ удовлетворилъ тому и другому.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ. Глава I. *Историческія замѣчанія и общія понятія о сифилитическихъ болѣзняхъ.*

Въ этой главѣ авторъ разсматриваетъ слѣдующіе вопросы: 1) Что такое сифилитическія болѣзни? 2) Откуда онѣ взялись? 3) Въ чемъ заключается сифилитическій ядъ, его разности и способъ дѣйствія на тѣло? 4) Какъ раздѣляются сифилитическія болѣзни, и наконецъ 5) какъ онѣ распространяются въ тѣлѣ?

1) Что такое сифилитическія болѣзни (стр. 1)? Съ скромностію, свойственною безпристрастнымъ ученымъ, авторъ спокойно сознается, что точное опредѣленіе этихъ болѣзней дать трудно. Кому впрочемъ неизвѣстно, что опредѣленіе каждаго предмета всегда составляетъ труднѣйшую задачу. И потому, говоря строго, онъ представилъ не опредѣленіе, но короткое описаніе ихъ, дающее впрочемъ понятіе, рѣзко разграничивающее ихъ отъ другихъ болѣзней.

2) Относительно происхожденія сифилитическихъ болѣзней существуютъ три главныя мнѣнія :

а) «Одни полагаютъ, что сифилитическія болѣзни были «вовсе неизвѣстны до конца XV столѣтія, т. е. до того времени, когда появилась въ Европѣ ужасная эпидемія, причинившая столько ужаса и смерти въ южной и средней Европѣ въ 1494 году, и что эта эпидемія была началомъ сифилитической болѣзни, нынѣ извѣстной въ Европѣ».

б) «Другіе утверждаютъ, что болѣзнь эта въ Европѣ не «была извѣстна до конца XV столѣтія, когда она была перенесена изъ Америки въ Европу, первоначально въ Испанію, а «потомъ въ Италію, возвратившимися изъ Америки въ 1493 «году спутниками Христофора Колумба».

с) «Иные наконецъ думаютъ, что сифилитическая болѣзнь «извѣстна была въ самой глубокой древности» (стр. 2).

Которое изъ этихъ мнѣній заслуживаетъ большаго вѣроятія, вопросъ этотъ разобранъ авторомъ (стр. 2 — 8) отчетливо и рѣшенъ вполне удовлетворительно. Въ основаніе этого рѣшенія положены такія историческія данныя, которыми авторъ положительно доказываетъ, и въ читателѣ не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно того, что сифилитическая болѣзнь не приплыла къ намъ изъ Америки съ Христофоромъ Колумбомъ, какъ большею частію думали, не пришла изъ Испаніи съ Маронитами, какъ многіе полагали, а напротивъ ее знали Римъ и Византія, Греція и Египетъ, что объ ней говорятъ Ювеналъ, Плиній и Цельсъ, что Моисей уже предписываетъ строгія пра-

вила противъ одержимыхъ этою болѣзнію, что она известна съ незапамятныхъ временъ въ Индостанѣ и Китаѣ. Такимъ образомъ авторъ, вопреки обще распространенному мнѣнію, приводитъ читателя невольно къ убѣжденію, что болѣзнь эта существуетъ въ родѣ человѣческомъ не съ 1492 года, времени изгнанія несчастныхъ Маронитовъ или Евреевъ изъ Испаніи королемъ испанскимъ Фердинандомъ V-мъ Католикомъ, и не съ 1493 года, эпохи возвращенія Христофора Колумба изъ Америки, послѣ открытія ея, но что она вышла вмѣстѣ съ человекомъ изъ темнаго мѣстопробыванія, изъ мрака временъ доисторическихъ.

3) Въ чемъ заключается сифилитическій ядъ (стр. 9—11)? Съ незапамятныхъ временъ причиною сифилитическихъ принимали особенный ядъ (*virus syphiliticum*). Но физиологическая школа хотѣла отвергнуть заразительность венерической матеріи и полагала, что венерическія болѣзни происходятъ, подобно многимъ другимъ болѣзнямъ, только отъ раздраженія. Авторъ опровергаетъ это утвержденіе физиологической школы короткимъ, но самымъ рѣзкимъ и положительнымъ образомъ. Послѣ того онъ входитъ въ подробности изученія самаго яда сифилитическаго, опредѣляетъ моменты патологическаго сифилитическаго процесса, образующаго ядъ.

На основаніи этого опредѣленія онъ различаетъ *два рода яда*: шанкрозный и гонорейный, изъ коихъ первый собственно признаетъ за сифилитическій ядъ, возбуждающій весь рядъ симптомовъ общей венерической болѣзни, столь гибельной для человѣка. Далѣе описываетъ свойства этого яда, гнойной жидкости, которой малѣйшее количество достаточно для зараженія всего организма и изуродованія его самымъ страшнымъ и самымъ отвратительнымъ образомъ. Къ сожалѣнію, онъ не представляетъ ни химическаго состава, ни микроскопическаго образованія этого яда. Но этотъ недостатокъ не можетъ быть вѣнъ автору: онъ принадлежитъ химіи вообще, равно какъ и микроскопіи.

Ядъ же гонорейный, хотя также заразителенъ, но не способенъ произвести общихъ сифилитическихъ явленій: гонорея есть болѣзнь мѣстная. Если же прививаніе гонорейной матеріи производитъ иногда шанкръ и развиваетъ припадки общей венеры, въ такомъ случаѣ при гонорее бываетъ и шанкръ, только скрытый, обыкновенно въ каналѣ. Чистая же гонорея не производитъ ни того, ни другаго. — И потому въ строгомъ смыслѣ сифилитическою болѣзнію, по мнѣнію автора, должно считать только шанкръ съ его послѣдствіями, но не гонорею.

Сифилитическій ядъ *входитъ въ тѣло* только въ формѣ шанкра, и по преимуществу шанкра затвердѣлаго. И если онъ не будетъ уничтоженъ въ началѣ, то влечетъ за собою общее зараженіе. Есть впрочемъ и другой способъ общаго зараженія: это наследственность болѣзни. Первый моментъ зараженія есть мѣстный, который составляетъ первичную ея форму; послѣ того ядъ всасывается въ тѣло и, смотря по давности пребывания его въ тѣлѣ (недѣли, мѣсяцы, годы и десятки лѣтъ), болѣзнь выражается вторичными или третичными припадками.

4) Основываясь на разномъ свойствѣ сифилитическаго яда, авторъ раздѣляетъ всѣ болѣзни сифилитическія на два главные класса (стр. 11 — 12):

А. Болѣзни мѣстныя, при коихъ никогда не вносится въ животную экономію общей заразы, и не образуется общей сифилитической болѣзни. Къ этому классу относятся гонорея и ея послѣдствія: воспаленіе яичка, *arthritis blennorhoica*, *ophthalmia blennorhoica*, и пр. Въ строгомъ смыслѣ, этихъ болѣзней авторъ и не признаетъ за сифилитическія.

В. «Другія болѣзни сифилитическія суть такого рода, что «онѣ вначалѣ бываютъ мѣстными, но потомъ чрезъ нѣкоторое «время, когда ядъ всосался, становятся общими болѣзнями; всѣ «эти болѣзни непременно предполагаютъ специфичность яда.

«Этотъ послѣдній классъ подраздѣляется: а) на *первичныя* «сифилитическія болѣзни, куда относятся шанкръ съ его ви- «дами; б) на *вторичныя*: сифилиды, слизистые бугорки, вторич-

«ныя сифилитическія язвы, и с) *на третичныя*: сифилитическое воспаление надкостной плевы, экзостозы и проч.»

5) Наконецъ авторъ разбираетъ здѣсь способъ распространенія сифилитическихъ болѣзней, причемъ возбуждаетъ весьма интересный вопросъ: «можетъ ли сифилитическая болѣзнь развиться самопроизвольно у здороваго человѣка безъ предшествующей заразы?»

На этотъ вопросъ (стр. 12 — 13) авторъ отвѣчаетъ утвердительно, именно: сифилитическая болѣзнь и именно гонорея можетъ развиваться самопроизвольно въ томъ случаѣ, если женщина, или мужчина, а еще скорѣе, если оба при половыхъ сношеніяхъ держать органы нечисто, не обмываютъ ихъ.

Извѣстно, что слизистая оболочка половыхъ органовъ отдѣляетъ въ нормальномъ состояніи слизисто-жирную матерію: матерія эта у неопятныхъ собирается между складками слизистой оболочки въ значительномъ количествѣ и долго оставаясь тамъ, дѣлается острою; а чрезъ то производитъ раздраженіе мокротной перепонки, къ которой прикасается, развиваетъ перелой или гонорею, иногда же образуетъ и экскориации — поверхностныя язвочки на дѣтородныхъ частяхъ, но не болѣе, — а притомъ и это нечасто. Что же касается до шанкра, то доселѣ небыло еще положительныхъ наблюдений, которыя бы доказывали самопроизвольное образованіе его отъ таковой же причины. Напротивъ онъ образуется не иначе, какъ только отъ шанкра: 1) во время полового сообщенія, 2) во время кормленья младенца больною кормилицею, 3) во время родовъ роженицею, больной сифилисомъ, шанкръ сообщается младенцу, акушеркѣ и акушеру, 4) общая сифилитическая болѣзнь можетъ сообщить наследственно; 5) отъ всосанія яда безъ всякаго мѣстнаго пораженія въ мѣстѣ всосанія.

При этомъ авторъ задаетъ опять чрезвычайно любопытный вопросъ: «можетъ ли у здороваго человѣка сифилитическая болѣзнь развиваться отъ поступленія венерическаго гноя въ же-

«лудокъ?» Въ этомъ отношеніи нѣтъ довольнаго для рѣшенія вопроса, числа наблюденій; но самому автору извѣстны два случая, «изъ которыхъ видно, что поступившій въ желудокъ «венерическій гной не произвелъ никакихъ болѣзненныхъ «припадковъ ни въ самыхъ внутренностяхъ, ни въ цѣломъ тѣлѣ» (стр. 13). Въ заключеніе этой главы авторъ предлагаетъ вопросъ: оливъ ли человѣческій родъ поражается этою болѣзнію (стр. 14)? Отвѣтъ на него даетъ отрицательный. Ветеринарами замѣчено, что нѣкоторые изъ припадковъ этой болѣзни развиваются у буйволовъ, лошадей, кроликовъ и собакъ; послѣ частаго совокупленія появляются иногда у нихъ слизетечение и язвы, которыя могутъ чрезъ актъ сообщенія половъ передаваться отъ больныхъ здоровымъ животнымъ. Гунтеръ, а за нимъ Турнъ-Буль, Брю, Кастельно, Кюллерье и Рикоръ пробовали, можетъ ли шанкръ человѣка прививаться животнымъ: результатъ ихъ опытовъ былъ отрицательный. Но Озіасъ Тюрень, провѣривъ эти опыты, прививая гной, взятый изъ шанкра человѣка, собакамъ, кошкамъ, обезьянамъ, пришелъ въ противному убѣжденію, именно, что привитый шанкерный человѣческій гной не рѣдко у этихъ животныхъ образуетъ шанкръ, который даетъ гной, образующій новые шанкры, какъ у животныхъ, такъ и у человѣка; но замѣчательно, что эти послѣдніе шанкры не способны развить общую сифилитическую болѣзнь и что злокачественность и упорность этихъ шанкровъ, прививаемыхъ послѣдовательно животному съ каждымъ новымъ привитіемъ становятся слабѣе и слабѣе.

Вообще должно сказать, что главу эту въ сочиненіи автора не только врачъ прочтетъ съ особеннымъ интересомъ, но и каждый образованный человѣкъ съ любопытствомъ и даже съ пользой.

Глава II. *Перелой мужчинъ, гонорея* (Gonorrhoea, blenorrhagia, urethritis blenorrhoica) (стр. 15). Въ этой главѣ ав-

*

торъ прежде всего даетъ понятіе о томъ, что такое гонорея, т. е. опредѣляетъ болѣзнь. Потомъ раздѣляетъ ее на острую и хроническую, какъ это дѣлаютъ обыкновенно сифилографы. Но Профессоръ Заблоцкій, при этомъ дѣленіи, отступаетъ отъ обыкновеннаго взгляда на болѣзнь въ томъ отношеніи, что онъ острый перелой подраздѣляетъ на слабый и сильный. И это подраздѣленіе имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для болѣе точнаго опредѣленія числа симптомовъ того и другаго вида болѣзни, степени напряженія ихъ и обширности мѣста пораженія частей тѣла, такъ особенно относительно характера и силы назначаемаго лѣченія. Безъ этого подраздѣленія, какъ понятіе о свойствѣ болѣзни, такъ и о способѣ лѣченія ея не можетъ быть изложено отчетливо, напротивъ бываетъ сбивчиво, и особенно показанія къ практическому дѣйствію выходятъ слишкомъ общи, отвлечены; а потому при выполненіи ихъ на дѣлѣ руководство не руководитъ врача, а оставляетъ собственному его благоусмотрѣнію. Такія руководства для опытныхъ не нужны, а для неопытныхъ бесполезны. Руководство же Профессора Заблоцкаго этимъ способомъ изложенія избѣжало того и другаго недостатка. Потому что, принявъ это подраздѣленіе, онъ до того близко къ натурѣ обрисовываетъ всѣ оттѣнки болѣзни, что при помощи его руководства самый неопытный въ этой специальности врачъ не сдѣлаетъ ошибки, ибо онъ увидитъ въ этой книгѣ прямыя указанія на всѣ возможные случаи, гдѣ, какъ и чѣмъ ему дѣйствовать, и самый опытный врачъ найдетъ въ его сочиненіи, чѣмъ воспользоваться.

Далѣе авторъ разсматриваетъ причины болѣзни: А. предрасполагающія и В. производящія. При этомъ онъ представляетъ такое статистическое показаніе, что изъ 100 случаевъ гонореей болѣзнь происходитъ отъ гонорейной заразы, въ 95. Откуда же гонорея происходитъ въ $\frac{5}{100}$ случаевъ? На это онъ отвѣчаетъ: 1) отъ сношенія съ женщиною, имѣющею а) бѣли (не всегда), б) мѣсячныя, в) родовыя очищенія, д) язвы рака и

другаго свойства, находящіяся на дѣтородныхъ губахъ, въ рукавѣ, даже маткѣ, е) шанкръ, если гной его попадетъ на слизистую оболочку, ф) язвы вторичной сифилитической болѣзни; 2) отъ простуды (катарръ); 3) отъ любострастнаго злоупотребленія; 4) частаго введенія катетера, бужей и другихъ хирургическихъ инструментовъ въ мочевоу каналъ; 5) отъ прохожденія по мочевоу каналу мелкихъ камней, песку; 6) отъ введенія раздражающихъ жидкостей въ каналъ; 7) отъ употребленія внутрь шпанской мушки, Мелое majalis, и пр.; 8) по сочувствію многихъ болѣзней; 9) отъ переноса другихъ и пр. (стр. 20-22). Но не всегда, прибавляетъ авторъ, эти условія производятъ гонорею.

Послѣ этого авторъ спрашиваетъ: «можно ли отличать воспаленіе мочеваго канала, происшедшее отъ сношенія съ женщиною, страждущею гонореею, отъ того воспаленія, которое произошло отъ сношенія съ женщиною, имѣющею «бѣли или столько мѣсячныя очищенія, или наконецъ отъ такого, которое «произошло отъ какой либо другой изъ приведенныхъ причинъ»? «При настоящемъ состояніи врачебной науки вѣрныхъ признаковъ для отличія бленореи, полученной отъ больной женщины, отъ бленореи, зависящей отъ другой какой нибудь причины, нѣтъ. Но если въ признакахъ нѣтъ отличія, «то нѣтъ ли», спрашиваетъ авторъ, «въ сущности этихъ болѣзней какого либо различія?» Есть, отвѣчаетъ онъ: «истеченія изъ мочеваго канала, «происшедшее отъ сношенія съ женщиною во время ея регулъ «или съ такою, которая имѣетъ бѣли, или то истеченіе, которое произошло отъ холода, или введенія какого-либо инструмента въ мочевоу каналъ и пр., не заразительно. Съ другой стороны, истеченіе изъ мочеваго канала, полученное мужчиною «отъ женщины, одержимой настоящею бленореею, а не простыми бѣлями, бываетъ упорно и всегда заразительно.»

Какъ же происходитъ гонорея отъ совокупленія съ женщиною, имѣющею бѣли или регулы? Въ нихъ есть иногда, отвѣчаетъ авторъ, острота, но, такъ сказать, цевинная, которая

способна раздражить мокротную перепонку мочевого канала мужчины до катаррального только состоянія, но такого, которое даетъ безвредное отдѣленіе для другихъ. Эта послѣдняя гонорея скорѣе и проходитъ, чѣмъ настоящая заразительная.

Зараза гонорейная замѣчательна тѣмъ, что она, сообщаясь здоровому естественнымъ или прививочнымъ способомъ, производить въ немъ перелой, но никогда шанкра.

Бываютъ однако случаи, какъ авторъ говоритъ и другимъ извѣстно, что люди, не имѣвшіе въ свою жизнь другаго рода этой болѣзни, кромѣ гонореи, иногда представляютъ несомнѣнные признаки вкоренившейся всеобщей сифилитической болѣзни. По этому и раздѣляютъ гонорею на доброкачественную, простую (*Gonorrhoea benigna s. simplex.*) и злокачественную, сифилитическую (*Gonorrhoea syphilitica*). Какъ же отличить гонорею простую отъ гонореи сифилитической, спрашиваетъ авторъ? Гонорею сифилитическую отъ простой можно отличить, по мнѣнію нѣкоторыхъ врачей, по слѣдующимъ признакамъ: 1) сифилитическая гонорея появляется послѣ сношенія съ зараженною женщиною; 2) такая гонорея обнаруживается спустя 5 или 6 дней послѣ послѣдняго совокупленія; 3) длится гораздо долѣе, чѣмъ простая. Но авторъ, по собственному опыту, признаетъ эти признаки нерѣшительными, недостаточными, неосновательными. Единственнымъ, напротивъ, средствомъ къ различію сифилитической гонореи отъ простой служить, по мнѣнію автора, согласно новѣйшимъ изслѣдованіямъ Рикора и Боме, присутствіе въ послѣдней шанкра, «если только мы въ состояніи», прибавляетъ осторожный въ критическихъ своихъ приговорахъ авторъ, «опредѣлить при гонорее присутствіе въ мочевомъ каналѣ шанкра» (стр. 26.).

Но легко ли опредѣлить присутствіе шанкра при гонорее? Такъ какъ авторъ не оставляетъ ни одного сомнительнаго вопроса безъ критики, особенно такихъ вопросовъ, которые имѣютъ важное значеніе въ практическомъ отношеніи, то, предложивъ этотъ вопросъ, онъ разсматриваетъ и его со всевоз-

можныхъ сторонъ и отвѣчаетъ на него такъ: если шанкръ находится въ отверстіи мочевого канала, то мы можемъ его видѣть и слѣдовательно узнать; но когда шанкръ находится глубже, тогда мы можемъ, говоритъ авторъ, «догадываться о его присутствіи въ каналѣ по боли, сосредоточенной въ одномъ какомъ нибудь мѣстѣ, и по опухолѣ, ошупываемой пальцами», только догадываться прибавляетъ, авторъ, но не болѣе. По этому онъ приводитъ способы и другихъ врачей къ открытію скрытаго шанкра и именно способъ Ляньо, который предлагалъ брать отпечатки шанкра помощію мягкаго бужа (*bougie emplastique*), вводимого въ мочевого каналъ; способъ Сегалля, который предложилъ употребленіе особеннаго маленькаго зеркала (*speculum urethrale*); способъ Рикора, который совѣтуетъ для этого прививаніе перелойнаго гноя. Приведши эти способы, Профессоръ Заблоцкій разбираетъ ихъ критически и находитъ, что брать отпечатки помощію бужи, по причинѣ боли, причиняемой больному этою операціею, есть средство неудобноисполнимое и само по себѣ невѣрное; что же касается до зеркала, то и его употреблять трудно, а употребивши, почти ничего нельзя имъ видѣть. Лучшимъ изъ этихъ трехъ способовъ авторъ признаетъ способъ Рикора, — прививаніе (*inoculatio*) гонорейнаго гноя, отъ котораго развивается шанкръ, если онъ при гонорей есть, и напротивъ не развивается, если его при ней нѣтъ. Казалось-бы, что вѣрнѣе этого способа? Такъ обыкновенно и думаютъ; но строгій и осмотрительный авторъ и этотъ способъ находитъ не вполне надежнымъ. Прочитавъ его критику, нельзя не согласиться съ нимъ. Авторъ говоритъ, что «1) съ гноемъ шанкра отдѣляется изъ мочевого канала и матерія гонорейная, и на ланцетъ можетъ попасть только эта послѣдняя: въ такомъ случаѣ прививаніе не покажетъ присутствія шанкра въ уретрѣ, хотя онъ и есть тамъ; 2) шанкръ даетъ гной, прививающійся (заразительный) не во всѣхъ своихъ періодахъ: по этому во время прививки гной можетъ попасть на ланцетъ дѣйствительно изъ шанкра, но прививки не дастъ,» если т. е. гной этотъ будетъ

взять не изъ періода развитія его въ шанкрѣ. При этомъ не могу съ особеннымъ удовольствіемъ не остановиться надъ этою осматрительностію автора, обладающаго особенною способностію всесторонне и глубоко анализировать каждую мысль, каждое положеніе, каждый вопросъ. Но замѣтить должно, что въ вопросахъ естественныхъ наукъ находчивость и острота сужденія безъ подробнаго и положительно-точного знанія невозможна. Это доступно только таланту и знанію, а слѣд. и труду вмѣстѣ, но не порознь.

Далѣе по порядку авторъ описываетъ исходы болѣзни, распознаваніе, патологическія измѣненія и мѣсто ея и предсказаніе, съ обычною ему отчетливостію.

Наконецъ излагаетъ лѣченіе перелоя. Это изложеніе особенно замѣчательно тѣмъ, что оно чрезвычайно подробно, а между тѣмъ, вездѣ строго раціонально, т. е. чрезвычайно практично, и въ тоже время научно, что составляетъ величайшую рѣдкость въ медицинскихъ практическихъ сочиненіяхъ.

У него каждый методъ лѣченія основанъ на показаніяхъ, взятыхъ изъ самаго состоянія какъ болѣзни, такъ и больного. Онъ не лѣчитъ форму болѣзни, или періодъ ея: онъ лѣчитъ на-противъ больного при данной формѣ болѣзни и въ данномъ періодѣ ея. Отъ того въ его изложеніи лѣченія все такъ естественно, что, пробѣгая какой бы то ни было методъ лѣченія перелоя, до того увлекаешься соотвѣтственностію свойствъ патологическаго процесса фармакологическаго дѣйствія этого метода, что и мысли не приходитъ въ голову о специфическихъ средствахъ, существующихъ для этихъ болѣзней и признанныхъ цѣлымъ свѣтоѣ. У автора и специфическія лѣкарства также точно и вѣрно приложены къ своему мѣсту и времени, какъ и обыкновенныя лѣкарства, никогда не пользовавшіяся привилегіею специфичности. Каждому методу, имъ употребляемому при лѣченіи гонорей, и именно противувоспалительному, возбуждающему, раздражающему, вяжущему, укрѣпляющему, ука-

зано съ величайшею отчетностію свое мѣсто. Каждому лѣкарству въ частности, принадлежащему къ тому или другому методу, опредѣлено время и мѣсто употребленія съ такой подробностію и отчетностію, что самый неопытный врачъ при этомъ руководствѣ сдѣлать ошибки не можетъ и болѣзнь лѣчить будетъ правильно и вѣрно. Точно также ясно и рационально назначено употребленіе каждаго лѣкарства, составляющаго возбуждающій методъ, гдѣ, кромѣ того, изъ однохарактерныхъ лѣкарствъ каждому дана оцѣнка относительно врачебнаго дѣйствія его, опредѣленная, по преимуществу собственнымъ опытомъ автора, пятнадцать лѣтъ завѣдывающаго сифилитическимъ отдѣленіемъ 2-го Военно-Сухопутнаго Госпиталя. Такимъ образомъ изъ всѣхъ возбуждающихъ противуперелойныхъ средствъ главную и первую роль играетъ у него копайскій бальзамъ, вторую — кубеба. Эти два средства, по его опытамъ, суть самыя дѣйствительныя. Другія же имѣютъ второстепенное значеніе, какъ скапидарное масло, перувіанскій бальзамъ, канадскій, толютанскій, и проч. Вяжущій способъ хотя и допускаетъ авторъ, но какъ гораздо менѣе полезный, чѣмъ возбуждающій. Раздражающій же методъ, или такъ называемый абортивный, авторомъ почти не допускается; а если и допускается, то съ величайшею и истинно-похвальною осторожностію по чрезвычайно уважительнымъ причинамъ, имъ изложеннымъ. Гораздо охотнѣе авторъ допускаетъ укрѣпляющій методъ, при своихъ показаніяхъ, хотя весьма ограниченный.

Вообще изложеніе лѣченія перелоя чрезвычайно наставительно для каждаго врача. Здѣсь онъ увидитъ, что самое осторожное, самое малое лѣченіе, но правильно разчитанное и вѣрно употребленное дѣйствуетъ вѣрнѣе, скорѣе и прочнѣе, чѣмъ самыя энергическія средства и притомъ общепринятія, но не строго приспособленныя къ данному случаю. При всей воздержности отъ многого лѣченія у автора вовсе нѣтъ односторонности въ лѣченіи, какъ это встрѣчается весьма не рѣдко. Такъ одни выхваляютъ для всѣхъ случаевъ бальзамическія средства,

и притомъ иногда въ сильныхъ пріемахъ; другіе рекомендуютъ почти исключительно однѣ впрыскиванія; третьи совѣтуютъ только однѣ прохлаждающія лѣкарства, и т. д. Онъ напротивъ приводитъ въ движеніе противъ гонорей, можно сказать, цѣлый арсеналъ лѣкарствъ, судя по числу употребляемыхъ имъ противъ этой болѣзни средствъ, и однако лѣчить мало, а дѣлаетъ много. Особенно важно указаніе автора какъ на причину упорности болѣзни при лѣченіи, на вліяніе здѣшняго климата сыраго и холоднаго. И потому лѣченіе перелоя онъ излагаетъ, и вообще и съ особенными указаніями, соответственно здѣшнему климату, что составляетъ исключительную и чрезвычайно важную принадлежность его сочиненія.

Глава III. *Перелой у женщинъ* (стр. 53).

Перелой у женщинъ составляетъ болѣзнь часто гораздо сложнѣйшую, чѣмъ перелой у мужчинъ. Но, къ сожалѣнію, эта болѣзнь наукою гораздо меньше разъяснена, нежели перелой мужчинъ. Большая сложность этой болѣзни у женщины зависитъ отъ того, что она имѣетъ своимъ мѣстомъ, какъ наблюденія показали, не только мочевой каналъ, какъ у мужчинъ, но и другія женскія половыя части. Она можетъ быть въ одно и тоже время на всѣхъ этихъ частяхъ и отдѣльно въ каждомъ органѣ. Авторъ описываетъ: перелой наружныхъ половыхъ частей (*blenorrhagia vulvae*) (стр. 54), перелой маточнаго влагалища (*blenorrhagia vaginalis*) (стр. 55), перелой матки (*blenorrhagia uteri*) и перелой мочевого канала (*blenorrhagia urethralis*) (стр. 57). Въ первыхъ трехъ видахъ, замѣчая различіе въ послойномъ пораженіи тканей, авторъ допускаетъ еще три вида: эритематозное, катарральное и флегмонозное; такъ при перелой матки г. Заблоцкій наблюдалъ поверхностное воспаление (*blenorrhoea erythematosa*), воспаление всей толщи слизистой ткани матки (*catarrhus*) и воспаление самой паренхимы матки (*blenorrhoea phlegmonosa*). Такое дѣленіе въ практикѣ для

отличія всѣхъ оттѣнковъ болѣзни можно считать необходимымъ. Ибо болѣзненныя явленія въ нихъ различны, а на этомъ основывается и различіе самаго лѣченія.

Перелой у женщинъ также, какъ и мужчинъ, иногда, впрочемъ въ весьма рѣдкихъ только случаяхъ, развиваетъ впослѣдствіи общую сифилитическую болѣзнь. «Перелойная матерія «у женщинъ (стр. 59.), попадая на слизистую оболочку производитъ такую лишь болѣзнь, отъ которой сама происходитъ. «Если же матерія эта прививкою образуетъ шанкръ, то это «доказываетъ, что въ пораженномъ мѣстѣ, кромѣ перелоя, на- «ходится и шанкръ», точно такъ, какъ и у мужчинъ.

При опредѣленіи (стр. 60) болѣзни, авторъ совѣтуетъ не ограничиваться однимъ подробнымъ изслѣдованіемъ припадковъ и осмотромъ наружныхъ половыхъ частей; но совѣтуетъ еще, какъ необходимое средство, изслѣдованіе и внутреннихъ половыхъ органовъ при помощи влагалищнаго зеркала. Къ сожалѣнію, у насъ этотъ способъ изслѣдованія еще мало распространенъ. По этому авторъ въ настоящемъ сочиненіи обратилъ особенное вниманіе на это обстоятельство и описалъ съ особенною тщательностію и подробностію тѣ измѣненія, которыя врачъ можетъ встрѣтить въ этой болѣзни тогда, когда будетъ изслѣдовать женщину зеркаломъ, при чемъ изобразилъ самое зеркало и кресло, употребляемыя въ пособіе при изслѣдованіи этого рода (стр. 60 и 61). А что авторъ особенное свое вниманіе обратилъ на этотъ способъ изслѣдованія болѣзни при опредѣленіи ея, то это и потому еще важно, что при помощи его совершенно положительно опредѣляется не только мѣсто и степень болѣзни, но и, въ большей части случаевъ, присутствіе или отсутствіе шанкра при гонорее; а это имѣетъ существенное вліяніе на опредѣленіе правильнаго лѣченія, которое въ этомъ случаѣ особенно важно, потому, что болѣзнь венерическая, если будетъ лѣжима какъ простая, заразить и поразить все существо тѣла убійственнымъ образомъ, и наоборотъ, если простая болѣзнь будетъ лѣжима, какъ венерическая, то лѣченіе противу-

венерическое, напрасно употребленное, не многимъ чѣмъ будетъ менѣе вредно самой болѣзни для здоровья человѣка.

Лѣченіе у автора представлено соответственно описываемымъ имъ формамъ болѣзни и ихъ степенямъ. Здѣсь особенно хорошо изложено лѣченіе перелойнаго воспаления матки (стр. 68) Авторъ, кажется, съ цѣлю обратить особенное вниманіе на такой важный предметъ, часто неправильно понимаемый врачами въ практикѣ. При лѣченіи этой болѣзни авторъ строго опредѣляетъ не только общій характеръ врачеванія сообразно характеру болѣзни, но и въ частности каждое средство, даже способъ употребленія его. Такъ острый перелой матки авторъ совѣтуетъ лѣчить кровопусканіями мѣстными и даже общими сообразно съ силами больной. Піевки женщины совѣтуетъ ставить *ad regionem sacro-bumbalem*, но не къ пахамъ или *ad anum*, какъ прежде врачи дѣлали, по самой основательной, имъ указанной причинѣ. Далѣе онъ совѣтуетъ общія теплыя ванны, смягчительныя и смягчительно-наркотическія впрыскиванія въ маточный рукавъ и такія-же припарки къ нижней части живота. Съ этими средствами совѣтуетъ также и приличное гигиеническое противовоспалительное содержаніе.

Когда перелой матки будетъ хроническій, то здѣсь, по мнѣнію автора, рѣдко приноситъ пользу даже слабое противовоспалительное лѣченіе, но тутъ часто помогаетъ, по наблюденіямъ автора, прижиганіе, при помощи зеркала, шейки матки селитро-кислымъ серебромъ, или *liquore Bellosti*; изъ внутреннихъ средствъ полезны, въ умѣренныхъ приѣмахъ, спорынья и *aqua rosea*. Такъ какъ этою болѣзнію, большею частію бываютъ одержимы женщины слабыя и лимфатическія, то такимъ женщинамъ онъ совѣтуетъ употреблять возбуждающую и укрѣпляющую діету, деревенскій воздухъ, морскія купанья и желѣзные средства. Кубебу и другія бальзамическія вещества, а равно и меркуріальное лѣченіе авторъ въ этой болѣзни находитъ совершенно бесполезными.

Въ послѣднее время Рикоръ во Франціи и другіе совѣто-

вали, при перелойномъ состояніи матки, проникать въ полость этого органа не только крѣпкими впрыскиваніями, напр. растворомъ азотно-кислаго серебра, но даже и прижигать полость матки карандашомъ лаписа. Этотъ способъ лѣченія весьма основательно авторъ не одобряетъ и предостерегаетъ въ подобныхъ попыткахъ врачей, особенно молодыхъ; ибо отъ сильнаго раздраженія полости матки иногда дѣлается воспаленіе не только матки, но и брюшины, *metro-peritonitis*, болѣзнь чрезвычайно тяжелая и опасная.

Глава IV. *Болѣзни, могуція произойти отъ перелоя* (стр. 71). О болѣзняхъ, происходящихъ отъ перелоя, сифилографы въ своихъ сочиненіяхъ обыкновенно говорятъ поверхностно и какъ-бы уклоняются отъ подробнаго изслѣдованія этого предмета, быть можетъ, потому, что почти всѣ болѣзни, происходящія отъ перелоя, не суть настоящія сифилитическія. Такъ у лучшаго изъ современныхъ писателей и болѣе подробно писавшаго о сифилитическихъ болѣзняхъ Боке мы находимъ описаніе лишь четырехъ болѣзней. У Рикора этихъ болѣзней описано 8. Профессоръ Заблоцкій описываетъ 15 болѣзней, могущихъ произойти отъ перелоя и почти всѣ эти болѣзни описаны обстоятельно. Мы находимъ особенно подробно описанными въ этой главѣ, именно тѣ болѣзни, о которыхъ авторы, при описаніи, говорятъ или мало, или вовсе объ нихъ умалчиваютъ: таково *воспаленіе предстательной желѣзы* (стр. 73), *нарывы по направленію мочевого канала и мочевого нарывы* (стр. 75) *невольное изверженіе сѣмени и безсиліе*, какъ послѣдствіе перелоя (стр. 77). Авторъ весьма хорошо описалъ происхожденіе и припадки этой болѣзни, и особенно подробно и ясно изложилъ хирургическій способъ лѣченія этой серьезной для мужчинъ болѣзни, большею частію чрезвычайно трудно лѣчимой терапевтическими лѣкарствами. Не смотря однако на это, нельзя не замѣтить автору того, что онъ твердыя нитеобразныя тѣла сѣмени называетъ по старому сѣменными животными, *sper-*

матозоа, инфузоріями, которыхъ теперь не признають вовсе за животныхъ, а называютъ просто сѣменными вѣями. *Нестественныя ощущенія въ мочево́мъ каналѣ и потеря ощущенія* (стр. 84); *перелойное воспаленіе яичка* (стр. 85): эта болѣзнь разобрана авторомъ очень обширно и чрезвычайно обстоятельно и о сновательно, чего она и заслуживаетъ, въ 1-хъ потому, что она часто случается, во 2-хъ потому что бываетъ очень болѣзненна, а въ 3-хъ и потому, что если она не будетъ правильно излѣчена, то послѣдствія для мужчины бываютъ отъ того непріятныя, какъ показали изслѣдованія Госселена, а именно дѣлается зарощеніе (obliteratio) относящаго сосуда и за тѣмъ атрофія и вслѣдствіи этого мужское безсиліе (impotentia virilis). *Перелойное воспаленіе сочлененій* (стр. 109).

Наконецъ въ этой же главѣ находится еще описаніе нарывовъ наружныхъ женскихъ дѣтородныхъ частей (abscessus vulvae), какъ слѣдствія перелоя у женщинъ (стр. 117). Г. Заблочкій здѣсь описываетъ два рода нарывовъ: *флегмонозные* (abscessus phlegmonosus) и *фолликулозные* (abscessus folliculosus). Первые дѣйствительно случаются часто при перелое, хотя они могутъ развиваться иногда и отъ другихъ причинъ (стр. 117), а послѣдніе образуются большею частію отъ неопрятности у жирныхъ и лимфатическихъ женщинъ (стр. 119). И потому эту послѣднюю болѣзнь авторъ описываетъ для поясненія предъидущей и для того, чтобы эта послѣдняя не была принята въ практикѣ за первую.

Отъ флегмонозныхъ нарывовъ на женскихъ половыхъ губахъ образуются нерѣдко свищи (фистулы), болѣзнь очень упорная. Эти свищи иногда проникають въ полость маточнаго влагалища и въ прямую кишку. Г. Заблочкій первый объяснилъ образованіе такихъ глубокихъ фистулъ или свищей анатическимъ строеніемъ женскихъ половыхъ частей, и именно (стр. 118): 1) «рыхлостію клѣтчатой ткани пораженныхъ частей; 2) тонкостію апоневротическихъ растяженій промежности; 3) значительнымъ числомъ отверстій, находя-

«шихся въ этихъ перепонкахъ. Сравнивая поверхностное апо-невротическое растяженіе промежности мужчины и женщины, «легко убѣдиться въ удобствахъ затековъ гноя изъ женскихъ половыхъ частей въ прямую кишку и въ трудности этого обстоятельства у мужчинъ. Безъ этого анатомическаго расположенія большая часть мочевыхъ фистулъ у мужчинъ «открывалась бы въ прямую кишку или около ея отверстія, «что въ практикѣ случается рѣдко».

Изложеніе, болѣе или менѣе подробное, этихъ неописанныхъ или мало описанныхъ болѣзней, какъ послѣдствій перелоя, дѣйствительно составляетъ заслугу для ученія о перелой и достоинство разбираемаго сочиненія; но нельзя однако пожалѣть, что другія болѣзни, также какъ послѣдствія перелоя, авторъ описалъ очень коротко, такъ напр. суженіе мочеваго канала (*strictura urethrae*). Объ этой болѣзни, очень частой и важной, авторъ, къ сожалѣнію, ничего не говоритъ (стр. 85). Странно, что авторъ почти совсѣмъ выпустилъ ее изъ своего сочиненія на основаніи того, что описаніе ея вывело бы насъ, говоритъ онъ, далеко изъ предѣловъ настоящаго сочиненія. Правда, что она уже не принадлежитъ къ сифилитическимъ болѣзнямъ, однако происходитъ большею частію отъ перелоя; а эта глава и заключаетъ въ себѣ описаніе болѣзней, могущихъ произойти отъ перелоя. Впрочемъ о суженіи мочеваго канала писано и много и подробно и дѣльно.

Не смотря однакожъ ни на что, глава эта составляетъ очень интересную часть сочиненія автора.

Глава V. *Перелой головки и крайней плоти (Balanitis)* (стр. 121). Эта, хотя легкая и не важная болѣзнь, описана авторомъ равно серьезно и научно, какъ и важныя.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ. *Первичныя сифилитическія болѣзни.*
Глава 1. *Шанкръ или первичная сифилитическая язва.*

Шанкръ есть исходная точка, изъ которой развивается то ужасное зло, которое извѣстно подъ названіемъ сифилитической, венерической или любострастной болѣзни и которое страшнымъ образомъ искажаетъ натуру человѣка. По этому въ многочисленномъ рядѣ формъ сифилитической болѣзни шанкръ заслуживаетъ наиболѣе всѣхъ другихъ вниманія какъ врача, такъ и вообще врачебной науки. Въ слѣдствіи этого профессоръ Заблоцкій разобралъ эту болѣзнь съ большею подробностію и отчетливостію, достойными важности предмета.

Такъ, опредѣливъ коротко болѣзнь, онъ сперва указываетъ ясно двоякій образъ дѣйствія яда, производящаго ее: мѣстный и общій; потомъ показываетъ форму произведенія яда, т. е. форму язвъ; наконецъ раздѣляетъ эти послѣднія на первичныя, вторичныя и третичныя язвы (стр. 125).

Въ этой главѣ идетъ рѣчь только о первыхъ изъ нихъ, т. е. о первичныхъ язвахъ, называемыхъ шанкромъ. Говоря о шанкрѣ, онъ опредѣляетъ тѣ ткани тѣла, которыя поражаетъ шанкръ; сказавъ о причинѣ его коротко, ибо она всѣмъ извѣстна, какъ сифилитическій ядъ (*virus syphiliticum*), онъ разбираетъ форму яда, являющагося въ видѣ гноя и другихъ подобныхъ патологическихъ отдѣленій.

Такъ какъ сущности этого яда, говоритъ авторъ, не объясняютъ намъ ни химія, ни микроскопъ, то онъ старается сдѣлать его удобопонятнымъ изъ его дѣйствія, изъ свойствъ гноя, въ коемъ ядъ этотъ заключается. Для этого критически разбираетъ самыя свойства гноя, признаваемые за несомнѣнные признаки присутствія въ немъ сифилитическаго яда. При этомъ разборѣ многіе изъ нихъ авторъ находитъ только случайными, а несущественными, какъ кислотное и щелочное свойство гноя, присутствіе большаго или меньшаго числа въ немъ шариковъ, присут-

ствіе микроскопическихъ животныхъ и проч. (стр. 126) и послѣ этого указываетъ уже вѣрные критеріи заразительнаго гноя (стр. 127).

За тѣмъ съ особеннымъ вниманіемъ, подробностію и опредѣлительностію излагаетъ условія, при которыхъ ядъ заражаетъ тѣло, (стр. 127 — 129), такъ что безъ этихъ условій зараженіе не происходитъ: опредѣляетъ мѣсто, гдѣ образуется въ тѣлѣ шанкръ (стр. 129 — 130); и говоритъ о числѣ шанкровъ у одного и того же больного за-разъ (стр. 130).

Далѣе изображаетъ шагъ за шагомъ всѣ фазы постепеннаго развитія шанкра, отъ перваго момента зачатія до совершеннаго образованія, равно какъ и разныя видоизмѣненія какъ зарожденія, такъ и дальнѣйшаго хода его до полной язвы; представляетъ общія черты самой язвы и различія ея, какъ по виду, такъ особенно по ходу дальнѣйшаго процесса самымъ осязательнымъ образомъ (стр. 130 — 133).

На основаніи всѣхъ этихъ разностей авторъ принимаетъ четыре вида шанкра: 1) шанкръ простой (*ulcus syphiliticum simplex s. inflammatorium*) (стр. 133), 2) шанкръ затвердѣлый, или Гунтеровскій, (*u. syph. induratum s. Hunterianum*), (стр. 133 — 134), 3) шанкръ фагаденическій (*u. syph. phagadaenicum*, разъѣдающій) (стр. 134 — 135), 4) шанкръ гангренозный (*u. s. gangraenosum*) съ омертвленіемъ пораженныхъ частей или съ антоновымъ огнемъ (стр. 136).

Каждою вида шанкра представлено авторомъ особое описаніе; но во всѣхъ ихъ можно отличить, говоритъ авторъ, два періода, — періодъ увеличенія язвы и періодъ уменьшенія, заживленія или цикатризаціи. Эти два періода отличать въ высшей степени важно, потому что шанкръ въ первомъ періодѣ заразителенъ, а во второмъ теряетъ способность заражать и составляетъ шанкръ незаразительный (стр. 136). Продолжительность этихъ двухъ періодовъ не имѣетъ опредѣленныхъ границъ, особенно въ различныхъ видахъ шанкра, по причинѣ разныхъ условій, которыя вліяютъ на ходъ патологическаго

процесса язвы въ этихъ періодахъ, преимущественно въ послѣднемъ: отъ чего являются разности въ наружныхъ признакахъ самой язвы, что и дало поводъ къ образованію еще особыхъ видовъ шанкра, каконы *ulcus syphiliticum seriginosum* ползучій шанкръ, *ulcus syph fungosum s. vegetans* грибовидный шанкръ, *ulcus elevatum* шанкръ. выскіи и т. д. (стр. 137). При этомъ авторъ упоминаетъ и объ осложненіяхъ шанкра и болѣе всего обращаетъ вниманіе на осложненіе съ бубономъ, которое въ самомъ дѣлѣ достойно вниманія какъ врача, такъ и всякаго человѣка (стр. 137).

Кромѣ того авторъ описываетъ виды шанкра по мѣсту нахожденія его въ тѣлѣ: скрытый шанкръ (*ul'us latens*), шанкръ въ мочевомъ каналѣ (*ulcus syph. in urethra*) (стр. 138), шанкръ у отверстія прямой кишки, шанкръ во рту (стр. 139), шанкръ на сосцахъ, на стѣнкахъ маточнаго рукава, на шейкѣ матки (стр. 140).

Излагая распознаваніе шанкра, авторъ входитъ во всевозможныя подробности, чтобы дать самый точный и вѣрный способъ отличить эту болѣзнь отъ другихъ для того, чтобы не пропустить ни минуты времени понапрасну для скорѣйшаго противодѣйствія этому губительнѣйшему злу (стр. 140 — 143).

Предсказаніе и исходы болѣзни разобраны также очень обстоятельно, особенно первое (143 — 145). Не смотря на то, что авторъ каждую сторону этой болѣзни описываетъ, какъ изъ краткаго обзора этой главы видно, съ величайшею подробностію и строжайшею отчетливостію, однако лѣченіе, какъ важнѣйшую часть трактата о шанкрѣ, въ практическомъ отношеніи, авторъ разсматриваетъ подробнѣе другихъ моментовъ болѣзни. Онъ дѣлитъ лѣченіе на профилактическое, мѣстное и общее.

Въ предохранительномъ лѣченіи первое мѣсто авторъ предоставляетъ полицейско-медицинскому наблюденію за публичными женщинами, какъ относительно ихъ здоровья, такъ относительно ихъ опрятности вообще и чистоты содержанія половыхъ органовъ въ особенности. Въ частности предлагаетъ

каждому человѣку какъ спасительное средство отъ зараженія «обмываніе дѣтородныхъ органовъ прежде и послѣ акта «совокупленія слабымъ растворомъ азотно-кислаго серебра, «или растворомъ хлорової извести, или известковою водою съ «небольшимъ количествомъ какой нибудь кислоты, которое въ «этомъ случаѣ можетъ быть весьма полезнымъ (стр. 145).» Сифилизацію т. е. послѣдовательную прививку шанкровою одному и тому же человѣку, предложенную Озіасъ-Тюренемъ, который полагалъ, «что чѣмъ чаще будутъ прививаемы шанкры, тѣмъ они дѣлаются слабѣе и наконецъ вовсе не прививаются и что наконецъ минуетъ опасность общаго зараженія (стр. 146)», какъ профилактическое средство, профессоръ Заблоцкіи отвергаетъ и потому, что оно неудобноисполнимо, и потому, что даже вредно: особенно послѣднее совершенно справедливо.

Мѣстное лѣченіе авторъ излагаетъ столько-же различно, сколько онъ принимаетъ различныхъ видовъ и видоизмѣненій болѣзни.

Но въ самомъ началѣ шанкра, какого бы рода онъ ни былъ, авторъ предлагаетъ одинъ способъ лѣченія, абортивный, самый, можно положительно сказать, лучший, потому что онъ есть самый короткій, а вмѣстѣ и самый вѣрный. Способъ этотъ состоитъ въ вырѣзываніи или прижиганіи шанкра. Первое не столь вѣрно, по наблюденію автора, какъ послѣднее, которое дѣлается различными ѣдкими средствами: *kalī caustico*, *butyro antimonii*, различными кислотами, вѣскимъ тѣстомъ и пр.; но всѣмъ имъ авторъ, по собственному опыту, предпочитаетъ азотно-кислое серебро, или лаписъ (стр. 146 и 148). При употребленіи этого способа авторъ излагаетъ правила, по видимому очень мелкія, но, въ практическомъ отношеніи, чрезвычайно полезныя, можно сказать, необходимыя для того, чтобы средство имѣло вѣрный успѣхъ, отъ котораго зависятъ важныя послѣдствія: участь будущаго здоровья, даже самой жизни человѣка.

Къ сожалѣнію, «врачу рѣдко случается лѣчить шанкръ въ

«самомъ его началѣ, потому что больные большею частію требуютъ помощи врача уже тогда, когда прошло отъ начала болѣзни 8-10 дней и болѣе. Въ это время, говоритъ авторъ, сабортивный способъ лѣченія не можетъ имѣть мѣста. Въ такомъ случаѣ мѣстное лѣченіе измѣняется: кромѣ заживленія язвы, здѣсь нужно еще стараться предотвратить complicacii и общее зараженіе, а въ случаѣ ихъ появленія, нужно умѣть ихъ лѣчить» (стр. 147).

Послѣ этого онъ излагаетъ разныя лѣченія, соотвѣтственно каждому виду и каждому видоизмѣненію шанкра отдѣльно

Лѣченіе шанкра простаго есть самое простое, говоритъ авторъ, почти исключительно противовоспалительное (стр. 147).

Лѣченіе шанкра затвердѣлаго по преимуществу специфическое, осложняемое тѣмъ или другимъ средствомъ по разности эминирующихъ симптомовъ, указанныхъ авторомъ съ большою подробностію (стр. 148). Кромѣ этого здѣсь авторъ признаетъ непременно нужнымъ и общее специфическое лѣченіе, о которомъ говорено будетъ ниже.

Лѣченіе фагаденического шанкра авторъ признаетъ часто самымъ труднымъ; оно измѣняется по разности какъ внутренней complicacii, напр. цынги, золотухи и пр., такъ и другихъ вліяній, какъ-то дурнаго состоянія пищеварительныхъ органовъ, пребыванія въ тѣсныхъ, сырыхъ, малоосвѣжаемыхъ жилищахъ, бѣдности, продолжительнаго дѣйствія угнетающихъ страстей, не надлежащаго употребленія меркуріальныхъ средствъ и пр. и пр., условливающихъ фагаденическое свойство шанкра (стр. 149). Указаніе этихъ условій фагаденического свойства шанкра освѣтляетъ совершенно ясно врачу путь, которымъ онъ долженъ идти для уничтоженія болѣзни. Это указаніе составляетъ чрезвычайную услугу, которую авторъ дѣлаетъ больнымъ, врачамъ и даже ученію о лѣченіи сифилитической болѣзни.

Лѣченіе грангренознаго шанкра, по автору, производится на общихъ правилахъ лѣченія язвъ гангренозныхъ (148).

Лѣченіе каждаго видоизмѣненія шанкра изложено особо, смотря по натурѣ этихъ видоизмѣненій.

Общее лѣченіе составляетъ чрезвычайно важный вопросъ при лѣченіи первичныхъ сифилитическихъ язвъ (стр. 152), потому что правильное или неправильное лѣченіе сифилитической болѣзни въ этотъ моментъ рѣшаетъ, можно сказать, судьбу будущаго здоровья чловѣка. Кто разъ испыталъ несчастье общаго пораженія этою болѣзнію и полѣчится отъ нея, хотя бы и съ полнымъ успѣхомъ, того здоровье можно считать потрясеннымъ навсегда; удостовѣриться въ томъ легко отъ лѣченыхъ.

Вопросъ этотъ становится еще важнѣе отъ того, что относительно его врачи пришли въ настоящее время къ чрезвычайно рѣзкому разногласію между собою; это странно, потому что въ наукахъ разныя мнѣнія о вопросахъ съ теченіемъ времени обыкновенно сходятся, спорныя примиряются, а у насъ въ медицинѣ какъ-то вышло на-оборотъ. Такъ «большая часть врачей думаетъ теперь, что ртуть составляетъ здѣсь средство специфическое и необходимое при лѣченіи всякаго шанкра, безъ чего больной не можетъ быть избавленъ отъ общаго зараженія; другіе напротивъ, и этихъ меньшая часть, утверждаютъ, что всякій шанкръ можно вылѣчить, не подвергая больного опасности общаго зараженія, совершенно безъ ртутныхъ средствъ, одними простыми, антифлогистическими средствами; есть потомъ врачи, которые послѣдствія шанкра и развитіе большей части припадковъ общаго зараженія приписываютъ предварительному употребленію меркуріальныхъ препаратовъ» (стр. 152). Что жъ думаетъ профессоръ Заблоцкій объ этомъ важномъ и неслыханномъ вопросѣ? Какъ рѣшаетъ онъ его? И какъ дѣйствуетъ самъ? Онъ вполне не принадлежитъ ни къ тому, ни къ другому мнѣнію, но и не эклектикъ. Онъ говоритъ: «истина однакожъ находится между

этимі крайностями» (стр. 152). И потомъ опредѣлительно указываетъ, гдѣ должно быть меркуріальное лѣченіе и гдѣ не должно. Такъ «употребленіе ртути внутрь нельзя назвать всегдѣ умѣстнымъ при лѣченіи *простыхъ шанкрь*, ибо такіе «шанкры хорошо излѣчиваются и безъ этого средства и весьма рѣдко влекутъ за собою послѣдовательную сифилитическую болѣзнь» (стр. 154). Но если они, хотя и весьма рѣдко, однако же иногда влекутъ за собою послѣдовательное сифилитическое зараженіе; то хорошо ли, слѣдовательно, не лѣчить ртутью простой шанкръ? У автора и на это есть положительный отвѣтъ: «при простомъ шанкрѣ прибѣгаютъ къ меркуріальнымъ средствамъ лишь тогда, когда станутъ обнаруживаться начала общаго зараженія, на прим. когда начинаютъ отвердѣвать паховыя желѣзы и пр.» (стр. 154). Эта опухоль есть знакъ того, что ядъ начинаетъ поступать внутрь тѣла. Тогда и должно употреблять меркурій даже при простомъ шанкрѣ. Далѣе авторъ говоритъ: «внимательныя наблюденія показываютъ, что меркуріальныя средства при *фазаденическомъ* шанкрѣ почти всегда ожесточаютъ болѣзнь»; и подтверждаетъ это фактомъ — исторіею болѣзни, приведенной имъ, одной изъ многихъ, видѣнныхъ имъ самимъ (стр. 152 — 154).

«Наблюденія также показываютъ, что и при *гангренозномъ* шанкрѣ нѣтъ никакой выгоды употреблять не только внутрь, но даже и снаружи, мѣстно, меркуріальные препараты, ибо «въ большей части случаевъ болѣзнь отъ нихъ ожесточается».

«Напротивъ, если шанкръ сопровождается *затвердѣніемъ*, употребленіе меркуріальныхъ средствъ становится необходимою. При лѣченіи этого рода скорѣе излѣчивается мѣстная болѣзнь и гораздо вѣрнѣе человѣкъ избавляется отъ припадковъ общаго зараженія, нежели при всякомъ другомъ лѣченіи, и чѣмъ скорѣе такое лѣченіе будетъ назначено, тѣмъ лучше. Меркуріальныя средства, если нѣтъ противопоказаній, должно употреблять не только до тѣхъ поръ, пока

«затвердѣніе совершенно не исчезнетъ, но еще послѣ того нѣ-
«которое время».

Эти правила относительно лѣченія шанкра, изложенныя авторомъ, по моему убѣжденію, истинно достойны быть напечатанными золотыми буквами. Они не только указываютъ правильный способъ лѣченія шанкра, но и разрѣшаютъ тотъ споръ о леченіи шанкра ртутью или безъ ртути, который вели и ведутъ доселѣ съ такимъ ожесточеніемъ, съ такою несправедливою односторонностію и съ такимъ вредомъ для общаго дѣла двѣ противоположныя стороны.

Главу эту авторъ заключаетъ приведеніемъ особаго способа лѣченія первичныхъ сифилитическихъ язвъ гальванизмомъ, употребленнымъ въ С. Петербургѣ докторомъ Круселемъ мѣстно на язву. «По мнѣнію г. Круселя, гальванизмомъ, такимъ образомъ направленнымъ, можно не только всегда скорѣе излѣчить шанкръ, но въ тоже время и навѣрное (!!!) избавить человѣка отъ развитія припадковъ вкоренившейся (!!!) сифилитической болѣзни, безъ употребленія другихъ средствъ» (стр. 155).

Но изъ опытовъ, дѣланныхъ, съ дозволенія начальства самимъ г. Круселемъ во 2 Военно-сухопутномъ Госпиталѣ, въ моихъ, говоритъ авторъ, палатахъ, вышли слѣдующіе результаты.

1) «Дѣйствительно, направляя гальванизмъ мѣстно на первичную сифилитическую язву, можно уничтожить шанкръ; но нельзя сказать, чтобы всегда скорѣе, нежели другими, намъ извѣстными средствами».

2) «Гальванизмъ нисколько не предотвращаетъ развитія у человѣка припадковъ застарѣлой сифилитической болѣзни. У нѣкоторыхъ большихъ припадки эти развивались еще во время лѣченія ихъ г. Круселемъ, а у другихъ послѣ. Я пользуюсь», говоритъ авторъ, «у себя въ госпиталѣ двухъ больныхъ, «которыхъ лѣчилъ г. Крусель и которые послѣ его лѣченія прибыли съ застарѣлою сифилитическою болѣзнію».

3) «Вообще гальванизмъ при лѣченіи шанкрь дѣйствуетъ лишь мѣстно, какъ *escharoticum*».

Глава эта имѣетъ капитальное значеніе какъ относительно практическаго, такъ и научнаго значенія всего сочиненія г. профессора Заблоцкаго. Въ ней изображенъ духъ и направленіе, съ которымъ авторъ писалъ все это сочиненіе. Шанкръ есть основная болѣзнь для всѣхъ видовъ и видоизмненій сифилитическихъ болѣзней. Потому взгляды на эту болѣзнь и выведенная изъ того метода лѣченія по необходимости отражаются на всемъ сочиненіи. Изъ краткаго обзора этой главы совершенно ясно, что авторъ при обсужденіи всѣхъ вопросовъ, относящихся къ этой болѣзни, слѣдовалъ критикѣ, основанной на началахъ науки, не отвѣченной, не философской, но науки опытной, наблюдательно-опытной, и лѣченіе его вытекало прямо, рационально изъ законовъ физиологическихъ. По этому лѣченіе у него выпло вездѣ совершенно естественное, безъ всякихъ натяжекъ и затрудненій не только для него, неотступно, шагъ за шагомъ идущаго за патологическимъ процессомъ болѣзни, но оно облегчаетъ примиреніе спорящихъ о употребленіи и неупотребленіи ртути въ венерической болѣзни; оно даже уничтожаетъ поводъ къ спору не только защитниковъ и противниковъ меркуріальнаго лѣченія, но и всѣхъ другихъ послѣдователей абсолютно противорѣчивыхъ между собою методовъ врачеванія.

Глава II. *О фимозѣ* (стр. 153) и Глава III. *О парафимозѣ* (стр. 171).

Болѣзни эти описаны у автора съ такою подробностію и отчетливостію, каковой у другихъ писателей не находимъ.

Фимозъ авторъ раздѣляетъ на врожденный и пріобрѣтенный, и послѣдній подраздѣляетъ на три вида: а) серозный (*phymosis serosa*), когда опухоль сопровождается отекомъ, б) воспалительный, когда опухоль сопровождается воспаленіемъ и

с) фимозъ органическій, когда крайняя плоть бываетъ измѣнена язвами и рубцами. Это дѣленіе совершенно новое и въ практическомъ отношеніи чрезвычайно полезное. Зная его, всякій практикъ тотчасъ найдетъ, какъ ему поступать въ данномъ случаѣ и не сдѣлаетъ ошибки въ лѣченіи. Лѣченіе фимоза, какъ терапевтическое, такъ и хирургическое, изложено полно и ясно. Всѣ операціи, дѣлаемыя въ этой болѣзни, изображены авторомъ на стр. 163, 164, 166, 167, 168 и 169 столь отчетливо и такъ наглядно, какъ никто изъ лучшихъ сифилографовъ доселѣ не сдѣлалъ. При этомъ авторъ изобразилъ и описалъ собственный, имъ самимъ изобрѣтенный способъ операціи отнятія крайней плоти (стр. 167 и 168).

Доселѣ лучшая операція отнятія крайней плоти производилась такъ, что сперва отрѣзывалась крайняя плоть, и потомъ для соединенія разрѣзанныхъ частей накладывались одинъ послѣ другаго четыре или пять швовъ иглами, или столько постепенно накладывалось серфиновъ. Черезъ это операція становилась довольно продолжительною и болѣзненною. Г. Заблоцкій, имѣя въ виду сокращеніе моментовъ операціи, изобрѣлъ инструментъ, изображенный на стр. 167, которымъ проводятся, помощію особеннаго механизма, разомъ всѣ швы: послѣ чего стоитъ только однимъ движеніемъ ножа (стр. 168) отнять крайнюю плоть, завязать швы и вся операція тѣмъ кончается. Черезъ это операція и боль отъ нея значительно сокращаются. Такое упрощеніе операціи должно считать истинною услугою и для больныхъ и для оперативной хирургіи.

Въ статьѣ о лѣченіи парафимоза авторъ, кромѣ описанія, изобразилъ рисунками два употребительныхъ способа вправленія крайней плоти (стр. 173. 177).

Глава IV. О бубонѣ (Rubo, adenitis) (стр. 177). Сдѣлавъ опредѣленіе бубона, указавъ мѣсто образованія и ткань тѣла, поражаемую имъ, авторъ раздѣляетъ его на два рода, на бубонъ простой и специфическій, и послѣдній подраздѣляетъ на четыре

вида; а потому онъ описываетъ всѣхъ различныхъ видовъ бубона пять: 1) Простой бубонъ (*adenitis simplex*), состоящий въ простомъ воспаленіи лимфатической паховой желѣзы, распространившемся на нее изъ мѣста сильно воспаленнаго шанкра или гонореи чрезъ посредство лимфатическихъ сосудовъ; 2) специфическій бубонъ, или сифилитическій первичный (*bubo sresificus*), развивающійся въ паху непосредственно отъ шанкра и именно отъ первоначальнаго поступления венерическаго яда въ сосѣдную лимфатическую желѣзу прежде, чѣмъ все тѣло заразится ядомъ; 3) небольшая бубонъ, или затвердѣлый (*bubo induratus*), развивающійся также въ паху подѣ влияніемъ уже общаго сифилитическаго зараженія и мѣстнаго раздраженія шанкра; 4) вторичный бубонъ, или бубонъ вкоренившейся сифилитической болѣзни, появляющійся при застарѣлой сифилитической болѣзни и обыкновенно не въ паху, а въ другихъ мѣстахъ тѣла, особенно на шеѣ (*regio cervico-occipitalis*); 5) бубонъ первоначальный (*bubon d'emblée*) (стр. 183), развивающійся безъ всякаго предварительнаго страданія дѣтородныхъ органовъ и безъ общаго сифилитическаго пораженія, а въ слѣдствіе предполагаемаго преходящаго мѣстнаго раздраженія дѣтородныхъ органовъ. Авторъ сомнѣвается въ существованіи такого бубона, а нѣкоторые писатели и вовсе не допускаютъ его.

Это дѣленіе бубоновъ автора есть новое, весьма естественное и чрезвычайно полезное для практики. Писатели западной Европы доселѣ дѣлили бубоны иначе. Ланьо напр. дѣлитъ ихъ на первоначальные и послѣдовательные. Вельпо на поверхностные и глубокіе, на сифилитическіе и простые, на бедренные и брюшные. Кюллеръ на бубонъ флегмонозный, смѣшанный, затвердѣлый, открытый и закрытый. Видалъ дѣлитъ на воспалительный и невоспалительный. Очевидно, что всѣ эти авторы принимаютъ за основаніе дѣленія то мѣсто болѣзни, то періоды развитія ея. Подобное же дѣленіе мы находимъ и у Вальера.

Г. Заблоцкій принялъ, какъ видно изъ подробнаго описа-

нія болѣзни, въ основаніе своего дѣленія сущность и свойство этой разнообразной болѣзни. Врачъ, встрѣчая тотъ или другой изъ упомянутыхъ четырехъ видовъ бубона, тотчасъ получаетъ ясную и опредѣленную мысль о средствахъ, нужныхъ къ излеченію той или другой формы этой болѣзни. Дѣйствительно, прочитавши описаніе припадковъ каждаго изъ бубоновъ и припоминая то, что встрѣчаешь у постели больныхъ, убѣждаешься, что эти припадки рѣзко и существенно различны. Такъ бубонъ воспалительный ведетъ къ понятію, что тутъ одни противувоспалительныя фармацевтическія и гигиеническія средства могутъ помочь, и нечего опасаться у больного общаго зараженія. Бубонъ затвердѣлый показываетъ, что здѣсь дѣйствуетъ специфическій ядъ, что ядъ этотъ всосался в притомъ еще недавно, и что, слѣдовательно, такая болѣзнь требуетъ общаго специфическаго лѣченія настоящей сифилитической болѣзни. Бубонъ вторичный еще болѣе указываетъ на то, что тутъ дѣйствуетъ сифилитическій ядъ, и что онъ давно уже находится въ тѣлѣ и что слѣдовательно здѣсь еще необходимѣе общее лѣченіе противъ зараженія; г. Заблоцкій говоритъ (стр. 183), что онъ никогда не видалъ этихъ послѣднихъ бубоновъ переходящими въ нагноеніе, и что они лѣченію уступаютъ чрезвычайно упорно.

Въ распознаваніи бубоновъ (стр. 185) авторъ обращаетъ вниманіе на различіе ихъ между собою, и на отличіе ихъ отъ другихъ опухолей не-бубоновъ, встрѣчающихся въ паху. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ излагаетъ отличіе бубоновъ отъ паховой грыжи, отъ аневризмы подвздошной артеріи (*arteria iliaco-femoralis*), отъ конгестивнаго нарыва и отъ золотушныхъ опухолей.

Признаки этихъ болѣзней показаны ясно; видно, что авторъ очень хорошо знакомъ не только съ сифилитическими, но со всѣми хирургическими болѣзнями.

Лѣченіе бубоновъ раздѣлилъ авторъ на профилактическое, или предотвращающее, abortивное и радикальное. Касательно abortивнаго лѣченія авторъ говоритъ (стр. 187), что въ специ-

фическихъ бубонахъ нельзя предотвратить перехода въ нагноеніе, и что при воспалительномъ бубонѣ тоже не всегда предотвращается нагноеніе. Средства для абсорбтивного лѣченія, въ нашемъ климатѣ, слѣдующія, по его опыту оказались полезными: покой, пьянки, слабительныя, прижатіе повязкою или теплымъ кирпичемъ и прикладываніе нарывнаго пластыря. При лѣченіи радикальномъ (стр. 190) авторъ отаетъ преимущество прикладыванію нарывнаго пластыря на опухоль перелъ другими способами,—способу, предложенному Вельпо. Это средство, говоритъ авторъ, у насъ полезнѣе способа Малоперта. «Мушка, «приложенная на бубонъ, говоритъ г. Заблоцкій, производитъ «одно изъ двухъ послѣдствій: или бубонъ скорѣе отъ нея разрѣшается, или онъ скорѣе переходитъ въ нагноеніе. Я этотъ «способъ, какъ въ госпиталѣ, такъ и въ городской практикѣ, «употребляю очень часто и не помню отъ него дурныхъ послѣдствій. Мушка ставится обыкновенно летучая; когда язва «послѣ нея поджила и опухоль не совѣтъ разрѣшилась, тогда «ставится еще другая и даже третья. Въ промежуткахъ мушекъ можно прикладывать на опухоль смягчительную припарку или масло» (стр. 190).

Бубонъ, перешедшій въ нагноеніе (стр. 191), авторъ совѣтуетъ вскрывать или бистури или ѣдкимъ кали. Когда бубонъ превращается въ сифилитическую язву, тогда авторъ совѣтуетъ ее лѣчить точно такъ, какъ шанкръ (стр. 192).

Для скорѣйшаго заживленія вскрытаго бубона авторъ совѣтуетъ употреблять хлористые растворы, или еще лучше смазывать крѣпкимъ растворомъ азотно-кислаго свинца (nitras plumbi). О приложеніи этого послѣдняго средства къ лѣченію бубоновъ никто изъ западныхъ авторовъ не упоминаетъ, между тѣмъ какъ это одно изъ полезнѣйшихъ въ этомъ случаѣ средствъ, въ чемъ можно постоянно убѣдиться въ нашемъ Военно-Сухопутномъ Госпиталѣ.

Въ концѣ главы о бубонахъ (стр. 193) авторъ говоритъ о лѣченіи нѣкоторыхъ особенностей, развивающихся при

бубонахъ; мы должны преимущественно обратить вниманіе на осложненіе бубоновъ золотухою, скорбутомъ и госпитальнымъ антоновымъ огнемъ. О первыхъ изъ этихъ двухъ complicatіі новѣйшіе сифилографы обыкновенно мало говорятъ, вѣроятно потому, что они у нихъ рѣдки или очень слабы.

Если вскрывшійся бубонъ будетъ осложненъ скорбутомъ, что случается часто въ госпиталяхъ въ Петербургѣ, то язву, содержа опрятно, нужно перевязывать возбуждающими средствами: *vinum aromaticum*, *aqua haemostatica*, *infuso aromatico*, и проч.

Если, при этомъ, язва еще и кровоточитъ, то употребляется для примочки: *Vinum aromaticum cum aceto aromatico*. При всемъ этомъ должно употреблять и общее противускорбутное лѣченіе.

У людей золотушныхъ бубонъ, не смотря на свое происхожденіе, иногда очень долго не разрѣшается и увеличивается значительно въ объемѣ. Въ такомъ случаѣ къ средствамъ, употребляемымъ обыкновенно противъ бубона, слѣдуетъ прибавить еще средства противузолотушныя: хину, гевціану, квасцію, хмѣль, препараты іода, *oleum iecoris aselli* и пр., морскія и ислочныя ванны, разрѣшающія мази изъ іодистаго свинца.

При осложненіи бубона госпитальнымъ антоновымъ огнемъ авторъ, описывая различныя средства, говоритъ, что больше всего онъ видѣлъ пользы отъ смазыванія язвы крѣпкимъ растворомъ азотно-кислаго свинца (*nitras plumbi*).

Замѣчанія автора практическія, разсѣянныя въ этой главѣ, какъ результатъ его собственныхъ наблюденій, въ примѣненіи къ климату и мѣстности Петербургской, драгоцѣнны и для болѣе точнаго пониманія натуры болѣзни, и особенно для правильного, а отъ того и успѣшнаго лѣченія.

Глава V. *Воспаленіе лимфатическихъ сосудовъ (lymphatitis)* (стр. 195). Болѣзнь рѣдкая и очень близкая, по существу болѣзни и по ткани тѣла, къ бубону. Но здѣсь не всѣ тѣ сред-

ства полезны, какія при бубонѣ. По этому авторъ очень хорошо поступилъ, что хотя коротко, но описалъ ее отдѣльно отъ бубона.

Отдѣленіе третье. *Вторичныя сифилитическія болѣзни* (стр. 197). Въ третьемъ отдѣленіи авторъ описываетъ вторичныя сифилитическія болѣзни, которыя развиваются тогда, когда сифилитическій ядъ разнесся по всей животной экономіи человѣка.

Глава I. *Общая понятія о вторичныхъ сифилитическихъ явленіяхъ* (стр. 195).

Эта глава заключаетъ въ себѣ чрезвычайно интересныя, а нѣкоторыя и совершенно новыя понятія объ этихъ недугахъ.

Авторъ говоритъ, что сифилитическій ядъ, поражая организмъ, не только измѣняетъ его въ матеріальномъ отношеніи, но нерѣдко дѣйствуетъ и на нравственную сторону человѣка.

Наблюдая рядъ сифилитическихъ явленій, мы замѣчаемъ, продолжаетъ авторъ, что ядъ сифилитическій, всосавшись, поражаетъ ткани почти послойно, начиная съ поверхности тѣла и проникая въ глубь. — Всѣ эти припадки появляются не только въ извѣстной постепенности относительно мѣста, но даже и въ довольно опредѣленные періоды относительно времени, если только этотъ порядокъ не нарушается лѣченіемъ. Авторъ принимаетъ за законъ, «что никогда не проходитъ болѣе шести мѣсяцевъ, чтобы не появились явные признаки общаго зараженія, но въ большей части случаевъ признаки общаго зараженія начинаютъ обнаруживаться на второй или на третій мѣсяцъ послѣ мѣстнаго пораженія» (стр. 189).

Сифилографы обыкновенно описывали въ числѣ вторичныхъ явленій только сифилитическія сыпи, пораженія слизистыхъ оболочекъ и пораженія клетчатой ткани, т. е. тѣ явленія, которыя возникаютъ обыкновенно уже спустя довольно значительное время послѣ шанкра и которыя очень ясны для всякаго. Автору, при внимательномъ наблюденіи множества боль-

ныхъ, удалось открыть еще рядъ явленій, доселѣ сифилографами не описанныхъ, но существующихъ дѣйствительно въ больной натурѣ, которыя можно найти у всякаго человѣка, имѣвшаго шанкръ, но отъ него хорошо неизлѣченного, прежде нежели поразится кожа или слизистая оболочка. Явленія эти, по мнѣнію г. Заблоцкаго, суть вѣрные признаки того, что у человѣка, повидимому, совершенно здороваго скоро настанетъ рядъ сифилитическихъ явленій очевидныхъ; у него начнетъ страдать кожа, слизистая оболочка, кости и др.

Явленія эти или припадки г. Заблоцкій называетъ предвѣстниками, или продромами общей сифилитической болѣзни. (стр. 198). Авторъ описываетъ ихъ очень обстоятельно и ясно. Мы ихъ здѣсь только вычислимъ: *тяжесть головы и головныя ночныя боли* (стр. 199), *боли подлѣ сочлененій или въ заднихъ частяхъ шги, похожія на ревматическія; опухоль заднихъ шейныхъ желѣзъ; выпаденіе волосъ* (стр. 200); *шумъ въ шейныхъ сосудахъ и въ сердцѣ*. (стр. 201). Эти признаки, по наблюденіямъ автора, предвѣщаютъ вѣрное и скорое развитіе вторичныхъ явленій на кожѣ или на слизистой оболочкѣ.

Правда, Рикоръ говоритъ уже объ опухоли шейныхъ желѣзъ у людей, одержимыхъ сифилитическимъ діатезомъ; Піорри о шумѣ въ шейныхъ сосудахъ у людей долго страдавшихъ сифилисомъ; нѣкоторые упоминали о выпаденіи волосъ при сильномъ пораженіи кожи: но никто изъ писателей не привелъ въ ясность этихъ припадковъ, не оцѣнилъ ихъ, не подмѣтилъ того, что они появляются очень рано въ слѣдъ за шанкромъ у сифилитиковъ и при томъ выѣстъ, и наконецъ, доселѣ никто не далъ имъ этого важнаго симптоматическаго значенія. Дѣйствительно, когда эти припадки уже оцѣнены, теперь ихъ мы легко найдемъ почти у всякаго сифилитическаго больного. Авторъ, однакожъ, «заключаетъ, что ни одинъ изъ этихъ припадковъ, «взятый отдѣльно, не составляетъ вѣрнаго признака общаго зараженія, только въ совокупности всѣ, или почти всѣ, они служатъ несомнѣннымъ признакомъ происшедшаго уже общаго

«зараженія, и того, что скоро появится сифилитическая сыпь на кождѣ. У одного и того же больного они не всегда бываютъ соединены все вмѣстѣ; иногда нѣкоторыхъ изъ нихъ не бываетъ, а иногда нѣкоторые изъ нихъ столь мало бываютъ развиты, что остаются для наблюдателя незамѣтными. Вопросъ: чѣмъ «объяснить эту разницу, натурою ли припадковъ, темпераментомъ, или идіосинкразіею больного, еще не рѣшенъ. Даже самый вѣрный изъ этихъ признаковъ, опухоль шейныхъ желѣзъ, не есть всегда признакъ патогномоническій; въ нѣкоторыхъ, рѣдкихъ впрочемъ случаяхъ онъ не бываетъ, а потому у людей послѣ 40-лѣтняго возраста я его не встрѣчалъ. Долѣе всѣхъ изъ этихъ припадковъ остается опухоль шейныхъ желѣзъ: иногда она остается годъ, два и даже три года, и пока опухоль ихъ остается, никогда нельзя дѣлать счастливаго «предсказанія; но разъ исчезнувши она, кажется, никогда болѣе не возвращается» (стр. 201, 202). Этотъ выводъ автора чисто-опытный и потому особенно важенъ для практика. Врачи, не зная этихъ скрытныхъ явленій сифилитическаго зараженія, часто ошибаются и объявляютъ больныхъ совершенно вылѣченными; а потому у такихъ мнимовылѣченныхъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ или только мѣсяцевъ, обнаруживается общая, глубоко вкоренившаяся сифилитическая болѣзнь. Изъ этого само собою ясно, какое важное значеніе имѣютъ въ практическомъ отношеніи эти, вновь подмѣченные авторомъ симптомы.

Послѣ этого авторъ переходитъ къ одному изъ интереснѣйшихъ, не только въ научномъ, но и въ обще-жизненномъ отношеніи, вопросу: прививаются ли вторичные припадки сифилитической болѣзни? (стр. 202) или иначе сказать: вторичныя венерическія болѣзни заразительны ли?

Вопросъ о заразительности или прилипчивости общей сифилитической болѣзни, доселѣ въ наукѣ есть спорный. Г. Заблоцкій, на основаніи собственныхъ наблюденій и опытовъ, говоритъ, что онъ убѣжденъ въ заразительности только нѣкоторыхъ видовъ общей сифилитической болѣзни, напр. слизн-

стыхъ бугорковъ, венерическихъ наростовъ или кондиломовъ, и рассказываетъ на стр. 202 и 203 любопытныя и поучительныя этого рода наблюденія.

Въ послѣдніе годы сифилографы много спорили о прививкѣ сифилитической эктимы (*ecthyma syphiliticum*). Видалъ, Казе-навъ, Валлеръ и другіе утверждали, что этотъ прыщъ прививается. Г. Заблоцкій, подобно Рикору, результатами своихъ наблюденій отвергаетъ возможность прививки этой сифилитической сыпи.

На стр. 203 авторомъ приведены результаты изслѣдованія крови у сифилитиковъ, полученные Грасси, изъ которыхъ видно, что въ крови у людей, одержимыхъ общео сифилитическою болѣзнію, шариковъ меньше, а бѣлка больше противъ нормальнаго.

Въ концѣ этой главы авторъ спрашиваетъ: «Можно ли имѣть нѣсколько разъ въ жизни шанкръ и общую сифилитическую болѣзнь? Шанкръ затвердѣлый можно имѣть человѣку въ жизни только одинъ разъ; простой шанкръ напротивъ онъ можетъ имѣть нѣсколько разъ въ жизни; общая же сифилитическая болѣзнь у человѣка можетъ быть, говоритъ г. Заблоцкій «кажется, только одинъ разъ въ жизни. — Правда, у одного и того же человѣка появляются по временамъ то тѣ, то другіе признаки общей сифилитической болѣзни; но всѣ эти проявленія суть лишь «проявленія заразы, однажды полученной и не уничтоженной «надлежащимъ лѣченіемъ. Я не видалъ ни разу такого случая, «гдѣ бы у одного и того же больного была на прим. эктима сифилитическая и прошла, а потомъ, чрезъ нѣсколько времени, «опять развилась таже самая форма сыпи; обыкновенно послѣ «эктимы, позже, развивается сыпь болѣе упорная и глубокая» (стр. 204).

Хотя пятнадцати-лѣтнія наблюденія автора, какъ чрезвычайно аккуратнаго и строгаго наблюдателя, безъ сомнѣнія, весьма уважительны и невольно внушаютъ къ нему довѣріе, не могу однакожъ не выразить моего сомнѣнія относительно того, что

общее сифилитическое зараженіе возможно только одинъ разъ въ жизни: по крайней мѣрѣ до рѣшенія этого вопроса дальнѣйшими наблюденіями я пребуду недовѣрчивъ къ этому положенію автора.

Глава II. *Сифилиды, или сифилитическія сыпи* (Syphilides v. eruptiones syphiliticae) (стр. 205). Сифилиды, или сифилитическія сыпи, часто составляютъ для врачей практиковъ камень преткновенія, и нерѣдко случается, что сифилитическая сыпь принимается за простую и наоборотъ. Этотъ предметъ давно требовалъ дѣльной и опредѣлительной разработки, особенно у насъ, гдѣ такъ часто къ разнымъ хроническимъ сыпямъ присоединяется осложненіе цынгою, золотухою и другими худосочіями. Въ порядкѣ описанія сифилитическихъ сыпей авторъ придерживается дѣленія Казенава; но самое описаніе сдѣлано г. Заблоцкимъ ближе къ натурѣ, по крайней мѣрѣ къ нашей Петербургской, и во многомъ отличается въ подробностяхъ, указанныхъ другими писателями.

Авторъ сдѣлалъ весьма интересное замѣчаніе относительно того, что сыпи сифилитическія являются на кожѣ не случайно, не безъ разбора и порядка, а напротивъ слѣдуютъ, въ развитіи своемъ, закону преемственности, начиная съ самыхъ поверхностныхъ и доходя до самыхъ глубокихъ пораженій кожи, отъ пятенъ переходя къ папуламъ, пузырькамъ, пузырямъ, отъ сихъ къ прыщамъ, чешуямъ и наконецъ къ бугоркамъ.

Г. Заблоцкій и въ этомъ отдѣлѣ обратилъ особенное вниманіе на цынготную сложность сифилитическихъ сыпей, столь частную у насъ на сѣверѣ, столь тяжелую и столь опасную, тогда какъ иностранные сифилографы, даже самые ученые, вовсе умалчиваютъ объ ней.

Въ новѣйшее время многіе изъ сифилографовъ стали отвергать самостоятельность чешуйчатыхъ сифилидовъ, считая ихъ за исходъ другихъ сыпныхъ формъ. Авторъ, по нашему мнѣнію, весьма основательно (стр. 221) возстаетъ противъ такого мнѣнія, и допускаетъ ихъ самостоятельность; а происхожденіе ихъ

объясняетъ, съ одной стороны, измѣненіемъ процесса отдѣленія красящаго вещества, съ другой же измѣненіемъ процесса образованія кожицы (epidermis). Въ числѣ чешуйчатыхъ сифилидовъ Г. Заблоцкій помѣщаетъ три формы сыпи: сифилитическую лепру, сифилитическій псориазъ (*Psoriasis syphilitica*) и чешуйчатый роговой сифилидъ, встрѣчающійся исключительно на подошвахъ и ладоняхъ людей взрослыхъ. Существованіе этой послѣдней формы нѣкоторые, даже изъ новѣйшихъ, отвергали, напр: Валлеръ. Но она дѣйствительно встрѣчается, но крайней мѣрѣ въ нашемъ климатѣ, и отличается сильною своею упорностію.

Одна изъ упорнѣйшихъ и разрушительныхъ сыпей, туберкулезный сифилидъ описанъ (стр. 224) также очень хорошо и отличенъ рѣзко отъ другихъ сыпныхъ формъ: съ такой ясностью доселѣ никто изъ сифилографовъ не сдѣлалъ этого; отъ того и въ сочиненіяхъ и въ практикѣ врачи смѣшивали эту сыпь съ другими туберкулезными сыпями не сифилитического свойства. Г. Заблоцкій раздѣлилъ этотъ сифилидъ на разсыянный, въ группахъ, на прободающій и серпигинозный, и считаетъ его вообще за переходную форму отъ вторичныхъ къ третичнымъ явленіямъ болѣзни, на томъ основаніи, что эта сыпь у человѣка развивается позже всѣхъ другихъ формъ вторичныхъ. Это одинъ изъ непріязненнѣйшихъ видовъ сифилида, потому что онъ всего чаще помѣщается на лицѣ и глубже и сильнѣе всего обезображиваетъ ликъ и подобіе человѣка.

Главу о сифилидахъ авторъ оканчиваетъ статью о выпаденіи волосъ на головѣ и другихъ мѣстахъ, зависящемъ отъ сифилитическаго зараженія (стр. 229). Въ этой статьѣ онъ объясняетъ, что когда выпаденіе волосъ дѣйствительно зависитъ отъ сифилитической причины, то для остановленія этого выпаденія ртуть не только не вредитъ, но, напротивъ, сильно помогаетъ. Это весьма замѣчательно, потому что выпаденіе волосъ бываетъ обыкновенно въ слѣдствіе сильныхъ ослабленій организма; ртуть же принадлежитъ къ средствамъ, сильно

ослабляющимъ его. Авторъ впрочемъ совѣтуетъ послѣ ртути употреблять еще укрѣпляющія средства и въ особенности желѣзо.

Глава III. (стр. 203). *Общее или специфическое леченіе сифилитическихъ болѣзней.*

Въ этой главѣ авторъ разбираетъ критически и оцѣниваетъ, по началамъ науки и на основаніи опыта, вопросы великой важности въ ученіи о сифилитическихъ болѣзняхъ: именно, онъ изслѣдуетъ способы, бывшіе и существующіе для леченія этихъ болѣзней. Если пересмотрѣть сочиненія объ этомъ предметѣ, то легко убѣдиться, что для радикальнаго излѣченія сифилитической болѣзни совѣтовали въ разное время чуть не всѣ, по крайней мѣрѣ, большую часть извѣстныхъ намъ врачебныхъ средствъ, и хотя многія изъ нихъ дѣйствительно помогаютъ, но многія и вовсе бесполезны или даже вредны. Главнѣйшая задача современной науки касательно леченія венерической болѣзни состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить: какое изъ предложенныхъ противъ сифилитической болѣзни средствъ дѣйствительно нѣе и въ какомъ именно случаѣ, или въ какой формѣ сифилитическаго недуга?

Нынѣ всѣ лучшіе сифилографы согласны въ томъ, что противъ сифилитическихъ вторичныхъ формъ ртути есть лучшее и надежнѣйшее средство, а противъ третичныхъ болѣе вѣрное средство іодистый потассій (стр. 203).

Профессоръ Заблоцкій держится того же мнѣнія (стр. 230). Но какіе изъ меркуріальныхъ препаратовъ оказываются наиболѣе полезными, — тутъ между писателями большое разногласіе: одни хвалятъ каломель, другіе сулему, нѣкоторые окиси ртути и т. д. Въ нашемъ климатѣ, по многочисленнымъ опытамъ, сдѣланнымъ авторомъ въ госпиталѣ и въ вольной практикѣ, оказываются наиболѣе дѣйствительными два изъ меркуріальныхъ препаратовъ: двухіодистая ртуть или сулема (*deutochloruretum hydrargyri*) и одноіодистая ртуть (*protoioduretum hydrar-*

гугі) (стр. 234). Сулему у насъ можно давать внутрь въ сутки отъ $\frac{1}{12}$ грана до $\frac{1}{4}$ гр. (стр. 237): а одноіодистую ртуть въ сутки отъ $\frac{1}{4}$ грана до одного грана, и рѣдко до полутора (стр. 240). Во Франціи, Рикоръ, Казенавъ, а въ Англіи Броди, Валласъ и др. совѣтуютъ давать этотъ послѣдній препаратъ до 2-хъ и даже до 3-хъ гранъ въ сутки. Эта разница зависитъ отъ климата. У насъ, на сѣверѣ, ртуть въ такихъ большихъ пріемахъ больными почти никогда не переносится, какъ въ умеренномъ климатѣ Европы.

Не менѣе важно знать: сколько нужно принять больному ртути для радикальнаго излѣченія сифилитической болѣзни? Сколько нужно времени принимать ртуть? Вотъ какъ рѣшаетъ авторъ этотъ вопросъ (стр. 232):

«Когда бываетъ затвердѣлый шанкръ и нѣтъ еще другихъ «сифилитическихъ» явленій, то совѣтуютъ обыкновенно употреблять меркурій до тѣхъ поръ, пока затвердѣніе совершенно исчезнетъ и пораженный органъ придетъ въ нормальное «состояніе; но это у различныхъ людей совершается въ различное время, и срока времени вообще для этого опредѣлить нельзя. Если будутъ вторичныя явленія, то опять ртуть употребляется до тѣхъ поръ, пока всѣ припадки совершенно исчезнутъ, а за тѣмъ она еще дается въ продолженіи почти такого же времени, хотя въ этотъ второй періодъ пріемы дѣлаются «меньшими. Какъ всякое лѣкарство, такъ и меркурій дѣйствуютъ, смотря по разнымъ внутреннимъ состояніямъ организма и наружнымъ обстоятельствамъ его, не одинаково скоро; по «этому ни времени, ни количества металла, потребнаго для излѣченія, опредѣлить съ точностію а priori нельзя.

Въ этой главѣ авторъ, руководясь, при научномъ расчетѣ, опытомъ, очень хорошо, по моему мнѣнію, оцѣнилъ всѣ извѣстные способы лѣченія общей сифилитической болѣзни, т. е. всѣ способы наружнаго и всѣ методы внутренняго лѣченія, такъ что практикъ, желающій пользоваться тщательно испытанными способами, все можетъ найти въ этой главѣ.

Въ статьѣ объ веществахъ, замѣняющихъ ртутные препараты (стр. 247), описывается употребленіе противъ сифилитической болѣзни препаратовъ золота, платины, мышьяка, двуххромо-кислаго кали (*bichromas potassae*), іодистаго потассія и іодистаго содія, іодистаго желѣза, потогонныхъ растительныхъ веществъ (сарсапарилы, гваяка, сассафраса и пр.) и противувоспалительныхъ средствъ. — Профессоръ Заблоцкій сомнѣвается въ истинной пользѣ всѣхъ этихъ средствъ (за исключеніемъ іодистаго потассія и іодистаго содія) самихъ по себѣ, безъ меркуріальныхъ препаратовъ. Объ нихъ авторъ выражается такъ (стр. 230, 231):

«Потогонныя средства, препараты золота, серебра, платины, желѣза, кислоты и щелочи могутъ служить иногда какъ средства помогающія ртути; но еще сомнительно, чтобы они могли навсегда могли уничтожить сифилитическій діатезъ. Они, выражаясь простонародно, бѣлятъ кожу, но едвали излѣчиваютъ болѣзнь радикально.»

Въ 1851 году, во Франціи предложено было Робеномъ замѣнить, при лѣченіи сифилиса, ртуть двуххромокислымъ кали (*bichromas potassae*) (стр. 248): онъ увѣрялъ, какъ обыкновенно дѣлается въ такихъ случаяхъ, что это средство гораздо лучше всѣхъ доселѣ извѣстныхъ, и даже самаго ртути. По этому авторъ обратилъ особенное вниманіе на это средство. Онъ испытывалъ его въ госпиталѣ надъ 50-тью больными, давая его внутрь отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ грана въ сутки въ различныхъ формахъ застарѣлой сифилитической болѣзни, и вотъ собственныя слова, описывающія результаты, которыхъ достигъ г. Заблоцкій:

а) «Двуххромокислосое кали немногими только изъ больныхъ было переносимо въ количествѣ половины грана въ сутки; четверть грана большая часть больныхъ переносила легко и долго: по двѣ и по четыре недѣли. Тѣ больные, которымъ было назначено двуххромокислосое кали по полуграну, скоро, а иногда и съ перваго дня начинали чувствовать: тоску и боль подъ

«ложечкою, усиливающіяся отъ давленія, сухость во рту, тошноту, а нѣкоторыхъ и рвало. Эти болѣзненные явленія, вызывавшія на раздраженіе желудка, заставляли меня прекращать употребленіе этого средства на недѣлю и болѣе. Если въ другой разъ я назначалъ употреблять тѣ же самые приемы и тѣмъ же самымъ больнымъ, то развивались опять тѣ же самыя припадки».

b) «Сифилитическія сыпи обыкновенно не проходятъ отъ употребленія двухромокислаго кали, даже когда это средство было употреблено въ теченіи 4 или 6 недѣль; у нѣкоторыхъ больныхъ сыпи даже усиливались; только въ четырехъ случаяхъ легкая сифилитическая сыпь (*Roseola syphilitica*) отъ двухъ- или трехъ-недѣльнаго употребленія двухромокислаго кали исчезла; но и въ этихъ случаяхъ въ пользу двухромокислаго кали я несовершенно убѣжденъ, ибо этого рода сыпь иногда проходитъ и безъ специфическаго лѣченія».

c) «Въ растворѣ двухромокислого кали (одинъ унцъ на 12 унцовъ воды) дѣйствуетъ какъ сильное ѣдкое средство (*escha-goticum*), будучи прикладываемо на сифилитическіе наросты («*condylomata*)».

d) «Двухромокислого кали составляетъ, по моему убѣжденію, болѣе сильное и болѣе раздражающее средство, чѣмъ сулема».

До селѣ у насъ въ наукѣ существовала сбивчивость относительно лѣченія беременных женщинъ, дѣтей и кормилицъ отъ венерической болѣзни. Авторъ обратилъ въ своей практикѣ особенное вниманіе и на этотъ предметъ и представилъ въ своемъ сочиненіи ясныя практическія правила при лѣченіи женщинъ въ обыкновенномъ состояніи, въ состояніи беременности, при лѣченіи кормилицъ и дѣтей, какъ грудныхъ, такъ и отнятыхъ отъ груди (стр. 261—264).

Въ этой же главѣ описано различіе специфическаго лѣченія по климату (стр. 265) и временамъ года (стр. 265), изложены правила лѣченія общей сифилитической болѣзни при существованіи въ

тѣмъ другихъ болѣзней (стр. 266) и наконецъ описано дѣйствіе различныхъ минеральныхъ водъ и минеральныхъ грязей (стр. 267), какъ нашихъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ. Объясняя дѣйствіе въ сифилисѣ сѣрныхъ минеральныхъ водъ, авторъ говоритъ, что эти воды иногда служатъ для распознаванія сифилитическихъ болѣзней; въ другихъ случаяхъ онѣ могутъ служить средствомъ для лѣченія сифилиса и наконецъ, въ третьихъ, онѣ служатъ вспомогательнымъ средствомъ при меркуріальномъ лѣченіи (стр. 268).

Глава эта вообще, и особенно въ практическомъ отношеніи, составляетъ великую драгоцѣнность въ ученіи о сифилисѣ.

Глава IV. *Пораженіе слизистыхъ оболочекъ при общей сифилитической болѣзни* (стр. 271). Здѣсь, опредѣливъ формы этихъ поражений, авторъ отвергаетъ существованіе допускаемыхъ Рикоромъ сифилитическихъ сыпей на слизистой оболочкѣ, подобныхъ тѣмъ, какія встрѣчаются на кожѣ. Наблюденія не показали автору, по крайней мѣрѣ въ нашемъ климатѣ, такихъ формъ болѣзни. И съ этимъ, кажется, должны согласиться врачи, практикующіе у насъ на сѣверѣ.

Далѣе авторъ разсматриваетъ пораженіе слизистой оболочки: рта, зѣва, миндалевидныхъ желѣзъ, носа, гортани и половыхъ частей. Авторъ здѣсь обратилъ особенное вниманіе на лѣченіе этихъ болѣзней и на отличіе ихъ отъ другихъ страданій, встрѣчающихся на этихъ органахъ.

Глава V. *Слизистые пустулы или слизистые бугорки* (Pustulae mucosae. Tubercula mucosa.) (стр. 278). Эту болѣзнь сифилографы начали описывать отдѣльно только въ нынѣшнемъ столѣтіи. Ляньо въ 1811 году описалъ ее первый, но очень коротко. Прежніе же писатели считали эту форму сифилитическихъ болѣзней за видоизмѣненія сифилитическихъ наростовъ. Рикоръ въ своихъ сочиненіяхъ также говоритъ весьма кратко о слизистыхъ бугоркахъ. Г. Профессоръ Заблоцкій давно уже занимался этою

болѣзнію, можетъ быть, потому, что она состоитъ у насъ одно изъ частыхъ вторичныхъ сифилитическихъ явленій, особенно въ низшемъ классѣ. Мы уже знаемъ его записку о слизистыхъ бугоркахъ, напечатанную еще въ 1852 году въ Военно-медицинскомъ Журналѣ и потомъ въ *Medicinische Zeitung Russlands*. Въ настоящей книгѣ авторъ еще болѣе разъяснилъ свойства этой болѣзни. Онъ описалъ опредѣлительно ея симптомы и указалъ образъ развитія, условія и мѣсто (стр. 279).

Обыкновенно думаютъ, что слизистая пустула развивается только при общемъ зараженіи и въ отдаленномъ мѣстѣ отъ первоначальнаго зараженія; но г. Заблоцкій наблюдалъ, что эта болѣзнь образуется и прямо изъ шанкра. Далѣе авторъ описываетъ признаки и всѣ свойства этой болѣзни (стр. 280 и 281). Въ числѣ свойствъ слизистыхъ бугорковъ онъ считаетъ замѣчательное ихъ свойство изъязвляться, что нерѣдко встрѣчается, по наблюденію автора, между пальцами ногъ и вообще въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть складки. Такія язвы называются Phagades.— Прежде Phagades считали за особенную форму болѣзней. Вообще эти язвы представляютъ всѣ свойства вторичныхъ сифилитическихъ язвъ и иногда очень болятъ (стр. 282).

Изслѣдуя причины и способъ происхожденія этой болѣзни, авторъ (стр. 287 и 288) говоритъ, что она прививается не искусственнымъ, а естественнымъ образомъ. «Я много разъ «прививалъ ланцетомъ жидкость, отдѣляемую слизистыми пу- «стулами и всегда безуспѣшно». Относительно происхожденія этой болѣзни авторъ допускаетъ слѣдующіе пять способовъ (стр. 289):

I. «Болѣзнь эта можетъ сообщаться здоровому человѣку отъ «больнаго, одержимаго этою же самою болѣзнью» (естественная прививка).

II. «Она можетъ развиваться на тѣлѣ произвольно послѣ «предшествовавшаго шанкра».

III. «Она можетъ развиваться при сифилитической гонорее».

IV. «Она может иногда развиваться изъ существующаго еще на тѣлѣ шанкра и, наконецъ

V. «Она можетъ передаваться путемъ наслѣдственнымъ».

Сравнивая то, что другіе говорили объ этомъ предметѣ, нельзя не замѣтить, что г. Заблоцкій говоритъ объ немъ гораздо подробнѣе и глубже вникаетъ въ натуру болѣзни.

Дабы врачъ на практикѣ не смѣшивалъ этой болѣзни съ другими, похожими на нее, авторъ подробно указываетъ отличительные признаки всѣхъ болѣзней, съ нею схожихъ (стр. 290).

Лѣченіе болѣзни изложено то, какое самъ авторъ уже давно употребляетъ съ пользою. Главное вниманіе врача должно быть обращено на общее меркуріальное лѣченіе; мѣстное же есть лишь помогающее общему, и оно состоитъ преимущественно въ употребленіи прижиганія азотнокислымъ серебромъ, различныхъ меркуріальныхъ примочекъ, *Tincturae Thujae occidentalis*.

Глава VI. *Сифилитическіе наросты (Condylomata)* (стр. 295). Глава VII. *Сифилитическое воспаленіе радужной оболочки глаза* (стр. 301). Въ изложеніи этихъ двухъ болѣзней авторъ не представилъ ничего новаго, но онѣ описаны имъ подробно, ясно и удовлетворительно и съ критическою оцѣнкою нѣкоторыхъ существующихъ объ нихъ мнѣній.

Лѣченіе обѣихъ этихъ болѣзней представлено то, которое оказалось автору наиболѣе полезнымъ въ нашемъ климатѣ.

Въ сифилитическихъ наростахъ изъ мѣстныхъ ѣдкихъ средствъ авторъ, между прочимъ, похваляетъ прикладываніе *Tincturae Thujae occidentalis* при мягкихъ наростахъ, а при плотныхъ, кромѣ вырѣзанія и прижиганія крѣпкими кислотами, еще прижиганіе крѣпкимъ растворомъ двухромовислаго поташа, *bichromas potassae*. На стр. 297 у автора представленъ весьма отчетливо рисунокъ микроскопическаго строенія сифилитическихъ наростовъ.

При лѣченіи сифилитическаго воспаленія радужной оболочки глаза авторъ совѣтуетъ, кромѣ мѣстнаго противу-воспали-

тельнаго и отвлекающаго лѣченія, для предотвращенія болѣзни и радикальнаго ея излѣченія употреблять еще внутрь іодистый меркурій или іодистый потассій до тѣхъ поръ, пока уничтожится сифилитическій діатезъ.

Отдѣленіе четвертов. *Третичныя сифилитическія болѣзни* (стр. 307). Глава I-я. *Общая понятія о третичныхъ сифилитическихъ явленіяхъ.* «Помѣръ того, какъ сифилитическій діатезъ, оставаясь въ нашемъ тѣлѣ, старѣетъ, сифилитическія явленія измѣняютъ свой характеръ. Онѣ становятся менѣе частыми, малочисленными и разсѣянными, но болѣе глубокими и болѣе тяжелыми». Такъ начинается авторъ этотъ отдѣлъ своего сочиненія. Здѣсь дѣйствительно поражается уже не кожа и слизистая оболочка, а ткани и органы болѣе глубокіе: клѣтчатая плева, сухожилья, мышцы, самыя внутренности, надкостная плева (periostium) и кости. Г. Заблоцкій выражается о постепенности и времени обнаруженія третичныхъ явленій слѣдующимъ образомъ:

«При естественномъ развитіи сифилитической болѣзни, рядъ третичныхъ явленій всегда бываетъ предшествуемъ вторичными явленіями, и если этой постепенности не замѣчается, то бываетъ причина, нарушившая эту послѣдовательность. Эта причина обыкновенно заключается въ меркуріальномъ лѣченіи, употребленномъ въ началѣ зараженія. Дѣйствительно, если сифилитическая язва радикально не была излѣчена, то меркуріальное лѣченіе имѣетъ, можно сказать, своимъ свойствомъ или отдѣлять появленіе вторичныхъ припадковъ, или мѣшать совершенному ихъ развитію; по этому въ семъ послѣднемъ случаѣ третичныя явленія развиваются, такъ сказать, прямо за шапъ, безъ вторичныхъ явленій. Было ли употреблено меркуріальное лѣченіе, или нѣтъ, — рѣдко случается, чтобы третичныя припадки послѣ первичныхъ появлялись раньше шести мѣсяцевъ: почти всегда они являются гораздо позже. Въ настоящее время трудно даже встрѣтить примѣръ такого ранняго появленія

«третичныхъ припадковъ т. е. чрезъ шесть мѣсяцовъ послѣ шанкра, между тѣмъ, какъ случаи очень поздняго появленія третичныхъ припадковъ не большая рѣдкость. Я знаю примѣры, гдѣ пораженіе костей и надкостной плевы развивалось послѣ шанкра чрезъ 28 или 30 лѣтъ».

Изъ этого однако есть исключенія, см. *Gazette des Hôpitaux*. 1858. N. 128 p. 511. *Syphilis galopante*, гдѣ описывается, что *douleurs articulaires, plaques muqueuses, onyxis; tubercules à la peau, ecthyma et syphilide tuberculeuse; testicule vénérien, périostose des tibias et douleurs nocturnes* появились у больного, спустя шесть недѣль послѣ появленія шанкра.

Изъ дальнѣйшаго описанія видно, что авторъ (стр. 309 и 310) принадлежитъ къ числу тѣхъ сифилографовъ, которые гной третичныхъ явленій считаютъ непрививающимся, и что для лѣченія ихъ онъ считаетъ самымъ надежнымъ средствомъ іодистый потассій, а не меркурій, какъ нѣкоторые еще и теперь думаютъ. Изъ частнаго описанія третичныхъ сифилитическихъ формъ видно, что авторъ иногда съ іодистымъ потассіемъ даетъ внутрь и желѣзо: съ этимъ, кажется, всякій опытный врачъ долженъ согласиться; ибо іодистый потассій хотя и уничтожаетъ діатезъ сифилитическій, исправляетъ кровь, но онъ вездѣ принадлежитъ къ средствамъ противупластическимъ, разрушительнымъ, тогда какъ желѣзо есть средство и поправляющее кровь и вмѣстѣ пластическое, что весьма важно въ такой болѣзни, которая и сама собою и своимъ лѣченіемъ разрушаетъ организмъ. Само собою разумѣется, что это средство должно употреблять только тогда, когда въ организмѣ, послѣ уничтоженія сифилитическаго діатеза, какъ выражаетъ авторъ, остается большая слабость, или и при продолжающемся діатезѣ, но тогда, когда больной слабъ и худъ.

Глава II. *Сифилитическое пораженіе яичка (Testiculus venereus)* (стр. 311). Эту упорную и въ практикѣ сбивчивую для врачей болѣзнь авторъ описалъ, очевидно, при постелѣ больного,

и очень ясно, что онъ наблюдалъ много страдавшихъ этимъ недугомъ.

Венерическое яичко хотя и описано А. Куперомъ и послѣ Рикоромъ, но сличая ихъ описанія съ настоящимъ описаніемъ этого недуга у г. профессора Заблоцкаго, находимъ, что оба первые не представляютъ той полноты, какая въ настоящее время требуется наукой отъ всякаго медицинскаго трактата.

Глава III. *Сифилитическое пораженіе клетчатой ткани и гуммозные опухоли* (Nodi syphilitici) (стр. 317). Эта рѣдкая болѣзнь, но видѣнная авторомъ много разъ, описана имъ весьма внимательно и такъ же списана съ натуры, у постели больного, какъ предыдущая.

То, что авторомъ прибавлено въ этой главѣ новаго о гуммозныхъ опухоляхъ, незамѣченнаго другими писателями, заключается въслѣдующемъ (стр. 317). «Гуммозные опухоли, послѣ зараженія шанкромъ, никогда, кажется, раньше 6-ти мѣсяцевъ не «появляются, но обыкновенно гораздо позже, не рѣдко чрезъ 10, «15 и болѣе лѣтъ. Я ихъ никогда не видалъ у людей крѣпкаго тѣлосложенія, а всегда у субъектовъ истощенныхъ и предрасположенныхъ къ скорбутной или сифилитической кахексїи, или страдающихъ уже этою послѣднею. Раньше двадцати пяти-лѣтняго возраста я также ихъ не встрѣчалъ; вообще эта «форма сифилитической болѣзни есть одна изъ рѣдкихъ.

Лѣчить эту болѣзнь профессоръ Заблоцкій совѣтуетъ іодистымъ кали и желѣзными препаратами, даваемыми внутрь. Въ помощь къ этимъ средствамъ, на основаніи того, что болѣзнь эта у насъ развивается у людей золотушныхъ и скорбутныхъ, слѣдуетъ употреблять противозолотушное и противоскорбутное содержаніе.

Глава IV. *Страданіе мышцъ и сухожилій* (Affectio musculorum et tendinum) (стр. 321). Глава V. *Пораженіе костей и надкостной плесы* (стр. 325). Въ этихъ главахъ авторъ представляетъ

ясное и вполне современное описание понесованныхъ недуговъ, руководствуясь здѣсь преимущественно собственными наблюденіями. На стр. 328 представлена сравнительная таблица золотушного и сифилитического пораженія костей, составленная самимъ авторомъ. Такого рода таблицы чрезвычайно полезны для практиковъ, потому что онѣ упрощаютъ изученіе предметовъ и дѣлаютъ доступнымъ пониманіе самыхъ темныхъ и самыхъ сбивчивыхъ болѣзней.

Въ этихъ же главахъ описано, хотя и кратко, пораженіе сифилисомъ нѣкоторыхъ костей, въ частности: костей глазницы, уха, носа, костей неба, верхней и нижней челюсти.

Глава VI. *Пораженіе внутренностей* (стр. 234). Здѣсь представлены только результаты тѣхъ немногихъ фактовъ, которые объ этомъ предметѣ были сообщены нѣкоторыми врачами въ разныхъ новѣйшихъ современныхъ періодическихъ изданіяхъ. О пораженіи внутренностей сифилисомъ въ настоящее время болѣе почти ничего сказать нельзя, ибо объ этомъ предметѣ факты еще весьма малочисленны и сбивчивы. Впрочемъ о пораженіи печени сифилитическою болѣзнію въ послѣднее время довольно писано.

Глава VII. *О наследственной сифилитической болѣзни* (стр. 335) (*Syphilis hereditaria*). Въ этой главѣ мы находимъ очень хорошее и отчетливое описаніе наследственнаго сифилиса.

Извѣстно, что этотъ предметъ въ медицинѣ въ настоящее время еще весьма мало изслѣдованъ и опредѣленъ, и потому подлежитъ многимъ спорамъ. Посему Профессоръ Заблоцкій съ свойственной ему критикой, повѣрилъ у постели больныхъ все, что было писано объ этомъ предметѣ, и изложилъ въ настоящемъ сочиненіи все, относящееся къ сему предмету, съ строгой отчетливостію. Явленія наследственнаго сифилиса раздѣлены у г. Заблоцкаго на явленія раннія, или вторичныя, и на явленія поздня, или третичныя (стр. 338). Въ числѣ пер-

выхъ авторъ описываетъ: дряхлость и малый объемъ тѣла ребенка, насморкъ (согуза), измѣненіе цвѣта кожи, нарывы зубной желѣзы и особеннаго рода измѣненія легкихъ и печени.

Къ числу послѣднихъ или третичныхъ явленій г. Заблонецкій относитъ припадки, описываемые нѣкоторыми подъ именемъ *скрофулоидовъ*, какъ явленій схожихъ съ золотухою. По этому многіе авторы золотуху и наследственный сифилисъ смѣшивали. Въ слѣдствіе сего авторъ сдѣлалъ чрезвычайно полезное рѣзкое разграниченіе между настоящею золотухою и этими поздними явленіями наследственнаго сифилиса. И вотъ какъ онъ совѣтуетъ различать эти двѣ болѣзни (стр. 344):

«Вообще золотуха развивается позже, чѣмъ *скрофулоиды*. «Золотушныя дѣти имѣютъ особенную наружность: они тучны, «цвѣтъ лица ихъ свѣжій, розовый, кожа прозрачна, глаза ихъ «обыкновенно большіе, голубые, окруженные бурнымъ кружкомъ, рѣсницы длинныя и поднятыя. Такія дѣти веселы, игривы, все въ нихъ дышетъ совершеннымъ здоровьемъ; по этому общему виду, по толстымъ ихъ губамъ, по ихъ четвероугольной челюсти, по ихъ головѣ, болѣе развитой въ вискахъ, врачъ узнаетъ, если незолотуху, то по крайней мѣрѣ расположеніе къ ней. Между тѣмъ болѣзнь усиливается, желѣзы опухаютъ, нѣсколько болятъ, но дитя все еще кажется по наружности совершенно здоровымъ».

«Дѣти же, страждущія *скрофулоидами*, наследственнымъ сифилисомъ, совсѣмъ не имѣютъ такой наружности; уже одинъ «видъ ихъ показываетъ, что они больны: цвѣтъ лица ихъ блѣдный, матовый, какъ-бы землистый; они худощавы, глаза ихъ «впалые и мутные, волосы рѣдкіе. Золотушныя вообще бѣлокуры, между тѣмъ какъ страждущія *скрофулоидами* бываютъ и русыя; губы ихъ не толсты, нижняя челюсть не представляетъ «ничего особеннаго; они унылы, угрюмы, не игривы; желѣзы развиты, но менѣе чѣмъ у золотушныхъ, и болѣе тверды».

Наконецъ авторъ замѣчаетъ, что въ *скрофулоидахъ* іоди-

стые препараты помогают хорошо и скоро, между тѣмъ какъ въ золотухѣ успѣхъ отъ этихъ средствъ сомнителенъ.

Глава VIII. *Сифилитическая кахексія* (*Cachexia syphilitica*) (стр. 346). Врачи обратили свое вниманіе на эту болѣзнь только въ новѣйшее время. Рикоръ, въ *Gazette des Hôpitaux*. 1847, первый сказалъ объ ней нѣсколько словъ; другіе писатели повторяли почти только сказанное Рикоромъ.

Г. Заблоцкій подъ именемъ сифилитической кахексіи описываетъ то состояніе человѣка, въ которое онъ ввергается, когда уже былъ нѣсколько разъ одержимъ различными припадками первичной и вскоренившейся сифилитической болѣзни и когда ядъ долго, десятки даже лѣтъ, оставался въ тѣлѣ. Отъ такого долгого пребыванія яда въ тѣлѣ человѣка организмъ его сильно и часто неисправимо измѣняется.

Авторъ подробно описываетъ картину всѣхъ явленій физическихъ, моральныхъ, а также патологическихъ измѣненій, которыя находятся у людей, страдающихъ этою болѣзнію. Изъ этого описанія становится очевиднымъ, почему такіе люди, истощавшіе, истощенные, бываютъ часто бездѣтны; а ежели и родятся у нихъ дѣти, то они являются на свѣтъ иногда съ припадками врожденной сифилитической болѣзни и вообще бываютъ недолговѣчны. Сверхъ того у такихъ людей, по замѣчанію автора, развиваются иногда бугорки въ легкихъ.

По этому г. Заблоцкій и говоритъ, что предсказаніе въ этой болѣзни (стр. 348) вообще неблагоприятно: больному угрожаетъ смерть. Къ счастью, въ такой сильной степени болѣзнь встрѣчается очень рѣдко. Изъ 1200 сифилитическихъ больныхъ, пользующихся ежегодно въ сифилитическомъ отдѣленіи 2-го Военно-Сухопутнаго Госпиталя, съ сифилитическою кахексіею бываетъ не болѣе 4 или 6 человѣкъ.

Въ лѣченіи этой болѣзни, по мнѣнію автора, очень важную роль играютъ средства гигиеническія, укрѣпляющая и пита-

тельная діета; а изъ фармацевтическихъ г. Заблоцкій отдасть преимущество не ртути и іоду (какъ нѣкоторые доселѣ дѣлали), а препаратамъ желѣза и, въ малыхъ приѣмахъ, хлористому золоту, Фовлеровой жидкости (по 2 или 3 кап. въ сутки) (стр. 349).

Хотя эта болѣзнь и г. Заблоцкимъ описана не обширно, но все-же внимательнѣе его и опредѣленнѣе никто еще доселѣ не описывалъ ея.

Глава IX. *Сифилофобія* (*syphilophobia, monomania syphilitica*) (стр. 349). Здѣсь авторъ излагаетъ свои наблюденія надъ тѣмъ страннымъ состояніемъ человѣка, когда у него нѣтъ вовсе никакихъ признаковъ сифилитической болѣзни, а между тѣмъ ему кажется, что у него находится та или другая форма, или, по крайней мѣрѣ, тотъ или другой изъ припадковъ ея. «Этого рода мономаніаки (стр. 350) жалуются большею частію на боли «въ носу, въ горлѣ, гдѣ нибудь во рту, на лицѣ, или въ другомъ мѣстѣ, и все это приписываютъ тому, что у нихъ сифилитическая болѣзнь не была хорошо излѣчена. Сколько ни увѣряйте «больнаго, что онъ ничего сифилитическаго не имѣетъ, вы его «положительно не убѣдите; ежели вы, наконецъ, откажете ему «въ прописаніи какого-нибудь лѣкарства, то онъ выйдетъ отъ «васъ недовольный, въ полномъ убѣжденіи въ вашемъ незнаніи «науки. Другіе больные воображаютъ, что у нихъ развивается «опухоль, особенно гдѣ-нибудь на костяхъ, во рту или носу, «которой въ сущности также нѣтъ.» По замѣчанію автора, «такого рода больные люди большею частію бываютъ недалекаго ума». На послѣдній фактъ доселѣ никто еще не обращалъ вниманія.

Относительно лѣченія такихъ мономаніаковъ авторъ говоритъ, что лѣчить ихъ трудно; однако онъ совѣтуетъ, дѣйствуя на нравственную сторону человѣка, въ то-же время дѣйствовать на организмъ укрѣпляющими средствами. Гидропати-

ческое лѣченіе также иногда можетъ приносить пользу этого рода больнымъ.

Оканчивая эту главу, г. Заблоцкій замѣчаетъ: «я знаю одинъ случай, гдѣ больной, жаловавшійся на постоянную боль въ задней части рта и приписывавшій ее дурно излѣченному шаню, объѣздивъ для совѣта почти всю Европу, получилъ наконецъ тифозную горячку, послѣ которой пополнѣлъ, и мнимыя страданія его исчезли.

Глава X. *О сифилизаціи* (стр. 351). Авторъ не принадлежитъ къ защитникамъ сифилизаціи, т. е. къ людямъ, которые полагаютъ, что посредствомъ многократно повтореннаго прививанія сифилитическаго гноя здоровымъ можно ослабить въ ихъ тѣлѣ воспріимчивость къ сифилитической заразѣ. Это средство предложено было въ послѣдніе годы Озіасъ-Тюрнемъ, Сперино и другими. Профессоръ Заблоцкій представляетъ здѣсь только заключеніе комисіи, назначенной въ Парижской Медицинской Академіи для изслѣдованія сифилизаціи: она донесла, что доселѣ нѣтъ ни одного вѣрнаго наблюденія удачной сифилизаціи, что люди, представленные сифилизаторами за сифилизованныхъ, точно также подвергались сифилитическому зараженію, какъ и тѣ, кои не были подвергнуты сифилизаціи. По этому авторъ, кажется, основательно заключаетъ, что сифилизаціи, т. е. прививанія венерической болѣзни здоровымъ людямъ, въ практикѣ дѣлать не слѣдуетъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Академіи Наукъ уже не безызвѣстно имя Профессора Заблоцкаго и какъ критика и какъ писателя, что видно изъ отчетовъ Академіи о присужденіи учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ. Нынѣ онъ снова является предъ лицомъ Академіи въ качествѣ писателя. Новый трудъ его, мнѣ кажется, и теперь также заслуживаетъ благосклоннаго

вниманія Академіи, какъ прежде. Руководство его къ изученію и лѣченію сифилитическихъ болѣзней, какъ видно изъ представленнаго здѣсь, довольно подробнаго изложенія содержанія его, есть сочиненіе полное и цѣлое.

Способъ изложенія предмета въ этомъ сочиненіи есть способъ научный. Понятія о болѣзни авторъ составляетъ не по сочетанію только симптомовъ, образующихъ форму того или другаго вида или видоизмѣненія ея; напротивъ, онъ образуетъ его посредствомъ изученія патологическаго процесса данной формы болѣзни, изъ анатомическаго перерожденія ткани, поражаемой опредѣленною формою недуга, изъ морфологическаго и отчасти даже химическаго измѣненія самой крови въ сифилитической болѣзни. Лѣченіе болѣзни авторъ основываетъ на соотношеніи патологическаго состоянія тѣла и физиологическаго дѣйствія лѣкарствъ на организмъ, дознаннаго опытомъ другихъ вообще и многократнымъ наблюденіемъ этого дѣйствія, произведеннымъ надъ больнымъ тѣломъ имъ самимъ. Если при лѣченіи данной формы болѣзни употребляется уже принятый способъ врачеванія или хирургическая операція, то авторъ подвергаетъ строгому разбору какъ способъ лѣченія, такъ и методу операціи, и послѣ точной оцѣнки назначаетъ тотъ или другой способъ лѣченія, ту или другую методу операціи. Для болѣе же яснаго и удобопонятнаго изложенія операцій, употребляемыхъ при лѣченіи сифилитическихъ болѣзней, авторъ представилъ въ своемъ сочиненіи рисунки, въ которыхъ изобразилъ наружный видъ болѣзни, которую должно лѣчить операціей, лучшій инструментъ для данной операціи и удобнѣйшіе приемы самаго производства операціи. При этомъ долгомъ считаю отдѣльно упомянуть о томъ, что авторъ часто обращаетъ вниманіе, по видимому, на мелочныя обстоятельства лѣченія; но эти кажущіяся неважными обстоятельства имѣютъ вліяніе на успѣхъ всего лѣченія и притомъ такой болѣзни, которая на всю жизнь потрясаетъ здоровье человѣка. И эта черта сочиненія г. Заблоцкаго, далеко не всѣмъ сифилографіямъ принадлежащая, заслу-

*

живається уваженія; ибо эти-то мелочи и ведутъ врача-практика прямо къ дѣлу и къ самому правильному его выполнению.

При изложеніи понятія какъ о болѣзни, такъ и о способѣ лѣченія авторъ не только не избѣгаетъ спорныхъ пунктовъ своего предмета, а, напротивъ, выдвигаетъ ихъ самымъ рельефнымъ образомъ впередъ въ видѣ вопросовъ и потомъ изслѣдуетъ ихъ съ ясной и положительной критикой; и если рѣшаетъ ихъ, положительно или отрицательно, то рѣшенія свои основываетъ не на своей только многолѣтней практической опытности, какъ это очень не рѣдко встрѣчается между врачами и въ ихъ сочиненіяхъ, а на началахъ науки; опытность же автора, пріобрѣтенная его пятнадцати-лѣтнимъ не эмпирическимъ наблюденіемъ, а рациональнымъ изученіемъ сифилитическихъ болѣзней, служитъ только подкрѣпленіемъ положеній науки.

Впрочемъ критическій способъ изложенія авторъ не ограничилъ только нѣкоторыми частными вопросами, касающимися сифилитическихъ болѣзней; напротивъ, все свое сочиненіе онъ изложилъ въ томъ-же духѣ научной критики. По этому въ сочиненіе свое онъ включилъ все, что собственно принадлежитъ сифилису, но въ то-же время исключилъ то, что ему существенно не принадлежитъ, хотя другими писателями и вносится въ сферу его. Такое критическое изложеніе предмета даетъ всему сочиненію характеръ совершенно самостоятельнаго труда. Но оно еще болѣе получаетъ значеніе труда оригинальнаго отъ того, что авторъ, какъ-бы въ замѣнъ исключеннаго имъ, присоединилъ много новыхъ, добытыхъ собственнымъ его наблюденіемъ, изученіемъ и опытомъ чрезвычайно важныхъ и полезныхъ понятій, служащихъ какъ къ точнѣйшему опредѣленію болѣзни, такъ особенно къ вѣрнѣйшему употребленію средствъ противъ нея и къ надежнѣйшему ея излѣченію, и, сверхъ того, для достиженія послѣдней цѣли онъ изобрѣлъ или улучшилъ какъ операціи, такъ и инструменты для производства операцій, дѣлаемыхъ при лѣченіи венерической болѣзни. И еще болѣе со-

чиненіе это носить на себѣ печать самостоятельности потому, что авторъ разобралъ въ немъ, кромѣ общеизвѣстныхъ формъ болѣзни, еще и тѣ complicacіи и видоизмѣненія, которыя свойственны нашему сырому, холодному, сѣверо-восточному климату, именно complicacіи и видоизмѣненія скорбутныя и золотушныя, условливающія или упорность, или разрушительность болѣзни; соотвѣтственно тому расположилъ и лѣченіе всѣхъ формъ сифилиса. Такого рода трудъ раздражательнымъ и быть не можетъ, ибо нѣтъ такого другаго мѣста на землѣ, гдѣ бы такое огромное населеніе представляло для болѣзни столь обширное поле при такихъ благопріятныхъ для ея развитія и осложненія условій, зависящихъ отъ мѣстности и климата, какъ въ нашей странѣ; а между тѣмъ у насъ доселѣ не было ни одного оригинальнаго сочиненія не только въ приложеніи къ мѣстности, но и вообще объ этихъ болѣзняхъ.

Такимъ образомъ очень понятно, какую пользу представляетъ руководство Профессора Заблоцкаго о сифилитическихъ болѣзняхъ для науки, для учащихся и для врачей-практиковъ.

На основаніи всего этого я полагаю, что сочиненіе это по всей справедливости заслуживаетъ полной Демидовской преміи.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ

• **А. ПОПОВА,**

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ :

ИСТОРІЯ ВОЗМУЩЕНІЯ СТЕНЬКИ РАЗИНА.

МОСКВА 1857,

СОСТАВЛЕННЫМЪ

ОРДИНАРНЫМЪ АКАДЕМИКОМЪ

Н. УСТЯЛОВЫМЪ.

•

!

Занимающимся Русскою Исторіею извѣстно, какъ еще мало издано источниковъ, а тѣмъ менѣе обработано критически. Не смотря на ежегодно обнародываемыя многіе томы, огромное количество документовъ разсѣяно по архивамъ и библіотекамъ, государственнымъ и частнымъ, не всѣмъ и не всегда доступнымъ. Недостатокъ печатныхъ источниковъ особенно ощутителенъ въ Русской Исторіи XVII вѣка. О нѣкоторыхъ происшествіяхъ, часто весьма важныхъ, историкъ, на основаніи достовѣрныхъ источниковъ, принужденъ сказать нѣсколько словъ, не имѣя возможности прослѣдить самое происшествіе, ни объяснить его значеніе. Къ числу такихъ неясныхъ событій принадлежитъ возмущеніе Стеньки Разина. Народныя преданія и пѣсни, вмѣстѣ съ сказаніями иноземцевъ, сохранили гораздо болѣе извѣстій, нежели источники официальные, въ достовѣрности которыхъ не можетъ быть сомнѣнія. Но одни преданія и пѣсни, безъ повѣрки источниками официальными, равно и сказанія иноземцевъ, безъ критическаго соображенія съ современными отечественными извѣстіями, конечно не могутъ быть достаточными источниками исторіи. Отъ того, не смотря на нѣсколько актовъ, обнародованныхъ Археографическою Коммиссіей, возмущеніе Разина оставалось до сей поры явленіемъ необъяснимымъ.

Въ прошедшемъ году г. Поповъ издалъ *Исторію возмущенія Стеньки Разина*, на основаніи новыхъ источниковъ, собранныхъ въ рукописяхъ и въ столбцахъ государственныхъ архи-

вовъ и частныхъ хранилищъ, а самые документы напечатавъ въ приложеніи къ своему сочиненію.

Трудъ собранія рукописныхъ источниковъ, чтеніе ихъ, критическое соображеніе со всѣми извѣстными доселѣ матеріалами, и точное, вѣрное обнародованіе — вотъ явленіе, на которое нельзя не обратить вниманіе Академіи. Но авторъ разсматриваемаго сочиненія не ограничился изданіемъ новыхъ и любопытныхъ документовъ: онъ представилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и полную исторію возмущенія Разина.

Въ первой главѣ сочиненія г. Поповъ критически разсматриваетъ всѣ источники, которыми онъ пользовался, какъ отечественные (офіціальные и частные), такъ и иностранные. Отѣхъ и другихъ представляетъ отчетливое изслѣдованіе, которое можетъ быть повѣрено; ибо вновь открытые имъ матеріалы изданы въ отдѣльномъ приложеніи къ сочиненію. Такимъ образомъ заимствованы матеріалы изъ государственнаго разряднаго архива, изъ Московскаго главнаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, изъ собранія любителя русскихъ древностей Карабанова, и другихъ частныхъ библіотекъ, равно какъ изъ источниковъ иностранныхъ, сочиненій Стрѣйса, Штурцфелейша и другихъ.

Во 2-й главѣ разсмотрѣно подробно и вѣрно состояніе Россіи предъ возмущеніемъ Разина и обращено особенное вниманіе на Донскихъ козаковъ; потомъ разсказано о появленіи Разина на Волгѣ и о походѣ его въ Персію.

Въ 3-й главѣ описано новое возмущеніе Разина на Яикѣ, объявленіе ему милостивой грамоты и ложное раскаяніе.

Въ 4-й главѣ разсказано подробно и любопытно объ осадѣ и взятіи мятежниками Царицына и Астрахани.

Въ 5-й главѣ — освобожденіе Симбирска, поимка Разина и казнь его.

Въ 6-й главѣ — убіеніе Астраханскаго митрополита Іосифа и окончательное усмиреніе мятежа.

Приложенія къ Исторіи Разина выписаны авторомъ изъ

разныхъ архивовъ; наиболѣе значительны слѣдующія: 1) Дѣло по извѣту стрѣльца Поцылова на боярскаго голову Боева въ намѣреніи передаться Разину, изъ Московскаго Разряднаго Архива. 2) Отписка воеводы князя Рамодановскаго и царскія къ нему грамоты по случаю допроса стрѣльцовъ, находившихся въ сношеніяхъ съ Разинымъ. 3) Подробная выписка о Разинѣ, — болѣе тридцати отписокъ Астраханскихъ и Царицынскихъ воеводъ, сообщенная изъ Казанскаго приказа въ Посольскій. 4) Дѣло изъ библіотеки Карабанова о дѣйствіяхъ Московскихъ войскъ противъ Разина, заключающее въ себѣ болѣе восьмидесяти донесеній Государю воеводъ Хитрова, Урусова, Милославскаго, Борятинскаго, Долгорукаго и другихъ. 5) Приговоръ о казни Стеньки Разина изъ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. 6) Сказаніе о градѣ Астрахани и о страданіи Іосифа, митрополита Астраханскаго и Терскаго.

Имѣя въ виду важность этихъ документовъ, до сихъ поръ неизвѣстныхъ и тщательно нынѣ изданныхъ, принимая, сверхъ того, въ соображеніе отчетливый и вѣрный разсказъ о мятежѣ Разина, основанный исключительно на актахъ и другихъ матеріалахъ несомнительныхъ, честь имѣю представить Императорской Академіи Наукъ Исторію возмущенія Стеньки Разина, А. Попова, къ награжденію премією изъ Демидовскаго конкурса.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ

ЭКСТРАОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА АКАДЕМІИ

ИЛАРІОНА ЧИСТОВИЧА,

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ :

ИСТОРІЯ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ,

СОСТАВЛЕННЫИ

ОРДИНАРНЫИ АКАДЕМИКОИЪ

Н. УСТРЕЛОВЫИЪ.

Послѣ краткаго обозрѣнія училищъ въ сѣверной Россіи до XVIII вѣка, г. Чистовичъ говоритъ о мѣрахъ правительства къ распространенію образованія въ духовенствѣ и объ учрежденіи и устройствѣ Александрo-Невской Славянской Школы въ 1721 году, которая чрезъ пять лѣтъ переименована въ Александрo-Невскую Славяно-Греко-Латинскую Семинарію и потомъ, въ 1788 году, въ Главную Семинарію. Въ числѣ первыхъ наставниковъ ея былъ извѣстный Адамъ Селлій. Показавъ порядокъ ученія и особые труды учителей, между прочимъ пересмотръ, для новаго изданія, Четѣихъ-Миней Св. Димитрія Ростовскаго и Печерскаго Патерика, авторъ упоминаетъ о всѣхъ вообще ректорахъ, префектахъ и учителяхъ Семинаріи, и говоритъ подробно о приѣмѣ воспитанниковъ, выпускѣ ихъ изъ Семинаріи и поступленіи какъ въ епархіальное вѣдомство, такъ въ Академію Наукъ, въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, въ Комисію объ учрежденіи народныхъ училищъ и въ иностранные университеты. Въ томъ же порядкѣ рассказываетъ о Главной Семинаріи, послѣ переименованія ея, въ 1797 году, Александрo-Невскою Академіею, и наконецъ излагаетъ подробно исторію С. Петербургской Духовной Академіи съ 1809 по 1856 годъ, раздѣливъ ее на три отдѣла: въ первомъ изложено преобразование духовныхъ училищъ по плану преосвященнаго Евгенія, епископа Старорусскаго, и начертаніе правилъ о образованіи Духовныхъ Академій; во второмъ подробно рассказано о первомъ учебномъ курсѣ С. Петербургской Духовной Акаде-

мін, о методѣ преподаванія наукъ и объ особыхъ ученыхъ трудахъ академическихъ наставниковъ; въ третьемъ отдѣленіи изложены измѣненія и дополненія въ учебной части Академіи, конспекты, учебники и руководства, особые труды академическихъ наставниковъ, управление Академіи и списки наставниковъ, приѣмъ и выпускъ воспитанниковъ изъ Академіи, размѣщеніе и послѣдующая судьба ихъ.

Свѣдѣнія о С. Петербургской Духовной Академіи, кромѣ источниковъ печатныхъ, авторъ заимствовалъ преимущественно изъ архива Святѣйшаго Синода, изъ архива Александро-Невской Лавры, изъ библіотеки Духовной Академіи, изъ дѣлъ С. Петербургской Семинаріи, изъ архива С. Петербургской Духовной Консисторіи, изъ дѣлъ Комиссіи Духовныхъ Училищъ и изъ отчетовъ Оберъ-Прокурора Св. Синода. Нѣкоторые найденные имъ документы напечатаны вполнѣ; таковы, напримѣръ, просьба знаменитаго Сперанскаго объ увольненіи его изъ духовнаго званія (стр. 84), письмо Амвросія, архіепископа Екатеринославскаго о Мартыновѣ (91), предположенія академическаго правленія о воспитанникахъ Академіи, съ резолюціями митрополита (111), программа эстетики архимандрита Леонида (201), и многіе другіе; прочіе же приведены въ извлеченіи, съ опредѣлительнымъ указаніемъ, гдѣ именно находятся. Всѣ свои извѣстія авторъ подкрѣпляетъ ссылками на дѣла архивовъ и на книги печатныя.

Принимая во вниманіе основательность, съ которою г. Чистовичъ изложилъ Исторію С. Петербургской Духовной Академіи по источникамъ разныхъ архивовъ, имѣю честь представить Императорской Академіи Наукъ о присужденіи его полезному труду половинной преміи Демидовскаго конкурса.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНИЯ

А. ПЫПИНА

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

ОЧЕРКЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИИ СТАРИННЫХЪ ПОВѢСТЕЙ И СКАЗОКЪ РУССКИХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1857,

СОСТАВЛЕННЫЙ

ОРДИНАРНЫМЪ АКАДЕМИКОМЪ

И. И. СРЕЗНЕВСКИМЪ.

Трудъ г. Пыпина — дорогой вкладъ въ запасъ историческихъ изслѣдованій о Русской литературѣ, какъ разработка матеріаловъ по той долѣ памятниковъ нашей древней и старинной письменности, которая доселѣ всего менѣе была разработана. Дорожить имъ мы можемъ тѣмъ болѣе, что онъ не могъ быть веденъ безъ особеннаго самоотверженія и былъ веденъ съ внимательностію, достойною подражанія.

. Три рода памятниковъ рассмотрѣны въ «Очеркѣ»: 1) повѣсти и сказки, переданныя съ Греческаго на Старо-Славянское нарѣчіе, 2) повѣсти и сказки, переведенныя на Славяно-Русское и на Русское нарѣчіе съ Польскаго и съ Нѣмецкаго, 3) повѣсти и сказки, чисто Русскія, написанныя или записанныя въ до-Петровское время. Памятники всѣхъ трехъ родовъ рассмотрѣны почти исключительно по рукописямъ, съ постояннымъ вниманіемъ къ различіямъ списковъ. Разсматривая памятники двухъ первыхъ отдѣловъ, авторъ имѣетъ въ виду опредѣлить подлинникъ, съ котораго сдѣлалъ переводъ, и степень участія переводчика въ измѣненіи подлинника. Памятники третьяго отдѣла обращали на себя вниманіе со стороны достоинства изложенія и языка. Всего подробнѣе разобраны памятники перваго рода. Къ частнымъ изслѣдованіямъ прибавлены во вступленіи и въ другихъ мѣстахъ общія замѣчанія, или какъ мнѣнія, которыми авторъ руководимъ былъ въ своихъ взглядахъ на частности, или какъ выводы, къ которымъ приведенъ былъ разборъ частныхъ.

*

Глядя на «Очеркъ», какъ на подборъ частныхъ изслѣдованій, не найдемъ ни одной страницы не любопытной. Многія изъ нихъ не только любопытны, но и важны въ высшей степени, каковы напр. изслѣдованія повѣстей о царѣ Соломонѣ (стр. 102 — 223). Какъ мало желалъ авторъ сберечь трудъ и время, видно изъ тѣхъ частей «Очерка», гдѣ представляются историко-литературныя подробности объ иноземныхъ передѣлкахъ повѣстей, переведенныхъ съ Греческаго, на Славянскомъ переводѣ которыхъ не лежитъ никакое особенное вліяніе. Столь-же мало заботился авторъ и о томъ, чтобы выставить на видъ свой трудъ: въ обозначеніи подлинниковъ, особенно Польскихъ и Нѣмецкихъ, съ которыхъ переведены повѣсти въ нашихъ сборникахъ, сообщены одни результаты. Читатели, сами занимающіеся изслѣдованіями въ области древностей и старины Русской литературы, будутъ благодарны автору также за то, что всюду указаны рукописи, въ которыхъ находятся разобранныя имъ повѣсти и сказки. Указанія печатныхъ пособій для изученія предмета не такъ тщательны; тѣмъ не менѣе почти все главное есть: труды Карамзина, Востокова, Снегирева, Полеваго, Сахарова, Буслаева и нѣкоторыхъ другихъ нашихъ писателей, ихъ изслѣдованія, соображенія и мнѣнія о старинныхъ повѣстяхъ и сказкахъ нашихъ пересмотрѣны и указаны авторомъ большею частію довольно опредѣлительно тамъ, гдѣ было необходимо. Съ помощію однихъ этихъ указаній нельзя прослѣдить всего хода открытій и разысканій, сдѣланныхъ у насъ по той долѣ литературы, которой авторъ посвятилъ своей «Очеркъ»; тѣмъ не менѣе его указанія могутъ во многомъ облегчить трудъ того, кто захотѣлъ бы за это взяться.

Одно только можетъ произвести не совѣтъ пріятное впечатлѣніе на вниманіе читателя, пользующагося «Очеркомъ» какъ подручнымъ пособіемъ при изученіи старинной Русской литературы: это то, что о повѣстяхъ и сказкахъ чисто Русскихъ говорится всего менѣе. О нѣкоторыхъ едва упомянуто. Трудъ изслѣдованія вопроса о старинной Русской повѣсти и сказкѣ ос-

тается за авторомъ, и, вѣроятно, не будетъ имъ покинутъ, какъ наиболѣе важный въ кругу работъ, имъ избранномъ.

За этотъ трудъ, конечно, и рано еще было взяться съ мыслию довести его до сколько-нибудь положительнаго результата при помощи только тѣхъ источниковъ, которые были у автора. Рано, потому что до рудниковъ, гдѣ, находится то, что должно быть разработано, едва дотронулись любители старины, осмотрѣвъ только тѣ изъ рукописей, которыя случайно сдѣлались доступны. Нѣтъ сомнѣнія, что къ открытіямъ послѣднихъ сорока лѣтъ прибавится еще много новыхъ открытій. Будемъ надѣяться, что г. Пыпину самому удастся умножить бѣдный запасъ матеріаловъ, нужныхъ для разработки вопроса, если не въ его цѣлости, то хоть по частямъ. Удача открытій не зависить впрочемъ отъ частной воли ищущихъ: рудники памятниковъ литературы не то, что рудники золота или клады каменнаго угля; до нихъ не доберешься съ однимъ знаніемъ и охотой.

Отъ частной воли можетъ зависѣть только стараніе пользоваться доступнымъ, сдерживаться при общихъ выводахъ въ границахъ исторической умѣренности. И это стараніе не всегда неразлучно съ успѣхомъ. Кое-какія доказательства тому найти можно и въ «Очеркѣ». На стр. 302 наприм. совершенно справедливо говоритъ авторъ о «неизвѣстности памятниковъ, относящихся къ стариной повѣсти» Русской; признаетъ, что въ настоящемъ положеніи вопроса о старой литературѣ нашей «опредѣленіе фактовъ есть дѣло первой необходимости»; вѣрить, «что откроется еще не одно замѣчательное произведеніе поэтической старины Русской, если только будутъ разбирать памятники съ любовью»; вѣрить, что идти къ общимъ выводамъ еще рано: «результаты явятся за изслѣдованіемъ». Несмотря однако на всѣ эти оговорки, онъ смѣло говоритъ (на той-же страницѣ), «что большая часть фактовъ уже разобрана» и что «характеръ старинной Русской повѣсти (уже) ясно открывается изъ разбора ея произведеній»; даже опредѣляетъ «ея существен-

ныя черты—подражаніе, недостатокъ самобытнаго, ограниченность литературнаго значенія». Что таковы существенныя черты той извѣстной небольшой горсти повѣстей, гдѣ слону о купцѣ Басаргѣ, сказанію о Дракулѣ, сказанію о Савѣ Грудцинѣ и повѣсти о Фролѣ Скабѣевѣ надо было дать самыя почетныя мѣста, объ этомъ и говорить не-чего; но таковы ли же окажутся черты того, что еще неизвѣстно, это вопросъ, который теперь разрѣшать еще рано: «результаты явятся сами за изслѣдованіемъ», какъ говоритъ самъ авторъ, «и каковы бы они ни были, они должны быть приняты наукой, не смотря на упорство частныхъ мнѣній». Итакъ надобно прежде изслѣдовать. Будемъ же ждать открытій и изслѣдованій.

Есть впрочемъ и другія стороны предмета, не столь темныя, не такъ тѣсно связанныя съ будущими изслѣдованіями и открытіями, и тѣмъ не менѣе ясно видныя только для того, кто слѣдитъ спокойно и осмотрительно. Мнѣ показалось, что спокойствіемъ духа и осмотрительностью вниманія авторъ «Очерка» пользовался не всегда одинаково-строго. Мнѣ показалось это, между прочимъ, въ его взглядѣ на разсматриваемый родъ литературы вообще и у народовъ новой Европы особенно. Читая «Очеркъ», можно придти къ мысли, что литература у каждаго народа только все болѣе и болѣе развивается, хотя медленнѣе или скорѣе, что по крайней мѣрѣ такъ было въ новой Европѣ. А было ли такъ? Правда, что напр. каждая эпическая тема появлялась въ объемѣ все болѣе широкомъ, въ обдѣлкахъ все болѣе разнообразныхъ; но въ этомъ внѣшнемъ развитіи не заключалось развитія внутренняго, художественнаго: передѣлки чѣмъ новѣе, тѣмъ хуже, съ немногими исключеніями. Любитель средне-вѣковой поэзіи не напрасно по этому ищетъ изводовъ подревнѣе и предпочтетъ Беовульфа, Эдду Семунда, пѣснь о Роландѣ, Маронады Ливарка и Аневрина, Мабиногіонъ, романамъ въ стихахъ и прозѣ XIII—XV вѣка, вовсе не какъ археологъ, а какъ литераторъ. Слово о Полку Игоревѣ предпочтетъ онъ по той же причинѣ сказанію о Мамаевомъ побойцѣ и тому подоб-

нымъ произведеніямъ. Причина, я думаю, кроется въ постепенномъ паденіи народности: тѣмъ больше книжность побѣждала народность, тѣмъ болѣе слабѣла словесность внутреннимъ достоинствомъ, до тѣхъ поръ пока сама книжность не добыла собственныхъ силъ и не научилась примиряться съ народностью. Читая «Очеркъ», можно еще подумать, что средневѣковая словесность была одна, общая для всей западной Европы; по крайней мѣрѣ авторъ постоянно говорить о ней, какъ о чемъ-то пѣльномъ. Такой взглядъ на средніе вѣка западной Европы едва ли приводитъ къ ихъ ясному разумѣнію: отлеченіе особенностей словесности у Кельтовъ, сѣверныхъ Французовъ, Провансальцевъ, Германцевъ, Англосаксовъ, Исландцевъ и т. д. настолько же болѣе даетъ наслажденія любопытному уму, на сколько оно правдивѣе: не смѣшивая различнаго, оно не обходится безъ сравненій и подмѣчаетъ достоинства, которыя безъ того были бы въ туманѣ. Отлеченіе особенностей словесности каждаго народа отводитъ и отъ необходимости искать въ литературѣ каждаго народа однихъ и тѣхъ-же родовъ произведеній и подводить для этого подъ одинъ разрядъ различные роды. Оно не позволяетъ разсматривать, какъ явленія того-же порядка, мали и квиды Семундовой Эдды съ повѣстями Скальдовъ и съ сагами, лиро-эпическія поэмы древнихъ бардовъ съ «повѣстями для дѣтей» (tabinogion), древніи эпосы Германіи и Франціи съ романами въ стихахъ; не позволяетъ недобраго слова объ Англосаксонской словесности только потому, что въ ней нѣтъ романовъ, о Французской только потому, что въ ней не было той восторженности въ изложеніи, которая поражаетъ въ припоминаніяхъ Кельтскихъ и древне-Исландскихъ, — о Кельтской только потому, что въ ней мѣсто лѣтописей занимаютъ тріады и т. д. Оно, вѣроятно, найдетъ стороны не-черныя и въ остаткахъ отъ нашей Русской словесности древней и старинной, хотя теперь и въ модѣ указывать такіа стороны, какъ было во Франціи не дальше какъ за шестьдесятъ лѣтъ и даже ближе. — Воротясь къ словесности Русской, отмѣчу еще одно, что можетъ показаться страннымъ въ «Очеркѣ». Къ

тому-же роду повѣстей и сказокъ отнесъ авторъ Слово о Полку Игоря, стихъ о Голубиной книгѣ, стихъ о Горѣ-злосчастіи, притчи, былины, и повѣсть о Цареградѣ чисто историческаго содержанія, и не внесъ въ «Очеркъ» ни другихъ подобныхъ повѣстей историческихъ, ни другихъ стиховъ, ни притчъ такого же характера, но встрѣчающихся не въ позднѣйшихъ сборникахъ, а въ прологахъ, житіяхъ святыхъ и т. п. Желательно было бы, по крайней мѣрѣ, чтобы въ «Очеркъ» былъ яснѣе определенъ кругъ повѣсти и сказки.

Считая нѣкоторыя части или, правильнѣе сказать, страницы «Очерка» литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ Русскихъ не вполне удостовѣрительными, и выражая о нихъ свое мнѣніе открыто, я не думаю и не желаю ни передъ собою, ни передъ другими умалить значеніе труда г. Пыпина. Съ истиннымъ желаніемъ быть правдивымъ, повторяю, что книга г. Пыпина—дорогой вкладъ въ запасъ историческихъ изслѣдованій,—тѣмъ болѣе дорогой, что весь запасъ подобныхъ изслѣдованій, на сколько они извѣстны въ печати, у насъ еще очень бѣденъ и что г. Пыпинъ принадлежитъ къ небольшому числу нашихъ литературныхъ изслѣдователей, понимающихъ необходимость дѣлать изслѣдованія по рукописямъ и пользоваться, насколько у насъ возможно, указаніями первоклассныхъ историко-литературныхъ трудовъ иностранныхъ. Книга г. Пыпина и въ томъ видѣ, какъ она вышла въ первый разъ, есть необходимая настольная книга для всякаго, кто научно занимается Русской исторіей, а вмѣстѣ и Старо-Славянской литературой. Такой трудъ достоинъ уваженія всѣхъ, кому дороги успѣхи нашей ученой дѣятельности, достоинъ поощренія и Академіи Наукъ.

Представляя книгу г. Пыпина вниманію гг. членовъ Комиссіи, позволяю себѣ думать, что она вполне заслуживаетъ поощрительной Демидовской награды.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ

А. МАЙКОВА,

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

ИСТОРИЯ СЕРБСКАГО ЯЗЫКА ПО ПАМЯТНИКАМЪ,

ПИСАННЫМЪ

КИРИЛИЦЕЮ, ВЪ СВЯЗИ СЪ ИСТОРИЕЮ НАРОДА.

МОСКВА 1857,

СОСТАВЛЕННЫМЪ

ОРДИНАРНЫМЪ АКАДЕМИКОМЪ

Н. И. СРЕЗНЕВСКИМЪ.

Народъ Сербскій занимаетъ значительную часть южной Европы на сѣверо-западъ отъ Мизіи и Албаніи къ Истріи и Кроаціи, смѣшиваясь не только тамъ, на сѣверо-западѣ, но даже и южнѣе. на побережьи и на островахъ Адріатическаго Моря, съ народомъ Хорватскимъ до такой степени, что трудно отдѣлить ихъ одинъ отъ другаго и по языку, и по религіи. По религіи имя Сербовъ сохранили только тѣ, которые исповѣдуютъ вѣру православную; а многіе изъ Римскихъ католиковъ, вовсе не считая себя Сербами, не признаютъ себя и за Хорватовъ. и носятъ разныя мѣстныя названія. Число католиковъ все болѣе умножается, и такимъ образомъ все меньше остается тѣхъ, которые называютъ себя Сербами. Это уменьшеніе Сербовъ явленіе не новое: слѣды перемѣны религіи или, лучше сказать, отпаденія отъ власти патріарха подъ власть папы находимъ въ самыхъ отдаленныхъ среднихъ вѣкахъ. Такъ, напримѣръ, глаголиты, отчасти уцѣлѣвшіе и теперь, сохраняя вмѣстѣ со Славянскимъ богослуженіемъ и особенную Славянскую грамотность, глаголическую, очевидно, были прежде, если и не совершенно чисто православные, то все-таки и не паписты. По языку и доселѣ они отличаются отъ Сербовъ въ такой же степени, какъ, напримѣръ, Новгородцы отъ Москвитянъ. На столько-же отличаются по языку и жители южной Далмаціи римско-католическаго исповѣданія отъ своихъ сосѣдей православныхъ. Произведенія римско-католическихъ писателей Далмаціи считаются Сербами совершенно за родныя, если только написаны или напечатаны православными

Славянскими буквами. Очевидно изъ этого, что ни религія, ни грамотность не могутъ быть взяты указателями отѣика народности этой части Славянскаго населенія, — ни этнографомъ, ни филологомъ. Вѣрнѣе будетъ считать за одно цѣлое съ Сербами и тѣхъ не Сербовъ, которые говорятъ тѣмъ-же нарѣчіемъ и судьбы ихъ языка въ народѣ и въ письменности разсматривать нераздѣльно.

Это принялъ и г. Майковъ, оговоривши въ самомъ заглавіи своего сочиненія, что онъ ограничивается въ своемъ изслѣдованіи только памятниками, писанными кириллицею. Ясно, что онъ самъ считалъ возможнымъ заняться дѣломъ и по тѣмъ памятникамъ, которые писаны не кириллицею, т. е. латинскимъ письмомъ и глаголицею. Что онъ этого не сдѣлалъ, на то была его личная воля.

Задача, рѣшенію которой г. Майковъ посвятилъ свое обширное сочиненіе, была тронута уже слишкомъ за двадцать лѣтъ предъ тѣмъ П. П. Шафарикомъ въ изслѣдованіи, изданномъ подъ названіемъ *Serbische Lesekörner, oder historisch-kritische Beleuchtung des Serbischen Mundart*. Pesth, 1833, — и на первый разъ съ самой важной стороны — со стороны признаковъ отличія Сербскаго нарѣчія отъ нарѣчія Церковно-Славянскаго. Шафарикъ воспользовался множествомъ памятниковъ IX—XVI вѣковъ и доказалъ опредѣлительно, что два эти нарѣчія издавна отличались одно отъ другаго многими рѣзкими чертами. Повести дѣло дальше можно было только однимъ путемъ, именно: вникая въ черты повременнаго видоизмѣненія Сербскаго нарѣчія памятниковъ подъ зависимостью внутреннихъ законовъ и внѣшнихъ обстоятельствъ и опредѣляя удѣльное значеніе тѣхъ и другихъ. Путь этотъ избранъ г. Майковымъ, и не только счастливо избранъ, но и счастливо пройденъ въ тѣхъ границахъ, которыя счелъ онъ для себя годными. Какія это границы, указано отчасти въ самомъ заглавіи: г. Майковъ предположилъ разобрать только кирилловскіе памятники, миновавъ глаголическіе и Латинскіе; прослѣдя въ нихъ элемен-

ты чисто народнаго языка, онъ хотѣлъ опредѣлить не столько судьбы его, сколько движеніе языка книжнаго, какъ смѣшенія народнаго Сербскаго съ Церковно-Славянскимъ. «Разсматриваемый нами книжный языкъ — говоритъ авторъ — представляется огромнымъ многовѣковымъ поприщемъ, на которомъ сходятся двѣ стихіи, хотя родственныя и близкія одна къ другой, но тѣмъ не менѣе на столько отличныя, что въ выборѣ между тою и другою древніе писцы дѣйствовали сознательно. Но не насильственное вторженіе въ чужую область, а добровольное принятіе знаменуетъ присутствіе Церковно-Славянской стихіи въ древне-Сербской письменности.... Двѣ стихіи сталкивались, и каждая предъявляла свои права на преобладаніе, смотря по смыслу рѣчи.... Книжный языкъ совмѣстилъ оба» (стр. 816—817). Таковъ общій взглядъ автора, постепенно выражающійся въ частныхъ разъясненіяхъ дѣла. Что онъ справедливъ, оспаривать невозможно. Памятники, изъ которыхъ авторъ почерпалъ данныя изъ своихъ соображеній — акты XII—XV вѣковъ, исключительно акты: въ концѣ книги приложенъ списокъ ихъ, а во введеніи (стр. 1—58) и во вступленіи ко второй части изслѣдованія (стр. 307—320) находимъ ихъ обзоръ, превосходно составленное. Развѣ нѣтъ другихъ памятниковъ Сербскихъ, важныхъ для исторіи языка? спроситъ читатель. Есть; но авторъ, по особеннымъ причинамъ, миновалъ ихъ. И онъ могъ это сдѣлать почти безъ нарушенія полноты отвѣтовъ на вопросы, которые имѣлъ въ виду: его занимали исключительно вопросы грамматическіе — объ употребленіи звуковъ языка и объ образованіи словесныхъ формъ, преимущественно формъ склоненія и спряженія. Слова сами по себѣ, какъ выраженія принадлежностей быта и образованности народа, какъ явленія внутренняго развитія народнаго духа или вліянія внѣшняго, обратили на себя его вниманіе только немногія и то вскользь. Вотъ въ какихъ границахъ г. Майковъ шелъ избраннымъ путемъ. Эти границы позволяютъ смотрѣть на трудъ г. Майкова, какъ не

оконченный, и ожидать отъ него-же его окончанія. Только воплѣтъ оконченный, онъ дастъ наукѣ цѣльные результаты; а тогда въ немъ будутъ сопоставлены данныя не изъ однихъ кирилловскихъ памятниковъ, но вмѣстѣ изъ глаголическихъ и Латинскихъ; не изъ однихъ актовъ, но вмѣстѣ и изъ книгъ, записей и т. п., и данныя не только грамматическія, но вмѣстѣ и лексикальныя. Тогда только получатъ полное свое значеніе и тѣ общія филологическія замѣтки о соотношеніи Славянскаго языка съ другими Индо-Европейскими, съ Санскритомъ, Зендомъ и т. д., которыя вошли въ книгу г. Майкова; тогда объяснятся, можетъ быть, и его взгляды на судьбы языка Славянъ вообще и Сербовъ особенно.

Какъ бы то ни было, лингвистическое изслѣдованіе занимаетъ только часть обширной книги г. Майкова (стр. 1—58 и 307—847). Къ нему примкнуто другое изслѣдованіе, совершенно особенное, по внутреннему содержанію еще болѣе обширное и болѣе важное, историческое изслѣдованіе о судьбахъ Сербскаго православнаго народа въ собственной Сербіи, Босніи и Дубровникѣ (стр. 59—306). Не останавливаясь на ней, замѣтимъ, что нигдѣ еще не была представлена исторія Сербскаго народа съ такою внимательностію къ показаніямъ современнымъ и съ такою подробностію. За одну эту часть труда своего, г. Майковъ былъ бы достоинъ полной признательности и уваженія; она даетъ ему право на одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ между учеными, занимавшимися исторіей Славянскихъ народовъ. Въ этой части своего труда авторъ не ограничивался показаніями однихъ актовъ, а старался, по мѣрѣ возможности, объяснить ихъ показанія другими источниками, и изъ общаго сличенія всѣхъ данныхъ вывести историко-критическимъ путемъ результаты касательно событій, важныхъ въ судьбахъ Сербскаго народа.

Значительно важныя учено-историческія изслѣдованія касательно судебъ Сербовъ были совершены въ прошломъ вѣкѣ и въ началѣ нынѣшняго; заслуги Аппендини, Лучича, Фарлатича,

Энгеля, Катанчича безсмертны. Но труды этихъ ученыхъ изслѣдователей не могли быть окончательными уже потому, что имъ не доставало многихъ подлинныхъ, современныхъ актовъ. Значительная часть ихъ появилась въ 1841 г. въ сборникѣ «Спометицы»; другіе еще позже. Трудъ переработки прежнихъ изслѣдованій могъ, слѣдовательно, быть начатъ только не очень давно. И честь г. Майкову, что ему прежде другихъ пришло на мысль взяться за это дѣло.

Что и труды г. Майкова не могли довести его изслѣдованія до окончательной обработки, — это не его вина. Многіе, столь-же важные акты, остаются неизданными, частію даже и никому изъ ученыхъ неизвѣстными. Таковы, между прочимъ, статуты нѣкоторыхъ древнихъ общинъ приморскихъ, и др. Понемногу они выходятъ въ свѣтъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ (Зарѣ Далматинской, Дубровникѣ, Архивѣ юго-славянской исторіи и др.); но многое, даже и кое-кому извѣстное, еще не напечатано. До важнаго статута общины Неретъянской, описанной Константиномъ Багрянороднымъ подъ именемъ (Паганія, еще никто не добрался. Все же нужно было начать дѣло, — и г. Майковъ счастливо его началъ. Будемъ надѣяться, что онъ счастливо его и продолжитъ со временемъ.

Основываясь на такихъ достоинствахъ книги г. Майкова, полагаю справедливымъ присудить ему половинную Демидовскую награду.

3 393D

